

Ирина Снегирева

12+

Гостя лесного князя

Том 1. Падение с небес

Ирина Снегирева
Гостя лесного князя.
Падение с небес. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67336262

SelfPub; 2022

Аннотация

С большой высоты очень больно падать, особенно если ты молода и неопытна. Ну, а если путем проб и ошибок непременно с набитыми шишками опыт пришёл, то с кем предпочтёшь остаться? Кто для тебя дороже – люди или звери?

От автора: Это непростая история Ярославы и её близких, сумевших подняться и занять достойное место в жизни после череды бед и несчастий, свалившихся на семью.

Первая история о Ярославе.

Содержание

Гостя лесного князя. Падение с небес (Том 1)	4
Глава 1. Знакомство	9
Глава 2. О девицах, способных на всякие глупости в любом возрасте	34
Глава 5. Дорога	124
Глава 6. Новый мир	153
Глава 7. Иногда прошлое возвращается	179
Глава 8. Начало разгадок	211
Глава 9. Надежда на лучшее	241
Глава 10. Когда горит душа и тело, любимый, ты берись за дело	278
Глава 11. Колесо для белочки	338
Глава 12. Сюрприз по- аптекарски или здравствуйте, я его дядя	366

Ирина Снегирева

Гостя лесного князя.

Падение с небес. Том 1

Гостя лесного князя.

Падение с небес (Том 1)

Пролог

Холодный морозящий весенний дождь, неласково соприкасающийся с моим лицом, руками, был довольно неприятен. Но в очередной раз я запретила себе об этом думать, лишь плотнее прижав ноги к лоснящимся бокам коня по кличке Быстрый. Плащ из непромокаемой новомодной ткани оказался весьма уместным, что позволило мне не превратиться в подобие мокрой курицы из-за навязчивого дождя.

– Не ругайся, мой хороший, ты же видишь таверну? Нам туда, – пробормотала я коню в ответ на его тяжелый вздох, – и там у нас будет всё. И горячая еда для меня, и сено с зерном для тебя. Деньги есть, не пропадём, – я попыталась пошутить, подбадривая в очередной раз за прошедшие сутки Быстрого, но скорее всего себя саму.

Я кинула поводья подоспевшему мальчишке из трактир-

ной конюшни, отдала распоряжения. Затем ободряюще провела по холке коня рукой, благодарно заглянула в его усталые огромные черно- синие глаза и отправилась подкрепиться.

Но едва я открыла двери долгожданного заведения, о котором мечтала все три последних дождливых часа, то поняла, что сегодня у меня вряд ли будет желание, да и физическая возможность покинуть это место. Кажется, вывеска гостиницы красовалась совсем рядом, что было правильно, в этом месте переплетались наезженные дороги.

В придорожном трактире было немногочленно, но возможно, это и лучше. Неяркий, вполне терпимый для глаз свет, обволакивающий весь зал, казался весьма успокоительным, и я окончательно решила остаться тут на ночлег. Тем более что несколько часов в седле с небольшими перерывами, сидя исключительно по-мужски, – для меня это слишком.

Картошка, тушенная с кроликом в небольшом горшочке, горячий травяной чай со сладким яблочным пирогом сегодня составляли мой ужин. Но это и хорошо. Пища была вкусной и горячей, как раз для меня, продрогшей путницы.

– Скажите, любезный, – окинула я местного служку внимательным взглядом, – какое вино вы держите?

– Вам покрепче или для дам-с? – произнёс мужчина лет сорока, с ровным пробором льяных волос посередине головы, этакая развалившаяся надвое нива. Он подобострастно склонился, заведя одну руку за спину, а второй предлагая

список местных вин.

– Для дам, – ответила я. И, найдя то, что всё-таки считала приемлемым для моего случая, решила на заказ. – Рейнское принесите.

– Будет исполнено. – Местный трактирный служка ничем не выдал своего удивления, а мне ни к чему объяснять и оправдываться. В другое время я и сама бы не посмела заказать креплёное вино, вот только после пронизывающего холода конца марта было глубоко наплевать на все правила приличия. У меня тут нет знакомых, родных, перед кем я смогла бы покраснеть или постыдиться. Вообще на свете существует только один единственный человек, которому я точно не безразлична, а краснеть за меня ему ещё рано, слишком мал.

Неторопливо окинув взглядом посетителей, я пришла к выводу, что все они люди. Хотя с моим опытом ошибиться немудрено. Всю жизнь знала, что существуют они, особи-оборотни, но лично встретиться и познакомиться удалось почти полгода назад. Хотя о чём это я, возможно, они и раньше встречались мне, да только на лбу ни у кого не было написано, что он оборотень, а сам никто не назвался.

– Леди, – расторопный служка вывел меня из задумчивости, услужливо поставив на стол заказанное вино.

– Спасибо, заберу с собой, – коротко бросила я мужчине, расплатилась за всё. После чего отправилась в гостиницу, надеясь, что хоть одна комната окажется свободной.

Прислуживающий человек назвал меня *леди*, несмотря на испачканный дорожный костюм и весьма усталый вид. Впрочем, эта наука, вдолбленная с самого детства, прочно засела в моей голове и сейчас прямая спина, не касающиеся стола локти и кисти рук, вызвали бы ободрение ушедших в прошлое учителей.

Небольшая комната в гостинице вполне соответствовала моим настоящим скромным запросам. А чистое постельное бельё за отдельную плату вполне дало прочувствовать, что не зря мы с Быстрым остановились тут. Лучше, конечно бы, ехать дальше и именно сегодня, но надеюсь, что никаких нежелательных последствий эта вынужденная остановка не принесёт.

Вполне вероятно, а скорее всего так и есть, Радомир послал за мной своих верных слуг, но удивительное дело, никто так и не нагнал меня. Неужели везение в этот раз окажется на моей стороне? Однако думать о том, что до меня нет ему и дела, не хотелось (несмотря на то, что это был бы лучший вариант исхода произошедших событий).

Я уселась у окна, налила рейнское в кружку, принялась и, не заметив ничего необычного, с грустной усмешкой отсалютовала своему отражению в зеркале, а потом немного выпила. Тепло приятно обожгло, растекаясь по всему организму сверху вниз, отчего к обычной усталости прибавилась апатия.

Капли дождя стекали по стеклу, образуя причудли-

вые дорожки, но мне не было до них ровно никакого дела. Я, глядя в окно, с равнодушием проводила взглядом пробежавшую под дождём полную женщину, отчего-то решив, что она имеет отношение к кухонным работникам. Но кроме неё больше никто не попался на глаза. Казалось, что сама природа нарочно установила эту погоду, чтобы мы вместе с Быстрым не застряли где-то в лесу, а передохнули, как и полагаются по-человечески.

– По-человечески, – пробормотала я, горько усмехнувшись своим мыслям. Ведь когда-то я имела дело исключительно с людьми, не умеющими оборачиваться и принимать другие формы. Хотя, поступки у животных очень часто гораздо честнее, чем у самых благовоспитанных и высокопоставленных людей.

Полумрак из-за отсутствия привычного света (нарочно не зажгла свечи) настраивал на довольно ностальгическую ноту. Прикрыв глаза, я сама не заметила, как соскользнула в омут воспоминаний.

Глава 1. Знакомство

Семь лет назад. Ярославле восемнадцать лет

Меня воспитывал отец, граф Алекс Белтонич, которого я всю жизнь горячо любила всем своим сердцем и верила ему. А мама пропала много лет назад, в то время мне было всего лишь три года, так что основные воспоминания связаны исключительно с отцом. Конечно, стоит отметить, что для графа я была не родной дочерью, а приёмной. Но он даже неоднократно при матери, а потом после её пропажи, порывался дать мне свою фамилию, сменить Огарёва на Белтонич, но я отказывалась. Так хотела мама, а, значит, на то её светлая воля и нарушать просто не хотелось, да и не имела права. Папа понимал и принимал моё решение, но вместе с тем периодически намекал, что дочери важного сановника выгоднее и спокойнее будет по жизни иметь известную фамилию, нежели ту, что не на слуху. Но со временем он перестал звать к голосу моего разума, как в дальнейшем оказалось, это к лучшему.

Отец дал мне блестящее образование, что мог позволить себе человек его круга, за что впоследствии я была очень благодарна. До совершеннолетия со мной занимались лучшие учителя нашей процветающей страны Тарсмании, ну, а потом случилось в некотором роде чудо. Два года мне дозволено было заниматься в институте благородных девиц. Изу-

чать там не просто танцы, историю (всё это, надо сказать, я знала ещё со времен домашнего воспитания, так что тут было не так уж и сложно). Но самое главное, в чём я видела большое преимущество для себя, это совершенствование языков (белогорского, аравийского и гастонского) до идеала. А ещё и изучение предмета биологии, которая почиталась абсолютно необязательной для девушек моего круга. Даже подружка Лера, шутя, смеялась, что это блажь, лучше бы обратила внимание на кавалеров, что в большом количестве бродят возле нашего кованого забора в институтские перемены.

И я обратила, только случилось всё это не у институтского забора, не на бульваре, где мы с Лерой регулярно прогуливались под присмотром её мамы. Произошло столь важное для меня событие на торжественном приёме, на который нам с папой однажды принесли приглашение.

В один воскресный день, когда отец не был вызван на службу, а мне был предоставлен законный выходной, по сложившемуся приятному обычаю расположились в гостиной. Отец читал одну из своих мудрых книг, которые он регулярно заказывал из-за границы или привозил лично. А я просто была рядом, что нас обоих, несомненно, устраивало.

Папа, граф Алекс, давно бы мог жениться и привести любую женщину в свой дом. Вот только частенько вечерами, когда отец просиживал за работой в своём кабинете, я заставала его, задумчиво смотрящего на портрет моей пропавшей

матери. Странное дело, но если он в силу своих обязанностей был вынужден уехать куда-либо, то неизменно брал с собой небольшую миниатюру с её изображением. А как только приезжал, то сразу шел в рабочий кабинет, чтобы убедиться, что с портретом всё в порядке. Глядя на всё это, я очень сомневалась, что кто-нибудь когда-нибудь сумеет полюбить меня так же, как мой отец пропавшую много лет назад свою Ксению. Маму.

Отец выглядел замечательно для своих пятидесяти лет. Подтянутый, без капли лишнего жира (что необычно для людей его возраста и достатка), с налётом седины в некогда каштановых волосах, он был всегда чисто выбрит и ухожен. Дамы всегда и везде обращали на него внимание, полагаю, некоторые даже думали, что причиной его исключительно холостой жизни я – мешающая личному счастью отца.

Ко мне дамы подкатывали с улыбочками, приглашая посетить какое-либо чудное место, присылали конфеты. Но я была сама вежливость (хоть и незамужняя девица, но от подруг и служанок слышала, что именно нужно мужчине от женщины), а потому вполне вероятно, у отца к этим дамам тоже имелся свой весьма определённый интерес. Вот так мы и общались на протяжении довольно долгого времени со всеми поклонницами отца и моими поклонниками, оставаясь по-прежнему верными своей маме, друг другу и самим себе.

Лёгкое покашливание из дверей говорило о том, что пришел пожилой и глуховатый, но весьма преданный слуга Ни-

колас, который на подносе принёс несколько писем и вежливо предложил их отцу.

– Яра, глянь, – окрикнул меня отец, в то время как я морщила нос над очередной картинкой из учебника по биологии.

Обезьяна, чьё строение было красочно изображено на странице, отчаянно напоминала нашего институтского дворника, который (мы с подружками точно видели) иногда напивался и крался в свою каморку, чтобы его не увидела директриса. У меня даже было подозрение, уж не с дворника ли рисовали сей образец необычной живности. Но делано суровый вид отца заставил отвлечься от своего дела.

– Да, папа, прости, зачиталась! – моя попытка оправдаться была встречена утвердительным кивком, и тут же отец протянул мне глянцевого конвертик, пахнущий лилиями и сандалом.

– Граф Гринвич прислал приглашение, – прокомментировал он, в то время как я разглядывала причудливые завитушки письма. Каждое семейство старалось отличиться и обязательно вплести черты своей монограммы в текст.

– Да, хорошо, – отозвалась я, мысленно прикидывая, что новое платье, заказанное мной вчера у портного, очень даже подойдёт к этому случаю. А ведь ещё надо забрать шляпку от модистки. – Через пару недель, это самое то. Как раз и Софи управится с работой.

– Новое это правильно, – прищурился отец с таким хит-

рым видом, что я тут же забыла про обезьяну. К тому же два раза в одном платье он никогда не позволял мне появляться на подобных мероприятиях, а тут, такое загадочное лицо...

– Пап, – недоверчиво протянула я. – Ты что задумал? Неужели опять женихи?

– Не опять, – укоризненно ответил граф, которому, по моему решению, уже пару раз пришлось делать официальный отказ от брачных предложений относительно моей персоны. Отец говорил, что пока согласен с таким моим решением, потому что ему вовсе не хочется оставаться одному. – У Гринвича сын из-за границы приезжает, – правая бровь отца глубокомысленно поднялась, отчего я почувствовала удивление. Чтобы отец сам указал на кого-нибудь! – Довольно сообразительный и приятный молодой человек, судя по тем встречам, что были у нас с ним в прошлой моей поездке в Гастонию. Будущий дипломат или что-то в этом роде. И довольно не глуп.

– Это интересно, – отозвалась я и с удовольствием закрыла учебник. Новость о приезде сына у Гринвичей будет известна не только мне одной. А, значит многие девицы, в том числе и мои хорошие знакомые, будут готовиться к подобному мероприятию с усиленным рвением.

– Вот именно, Ярослава, – усмехнулся отец и многозначительно выглянул, – действуй.

Меня пока никто не интересовал настолько, чтобы можно было с уверенностью заявить, что люблю. Но здоровый дух

соревнования с подругами даже в таком мероприятии, как приём у Гринвичей, дал о себе знать. Папа как-то на такое моё отношение нахмурился, а после махнул рукой, пробормотав, что когда придёт время, то я всё своё ребячество заброшу.

И вот, наконец, настал этот самый день приёма, когда мы подъехали к огромному особняку Гринвичей. За городом у них был и замок, и прочее имущество, а тут, в столице, каждое уважающее себя семейство старалось жить исключительно в достойном жилище. Мы тоже владели большим замком с огромной многовековой историей и одним поменьше. Благодаря стараниям отца здание, где мы жили, поддерживалось в идеальном состоянии, и было оснащено по последнему слову техники. А в столице наш двухэтажный особняк вызывал зависть прогуливавшихся мимо горожан.

– Алекс, – радостно приветствовал нас граф Льюис Гринвич, подтянутый мужчина с абсолютно лысой головой, – очень рад! А это, неужели Ярослава? А как выросла, – мужчина прикоснулся губами к моей руке, как полагается в таких случаях, но перед этим оценивающе стрельнул по мне глазами и тут же погасил эту вспышку, – просто невеста.

Я улыбнулась и уже спустя десять минут нашла свою подругу, несомненно, скучающую на огромном балконе Гринвичей. Лицо Леры выражало крайнюю заинтересованность болтовней незнакомого кавалера. Вот только с таким восковым лицом Валерия всегда выслушивала педагогов с абсо-

лютно скучными лекциями.

– О, Ярослава, ты уже тут! – шумно окрикнула меня Лера и подозвала к себе, – смотри, это же Даниэль! Он сказал, что вы когда-то встречались.

– Очень приятно Вас видеть, Ярослава, – приятный бархатный голос молодого мужчины, которому на вид было не больше двадцати пяти лет, словно задел что-то в глубине моей души, и я улыбнулась, привычно протянув для поцелуя руку. – Я вижу, Вы меня не узнали?

– Признаться, нет, – в свои слова я постаралась вложить твердость, – да и прошло много лет, как мы с Вами виделись.

На лице красавца-брюнета, а по-другому я его назвать не могла, медленно расцветала белоснежная впечатляющая улыбка. Да и сам он, словно эталон, соответствовал моим требованиям. Высокий, подтянутый, пусть не такой уж и широкоплечий, но это всё на любителя. Правильные черты лица, ровная кожа (простите, но неухоженное лицо даже в мечтах целовать не очень-то комфортно), короткая стрижка на чистых волосах – всё настолько идеально и шло Даниэлю, что я невольно залюбовалась и едва не выдала себя с потрохами.

– Но Вы запомнили. – Синие глаза цвета бездонного неба искрились, щедро делаясь со мной своими брызгами. Кажется, Лера куда-то исчезла, скорее всего, увидела того самого молодого военного, кем бредила последнюю неделю, попеременно то восторгаясь исключительно в моём обществе, то

опуская его в глубины порока.

Вежливая улыбка в ответ и приложенный левой рукой веер к правой щеке явно не остались незамеченными этим брюнетом. Зачем я утвердительно ответила именно таким образом, не знаю, но Даниэль приблизился на шаг ближе ко мне, всё ещё оставаясь в рамках дозволенного.

– Вы всё ещё лазите по крышам, Ярослава? – Ямочки на его щеках выглядели трогательными, даже захотелось прикоснуться к ним пальцами, но я пересилила это глупое желание.

Тринадцать лет назад, замок. Ярославе пять лет

После того, как мама пропала, отец разрешал мне многое, да и до сих пор не видел ничего зазорного в том, чтобы дочь умела скакать на лошади для возможности разнообразить пешие прогулки и для укрепления мышц, а также плавать, не считая эти занятия бесполезными для девушки.

На тот момент, когда к нам неожиданно заехали граф Гринвич со своим сыном Даниэлем, мне было примерно пять лет. Отец был занят со своим управляющим, а я, как полагают, убежала от нянюшки и носилась по двору за курами вместе с дочерью кухарки Марфушкой. Да, я прекрасно знаю, что маленькой леди не пристало подобным заниматься с теми, кто почему-то считался ниже тебя по происхождению, но ведь с подружкой было весело! А ещё она знала много всяких игр, например, кто дальше всех прыгнет с за-

бора, с крыши курятника, кто выше всех залезет на дерево, у кого во время забега по берегу брызги долетят дальше всех.

В общем, в жаркий летний день брызги нам показались самым актуальным из проказ, и мы сбежали, ободрённые собственными идеями и радостью от соприкосновения с водой. Речка Нестёрель не самая большая и глубокая из окрестных водоёмов, но золотистый песочек, тянущиеся в водную глубь причудливые косы весьма привлекали местных ребяташек, в том числе и меня. Пока добирались до речки, встретили ещё местных крестьянских девочек, правда, они постарше меня на пару лет. А затем всей командой запрыгнули в воду с разбега, на ходу скидывая лёгкие платяца.

Было весело, и уже никто не вспоминал про забеги по песчаному берегу, наслаждаясь самим фактом сидения в воде. Тонкие исподние рубашонки прилипали к телам, и лично мне не было дела до того, что моё дорогое бельё, украшенное по краям шитьём, очень отличалось от простенького белья подружек. Да и в таком возрасте не каждый будет брызгать слюнями от зависти. Мне повезло, девчонки ни разу не бросили завистливого взгляда, а только веселились и визжали на всю Нестёрель.

– А давайте, кто всех дальше прыгнет! – предложила одна хохотушка, и мы с радостью как лягушата стали повторять за ней, признавая подобное весьма хорошей идеей.

Идея была хороша, но только не для тех, кто не умеет плавать. Я разбежалась и прыгнула, по ходу зажмурилась. А

вот дна под ногами не почувствовала... Это потом, спустя несколько лет и будучи подростком я осознала, что весила легче подружек, разбежалась и прыгнула несколько не туда, отчего и оказалась в стороне от того места, где резвились девчонки. Омут, что оказался подо мной был, словно провальная яма и какое-то время я барахталась, пытаюсь что-то сделать, как-то выплыть, чтобы спастись. Я не видела подруг, сгрудившихся на берегу в испуге, не видела, попытался ли кто-нибудь их них помочь мне. Но зато хорошо помню, как кто-то ухватил меня за тяжелую намокшую косу и резко дёрнул.

– Глупая девчонка, – грубо произнёс незнакомый мальчик в тот момент, когда я стояла на коленях, упираясь руками на песчаном берегу, и откашливалась. – Разве вас не учат, что в воде без взрослых ходить нельзя? Вот скажу твоему отцу, он тебя хворостиной пригладит. Будешь коров пасти и в корыте плескаться.

– Сам дурак, – произнесла я возмущённым тоном, сев на колени в воде и отводя прилипшую прядь со лба. Моё негодование было вызвано не болью, что шла от корней волос, не возможным наказанием в виде выпаса скотины, а предположением, что отец позволит хоть кому-то выпороть меня или более того, ударит сам!

– Хоть бы спасибо сказала, глупая малявка, – надменно произнёс мальчик и резко развернувшись, ушёл, скрывшись где-то за крутым берегом. Цокот копыт раздался тут же, и я

поняла, что он точно удалился от нас.

– Спасибо, – запоздало буркнула себе под нос.

Тут же подбежавшие подружки наперебой стали помогать мне выйти из воды. Больше всех старалась пухленькая Марфушка, всегда считавшая, что барышню, то есть меня надо опекать, а из-за этого случая как бы ей самой не попало хворостиной.

Мы на всякий случай позагорали на берегу речки, исподнее высохло, а после, надев свои платица, припустили домой. А вот там- то меня ждал сюрприз.

– Яра, где ты бегала? – недовольная нянька больно схватила меня за руку как раз в тот момент, когда я попыталась незаметно прошмыгнуть в свою комнату с мягкими туфлями в руках, – опять с девочками на речку ходила? Девочка, сколько раз можно говорить, что настоящие леди обувь носят на ногах, а не под мышками! Пошли скорее переодеваться, к вам важные гости приехали, граф Гринвич с сыном, очень воспитанный мальчик. Отец уже спрашивал, как скоро ты появишься, чтобы представиться.

– Спрашивал? – решила я подать голос, потому что всё остальное слышала тысячу раз. – Ну, тогда пошли скорее!

Не то чтобы я была особо шаловливым ребёнком, просто лето, прекрасная погода вовсе не располагали сидеть на скамеечке в тени около неторопливой няньки и не бегать, не прыгать, а уж тем более не кричать в своё удовольствие. И всё же, уже спустя двадцать минут, я входила в уютную го-

стиную, где мой отец и гости устроились на диванах.

А главное, рядом с графом Гринвичем сидел тот самый мальчик, которому я была обязана своим спасением. Его глаза несколько расширились, а на губах появилась кривая усмешка. Естественно, меня он узнал, но не это главное, лишь бы не проболтался отцу! Я от переживаний сжала кулачки, а улыбка мальчика стала ещё более нахальнее.

Гости остались на обед, после которого отец и граф удалились в кабинет, обсудить какие-то неотложные дела, заставившие Гринвичей навестить нас тут, а не в столичном особняке. Мне же отец велел показать мальчику сад и наш фонтанчик, который в летнее время работал и радовал глаза.

Я снисходительно улыбнулась юному Гринвичу, и как правая королева, жестом руки пригласила его проследовать за мной. Даниэль, а это был именно он, ни слова, ни говоря с хитрющим видом, шагал позади, отчего наш дуэт напоминал заключённого и его конвоира. На всякий случай свою косу я перекинула через плечо, а то мало ли что у него на уме.

– Не бойся, мелкая, – раздалось подленькое хихиканье позади, – не выдеру.

– Кто вас знает, – важно огрызнулась я в силу отсутствия рядом няньки. Она плелась где-то позади, по ходу давая наставления юной горничной и слышать меня точно не могла. – У меня она одна и мне её очень жалко. А Вам, Даниэль хотела сказать спасибо, но не успела. Вы убежали, – ещё раз

оглянулась для надёжности, чтобы удостовериться в том, что нас никто не слышит. – И пожалуйста, не рассказывайте о случившемся папе, – последние слова добавила, чуть ли не шёпотом.

– Я не ябеда, чтобы жаловаться на мелких глупых девчонок, – важно ответил Даниэль, и за это мне отчаянно захотелось соорудить ему смешливую вредную рожицу. Опять меня назвал глупой, а это получается провокация! Ведь если мы сейчас начнём переговариваться, то вполне вероятно, что он выдаст меня, а этого ой, как не хотелось.

– Ну, вот и прекрасно, – произнесла я полная достоинства и взяла мальчика за руку в тот момент, когда мы вышли в сад с фруктовыми деревьями, красиво свисающими то тут, то там гроздьями винограда. А ещё в саду было несколько красивых фигур своенравных богинь со сказочного Олимпа, выполненных исключительно из белого мрамора.

Няньку моё движение руки несказанно умилило, потому что она почитала меня за ребенка, которым я собственно и была. А это действие, скорее всего она оценила как проявление симпатии к новому знакомому, который явно может благоприятно повлиять на такого сорванца, как я. Даниэль промолчал и не отнял своей руки, и лишь покрепче перехватил мои пальцы, которые практически не отпускал всё время, что мы гуляли.

А потом Гринвичи уехали и больше мы не встречались с Даниэлем. Поговаривали, что он получал образование где-то

за границей, впрочем, так поступали многие аристократические семьи, кто надеялся в будущем вырастить из своих отпрысков дипломатов, умеющих не просто общаться, но и работать на благо государства в других странах. Я даже давно забыла, как выглядел этот мальчик, до того самого момента, как произошла наша с ним встреча.

На приёме у Гринвичей. Ярослава

– А ты изменилась, Ярослава, – задумчиво произнёс эталон мужской красоты и в его глазах промелькнул неподдельный интерес.

– Ну, так столько лет прошло, – запнулась я как самая несобранная ученица. Не сказать, что общение с противоположным полом было идеально для меня, но всё же подобно-го смущения точно не было давным- давно.

– Сколько? – делано нахмурился Даниэль, в то время как синие брызги из глаз выдавали смешливое настроение.

– Тринадцать, наверное, – отозвалась я не вполне уверенно, но именно после этого случая я попросила отца научить меня плавать. Он посмеялся девичьим капризам, но, тем не менее, нашёл это не такой уж и глупой затеей. И с тех пор сам лично руководил моим обучением и надо сказать успешно.

– Вы танцуете?

Потанцевали, и раз, и два, и три, на радость нашим отцам и на зависть девицам, что приходят на подобные приёмы, балы с единственной целью обзавестись выгодной пар-

тией. Даниэль был действительно очень выгодным женихом, вот только я об этом не задумывалась ни разу.

Мы бесконечно кружились, и казалось, что вокруг больше нет никого. Куда делось моё желание посмеяться, пофлиртовать с кавалером, а потом неожиданно сбежать, оставив его в полном недоумении, но ни в коем случае не обиженного на шутливую меня? Понятия не имею, только вдруг оказалось, что мне очень важно, чтобы о Даниэль и в следующий раз пригласил именно меня, а не какую-то другую не менее достойную девушку.

Так бывает, поверьте. Ещё вчера я и знать не подозревала что тот самый нахальный мальчишка, что в моих воспоминаниях запечатлелся несколько резковатым, насмешливым, но, несомненно, храбрым, сегодня покажется мне совершенно другим. Он произвёл неизгладимое впечатление как интересный мужчина, чьё внимание не отвлекалось на местных красавиц, а целиком и полностью было предназначено только мне.

– Даниэль, – позвала я его в тот момент, когда очередной танец, кажется, сиреневый вальс подходил к концу, а мне срочно потребовалось уединиться в дамской комнате. Да и отец несколько раз прикрывал глаза, что означало, ему требуется со мной переговорить.

– Да, Ярослава, что ты хотела? – легкий наклон головы, лукавая полуулыбка.... Как это всё безумно шло молодому человеку. Или я, потонув в синеве его глаз, стала похожей

на прочих девиц, готовых пойти за избранником, лишь стоит тому поманить девушку пальцем? Глупость какая.

– Если ты не возражаешь, то следующий танец я не буду танцевать с тобой, – мои пальцы были вложены в его руку. Но даже сквозь перчатку я чувствовала огонь, словно не было никакой преграды, а эти соприкосновения похожи на что-то большее, чем просто пожатие по сути случайных друг для друга людей.

– Почему? – недоумение, а в его синих глазах помутнело бездонное море или вдруг небо решило показать свой характер, стало грозовым, пустив в мой адрес молнии. – Ты устала?

– Нет, – тихо рассмеялась я, нарочно перед этим не сказав, что мне нужно удалиться, припудрить носик и вместе с тем, не забывая, что мы не просто стоим, а танцуем, плавно движемся. Лёгкое пожатие его пальцев, чуть сильнее, чем следовало бы, означали гнев или это вышло случайно?

– Я, наверное, отдал тебе ногу, и ты так сердисься, своевольная девчонка, – проворчал он, переходя на милостивые нотки, вместе с тем напомнив мне о прошлом. Грубовато выразился и несколько фамильярно, но я прощаю, в конце концов, этот мальчишка спас мне жизнь, а это дорогого стоит. – Признайся, это так?

– Нет, – я уже улыбаюсь, демонстрирую на щеках свои ямочки, а заодно испытываю терпение Даниэля, естественно, нарочно.

– Кому- то уже обещан танец? – кажется, он понял, что подобный разговор доставляет мне удовольствие и мягкая синева вновь заполнила его глаза.

– Нет, – я уже ждала, что же он предположит в следующий раз и, кажется, эта игра нравилась не только мне.

– Сдаюсь, – произнёс Даниэль таким тоном, что я сразу засомневалась в сказанном. Нет, такие не сдаются, никогда.

– Мне нужно переговорить с папой, – я удовлетворила его любопытство. И в тот же момент, когда партнёры по танцу приподнимали своих партнёрш за талию и переставляли через пол- оборота, я просто почувствовала его дыхание своей щекой. Хорошо, что ничего лишнего сын графа себе не позволил, иначе это было бы весьма оскорбительно для девушки моего круга.

– Мы ещё увидимся? – Вежливый поклон с его стороны в знак благодарности за чудесный танец, касание губами моей руки, ничего лишнего.

Отчего же сердце стучит, словно бьётся вольная птичка, пойманная в силки?

– Непременно, – уверяю я и пытаюсь по привычке ускользнуть. Но Даниэль этого не позволяет, а лично провождает меня к поджидавшему отцу.

Я уехала раньше в сопровождении верных слуг, что ожидали нас в карете, а папа остался, решая какие-то дела, и не все они касались исключительно служебной части. В конце

концов, он тоже танцевал с дамами, некоторые из них были весьма недурны собой и наверняка имели стойкое желание пообщаться с графом Белтоничем с глазу на глаз.

Даниэль проводил меня до выхода из их дома, а папа посадил в карету, сказав пару напутственных слов. Слегка откинув занавеску, я смотрела на силуэт того, кто покорила меня с самых первых минут настоящего знакомства (детство не в счёт). Он продолжал стоять до тех пор, пока моя карета не скрылась в тенистой аллее Гринвичей, увозя меня вместе с приятными воспоминаниями и непонятым волнением.

Очень хотелось увидеть Даниэля, не сегодня, а как-нибудь.

– Ты не спишь? – Легкий стук в мою дверь в четыре утра в выходной день мог произвести только папа, – а я гляжу, что свет горит, значит, точно смогу заглянуть и поцеловать свою дочку на ночь.

– Уже утро, – хихикнула я и подставила лоб для поцелуя. И пусть мне давно уже пошёл девятнадцатый год, но наш ритуал повторялся изо дня в день, за исключением случаев отцовых командировок.

– Утро, – согласно повторил граф и довольно зевнул. – Кажется, твой вечер удался?

От него слегка, совсем неуловимо, пахло женскими духами, но в этом не было ничего нового. Мамы нет, а он всего лишь человек, который пусть по- своему, но хранит ей вер-

ность. Он не женится, не приводит в дом ту, что станет для меня мачехой, это ли не признак преданности?

– Вполне, – поддакнула я и быстро накинула халат, выскользнув из-под одеяла в тот момент, когда отец подошел к окну и уставился на наш сад. – Всё было замечательно, да ты и сам видел.

– Видел, – усмехнулся граф, – эта самая "замечательность" приглашает нас с тобой завтра к ним на обед.

– Неужели? – в ответ состроила удивленное лицо, но моего отца было не обмануть, он хохотнул, запустив в мою сторону небольшой диванной подушкой, от которой я ловко увернулась. – Он сам?

– Нет, конечно, Льюис и его жена. И мы пойдём.

– Как скажешь, – я уселась на диван рядом с отцом и прижалась к нему, как делала это тысячи раз в детстве и вчера тоже.

Запах чужих духов стал несколько сильнее, но я вовсе не придавала этому значение, вскользь подумав, что возможно даже знаю, кому принадлежит "Аромат томной девы". Маркиза Фрея Ватори наносила их на запястья перед зеркалом в дамской комнате. Я ещё подумала, что не прочь иметь такие. Выходит, ошибалась, ведь теперь этот запах раскрылся с несколько тяжелым оттенком, а такое подходит только женщинам в возрасте.

– Скажи ещё, что тебе сегодняшней вечер не понравился, – нарочито строго произнёс отец.

– Отчего же, было очень мило. Прекрасные танцы, волшебная музыка.

– Да- да, – подковырнул меня граф. – Вот так всем и отвечай.

– Угу, – я ткнулась носом в плечо отца, понимая, что наконец- то приходит успокоение. Он дома, всё в порядке и это подействовало расслабляюще.

– Как жаль, что дети не могут всегда оставаться маленькими, – произнёс папа перед тем, как покинуть мою спальню.

Как бы мы не веселились накануне, но завтрак по выходным дням был непременно в десять часов. Так было заведено родителями изначально, и никто из нас никогда не нарушал этого правила. Спать ты можешь сколько угодно ночью, а утром будь добр, просыпайся, приводи себя в порядок и спускайся, чтобы семья действительно была семьёй, а не просто совместно проживающими персонками.

Огромный букет розовых роз и небольшую записку с монограммой рода Гринвичей "Доброе утро, Ярослава. Надеюсь увидеть Вас и Вашего отца у нас" доставили после завтрака. Я хотела делано нахмуриться, сделать вид, что не понимаю, зачем это всё, а потом решила не кривляться и не строить из себя зазнавшуюся недотрогу. Он хочет, чтобы я ему верила, доверяла? Что ж, посмотрим.

Обед прошёл во вполне мирной обстановке, что, несомненно, радовало оба семейства. Я улыбалась, вежливо общалась со всем семейством графа, получив от матери Дани-

эля несколько вполне приятных улыбок, кажется, натуральных.

– Мне нужно с тобой поговорить, – произнёс Даниэль в тот момент, когда отцы удалились в рабочий кабинет Гринвича, а мать, извинившись, отправилась на заседание какого-то новомодного женского клуба. Можно было и отказаться, но она председатель, а это значит, в случае неявки сочтут, что леди пренебрегает своими обязанностями.

Вот так мы и остались вдвоём, на какое-то время. Горничная, которой было велено присматривать, сидела и вязала в углу, как мышь, не шумя и не мешая нам.

– Слушаю, – я откинулась в кресле, пытаюсь понять, что у молодого мужчины на уме. Он был самоуверен, решителен и вместе с тем что-то волновало Даниэля, я это было несколько любопытно.

– Ярослав, как ты отнесёшься к тому, что я попрошу у твоего отца разрешения, чтобы официально встречаться с тобой?

– Хм, – не сказать, что я опешила, но всё-таки подобное со мной случилось впервые. И хотела было воспользоваться на треть разложенным веером, прикрыв им половину лица и глаз, а потом подумала... И чего быть нерешительной? В чём сомнения?

Он ведь меня не замуж зовёт, не помолвка.

– А ты это почему делаешь? – я убрала руки от веера, чтобы ненароком не смолоть им какую-нибудь неожиданную

глупость. Всё-таки такой момент, а тут придётся контролировать каждое действие, каждый взмах.

Даниэль рассматривал меня, а я, похоже, собралась покраснеть и чтобы не давать ему повода для насмешки или другого удовольствия, встала и подошла к распахнутому окну. Вид с третьего этажа открывался чудесный. Эта гостиная выходила на мостовую, тем самым давая возможность видеть тех, кто подъехал к огромным ступеням особняка. Можно было бы полюбоваться, если бы не причина, почему именно сейчас стою спиной к этому мужчине. Ну не думалось мне о природе, о красотах нашей столицы, все мысли были абсолютно о другом.

Я спрашивала его не просто так. Что руководило решением Даниэля? Возможность общаться со мной? Или какие-то далеко идущие планы, в том числе женитьба? А если так, то из чего он исходит? Из размера моего наследства или тут на первом месте стою я, молодая и привлекательная?

– Глупая девчонка, – бархатный тихий голос раздался позади меня, и я открытой шеей почувствовала его дыхание. Он говорил, как и тогда, много лет назад, только теперь его слова не были колючими и язвительными. Они были скорее волнующими, как и само присутствие сейчас за моей спиной конкретно этого человека. – Ты думаешь, что я могу это делать из-за выгоды нашего союза?

– А разве это новость? – отозвалась я.

Люди нашего круга очень часто поступают именно так, так

в чем же отличие в случае с Даниэлем? Но следует признать- ся, что даже имея он и такую цель, то конкретно его персона наиболее предпочтительна, чем, например, маркиза Берси, что прошлый месяц прислал к отцу своё деловое предложение. Глупец, решивший, что графу Алексу Белтоничу важнее перспектива, нежели собственная дочь. Моё растерянное лицо при виде закорючек, собственноручно выведенных Берси, сказало отцу обо всём, и спустя пять минут маркизу был направлен письменный отказ.

– Да, так действительно принято и я даже хорошо понимаю это и в большинстве случаев одобряю, – он выделил последнее слово. – Но я не все, если ты это заметила.

Заметила, ещё как. Мне даже страшно стало повернуться, потому что Даниэль до сих пор стоял позади меня, не прикасаясь, но мне и этого было достаточно.

– Ну, так что, Ярослав- с- слава? Стоит идти к твоему отцу? – он произнёс моё имя так.. нежно.

– Попробуй, – с каким- то вызовом ответила я и развернулась, чтобы смотреть на него в такой момент, а уж тем более не отгораживаться занавеской.

– Спасибо, – он осторожно, самым нежнейшим образом приподнял согнутым пальцем мой подбородок и поцеловал. Легко, словно пёрышко коснулось моих губ.

– Ты ... – внятная речь куда-то подевалась, что было для меня весьма несвойственным делом.

– Не бойся, – горячая мужская ладонь сжала мои паль-

цы, – ничего лишнего. Пойдём, я покажу тебе новых рыб, что привёз для аквариума отца. А Бетси, служанка, уже спит, так не будем ей мешать.

Я скосила глаза на горничную и что-то засомневалась, что женщина действительно успела уснуть. Скорее всего, она просто подыграла Даниэлю.

– Да, конечно, я слышала, что он очень этим увлекается, – нарочито бодрый голос был мне несвойственен, но ведь и не каждый раз меня целовали. А если быть точной, ещё никогда.

Нет, молодые люди пытались произвести на меня впечатление и до некоторой степени так оно и было, но всё происходило как-то в шутливой, что ли форме. Для меня.

Отец, естественно не возражал против наших встреч с Гринвичем, с условием, что они не будут выходить за рамки приличия.

И виделись мы не то, чтобы часто – пару раз в неделю, ну от силы три. Я училась, а он вникал в дела своего отца, бездельничать нам обоим было совершенно некогда. Иногда он приезжал к нам, посидеть, но обычно кто-то маячил на горизонте, присматривая за нами для порядка. Так что почти никаких встреч наедине, но иногда мы просто шли прогуляться в городской сад, что делало нас причастными к какой-то совершенно другой жизни, где я и Даниэль были чем-то целым.

Я едва не подпрыгивала от радости каждый раз, когда ви-

дела его, приближающегося к нашему дому. Сумасшедшая?
Вряд ли, просто прекрасно понимала, что пришёл он – мой
час. Влюбилась.

Глава 2. О девицах, способных на всякие глупости в любом возрасте

Спустя несколько месяцев. Ярослава

Осенний бал, чем не развлечение для институтских воспитанниц? И я, как положено, ждала и готовилась. Заказала новое платье в комплекте с перчаточками от локтя, в тон, естественно, сумочку и атласные туфли.

Даниэль посмеивался над моими рассказами о девичьих переживаниях и обещал прийти и убедиться, что я самая красивая девушка и титул "Леди Осень" по праву будет принадлежать только мне. Но это были всё шутки, потому что никого постороннего на бал было невозможно пригласить. Данное мероприятие проводилось между институтом благородных девиц и кадетским корпусом детей привилегированных сановников. Одним словом, закрытое мероприятие под надзором родителей и кучей воспитателей.

– Надеюсь, завтра мне не откажут в свидании с тобой, – посмеялся вечером Гринвич накануне осеннего бала.

– Ну, не знаю, – протянула я, и синие брызги его необычных глаз вновь захватили меня.

Словно магия, они регулярно опутывали, что даже трудно становилось дышать. Восторг и нежность переполняли всякий раз, стоило Даниэлю только случайно задеть меня, что

уж говорить о том, когда он волнующе касался моей руки своими нежными губами при нашем прощании.

И вот он настал, этот самый день. Всё было чудесным и, кажется, очень даже жаль, что рядом со мной рядом не будет Даниэля. Однако не это удивило меня сегодня, а разговор с папой.

– Яра? С тобой можно поговорить?

Он вошел в тот момент, когда горничная закончила с моей прической. Девушка тут же выскочила, боясь попасть отцу под руку. Странно, но многие его считали слишком строгим и суровым сановником, видать все сливки, то есть внимание, мягкость и отеческая ласка доставались исключительно мне.

– Да, папа, – тут же отозвалась я, уловив в его голосе что-то напряженное.

– Ты в последнее время очень сблизилась с Даниэлем, – он осторожно подбирал слова, словно нанизывал камушки на то, что зовётся ожерельем.

– Это плохо? – Моё сердце с тревогой тут же ухнуло куда-то вниз, а щёки заалели.

– Нет, что ты. – Отец провёл рукой по моей щеке, прикоснулся губами ко лбу, как делал это тысячи и тысячи раз. – Но всё же, я прошу тебя, дочка, будь внимательна. Вокруг столько положительных и подающих надежды молодых людей.

– Он тебе не нравится? – Я нахмурилась, даже не понимая, что, по сути, отец в чем-то прав.

– Нет, маленькая, – произнёс мой родной граф, – Даниэль Гринвич, на мой взгляд, довольно неплохой и перспективный молодой человек, без тёмных и неприятных историй. И не смотри на меня так, – голос папы зазвучал несколько насмешливо, но всё с теми же заботливыми нотками, – должен ведь я знать, кому доверил крутиться возле своего сокровища!

– Угу. – Я осторожно прижалась к папиному плечу, стараясь не помять причёску, – должен. Ты ведь мой папа.

– Твой, маленькая. А потому осмотришься вокруг. Ты словно ослеплена Даниэлем. Влюбилась, это, несомненно, но посмотри вокруг. Не хочу, чтобы потом ты в чём-то упрекала себя. Возможно, твоё внимание переключится на кого-то другого и тогда ваши отношения с молодым Гринвичем покажутся не такими важными.

– Нет пап, – прервала я речь отца, – никого не вижу. Но ты не беспокойся, сегодня же буду оглядываться по сторонам, чтобы была возможность сравнить, – я тут же попыталась улыбнуться, чтобы порадовать отца.

Но он не понимал, что всё это бесполезно, а может просто не хотел понимать. Он отец, а каждому родителю тяжело расставаться с детьми и ощущением, что твоё чадо любит кого-то кроме тебя.

– Вот и умница, надеюсь, отдохнёшь с удовольствием.

– Постараюсь.

К сожалению, отец никак не мог отправиться со мной к

самому началу осеннего бала. Эти неотложные дела, комитеты, всё отнимало довольно много времени, но я не в обиде. Папа обещал, что непременно приедет несколько позднее, а за мной заехала подруга Лера со своим братом Сержем, он-то как раз кадет, значит, имеет пропуск. Нет, ну я и сама могла прибыть одна, но в компании значительно веселее, а потом это ожидание чего-то необычного, оно не пропало даже с возрастом.

– Ярослав, – Серж хитро заулыбался при виде меня, отчего я сразу заподозрила его в какой-то шутке или мелкой пакости, – ты не откажешь мне в первом танце? А то мало ли кто к тебе подойдёт. Вдруг у него изо рта будет плохо пахнуть или твои ноги не выдержат тяжести мужского ботинка?

– Так и быть, – я милостиво согласилась, – твои аргументы приняты.

– То-то же, девчонки, – самодовольно произнёс Серж. – Со мной не пропадёте.

– Ага, – поддакнула Лерочка, – главное чтобы ты сам Яре ноги не отдал, а то знаю я тебя, медведя.

– Вредина, с тобой точно не танцую, и даже не проси, – прокомментировал он с ухмылкой и нарочито равнодушно уставился в окно.

Серж и Валерия Беловы были не самого знатного рода, но весьма богатого, оттого все двери в нашем государстве перед ними были открытыми. И пусть в Тарсмании их семейство поселилось всего несколько лет назад, но материальные воз-

возможности делают чудеса. А я привыкла к шуточкам Белова, который был старше нас с Лерой ровно на два года, и именно поэтому считал себя вправе давать нам советы, а то и наставления. Иногда прислушивалась к Сержу, но в основном нет, что всё же не мешало нам поддерживать хорошие отношения.

Мы вошли через парадные двери, около которых стояли двое учителей и приветствовали прибывающих на осеннее торжество. А щуплый на вид секретарь директора расставлял аккуратненькие галочки, отмечая всех прибывающих по списку.

Началось всё с получасовой торжественной речи, произнесённой директрисой и полковником кадетского корпуса, от которой мы должны были вдохновиться, а в результате ждали, когда всё это закончится. Но было не так уж и скучно, ведь напротив нас, девушек, так же с деланным спокойствием выстроились молодые люди, те, с кем нам предстоит провести этот незабываемый вечер.

Зал, украшенный последними осенними цветами, надувными шарами и самодельными бумажными гирляндами, изображающими всё те же цветы, был чудесен. Много света, льющегося из огромных окон, море улыбок, как молодёжи, так и старшего поколения. Всё это создавало необычайно волнительную атмосферу, от чего даже на лицах самых строгих классных дам изредка мелькали довольные эмоции.

– А сейчас, – торжественно произнесла директриса, и весь

зал мгновенно замер в ожидании и предвкушении, что было слышно, как у кого-то выпал из рук веер, – полонез!

И тут же грянула музыка, завораживая и приглашая окунуться в эту восторженную атмосферу. А Серж, как и обещал, приблизился ко мне и с очень важным видом, будто он уже генерал, а не простой кадет. Я тут же обернулась, а то вдруг буду ждать, улыбнусь ему, а он идёт не ко мне, а например к стоящей рядом Марии.

– Ярослав, Вы позволите пригласить Вас? – нарочито растянутые слова и сам тон были так непривычны, что я едва не прыснула, наблюдая это важного юношу. Но нет, уже не такого и юношу, а практически мужчину, по которому, судя по завистливому взгляду некоторых институток, ни мало из этих девиц и сохнет, оказывается.

– Конечно, Серж, – отозвалась я и сделала книксен в ответ на его легкий поклон, полный достоинства.

Нет, Белов определенно был среди фаворитов этого вечера, и это было видно не только из завистливых взглядов и расспросов девушек, с которыми я вместе училась. Я провела своё собственное сравнение, не опираясь на некоторую пристрастность Леры – он действительно был великолепен! И движения, и стать, да и просто море обаяния! И когда только всё появилось?

– Следующий танец я обещал Валерии, – шепнул мне Серж со своей фирменной усмешкой, – но я надеюсь, что твои ноги пока целы?

– Пока да, – ответила я ему в тон и вновь сделала книксен в знак благодарности за чудесный танец. Потому что с самого первого раза не хотелось ударить в грязь лицом, ведь за всеми танцующими следили те, кого не пригласили... А ещё и учителя танцев, весьма требовательный и фанатичный до своего предмета народ.

Второй танец был с кем-то незнакомым, третий снова с Сержем... я кружилась, с лёгкостью отдаваясь той самой музыке, что царила вокруг и завораживала нас всех. Весь огромный зал был полон надежд и восторга.

Но не стоит думать, что в эти моменты я забыла про Даниэля, вовсе нет. По совету отца смотрела и сравнивала, обращала внимания на тех или иных молодых людей. Как будто тут, за один вечер я смогла бы узнать кого-то из них больше, чем знаю Даниэля? Или словно без этого я видела и общалась исключительно с женщинами. Нет, конечно. Однако совет отца, в какой-то степени перешедший в стадию развлечения заставлял меня останавливать взгляд то на одном кадете, то на другом. И самое замечательное было в том, что лучше младшего Гринвича даже не промелькнуло мужчин.

Их нет, для меня, только он.

– Смотри-смотри, – шептались девчонки, сгрудившись у окна, и я, естественно с ними. Ноги устали и хотелось немного отдохнуть, да и элементарно поболтать, – а у Катерины оборка оборвалась, видать у модистки гнилые нитки.

– Нет, это ей кадетик оборвал, спутал мазурку и марш, –

осторожно хихикнул кто-то из девушек. Смеяться очень громко и в открытую, было бы верхом неприличий, а нужные слова, они итак нашли свободные уши.

– Всё трещите, – насмешливый голос Сержа заставил некоторых покраснеть, ну а Лера просто фыркнула, давая понять, что нехорошо подкрадываться к нам.

Честно говоря, вокруг было столько украшений, развешенных между колоннами и по стенам, плюс огромные шторы, что подойти незамеченным конкретно сейчас не было никакого труда. Мы были заняты, вокруг движение, вот он и подошел к нам, как мог.

– Ярослава, следующий танец вальс, ты не возражаешь? – обратился Серж ко мне, не знаю, в какой раз за вечер.

Но я не успела открыть и рта, потому как за моей спиной знакомый бархатный голос со слегка недовольными нотками ответил за меня.

– Возражает, этот танец, как и все последующие только мои.

– Но это решать не Вам, Даниэль Гринвич. – Серж никогда не слыл трусом и за словом в карман не лез.

Девчонки, что стояли вместе со мной притихли, и было бы весьма забавно и интересно, если бы центром этого спектакля не была я сама. Серж мой друг, но не больше, а Даниэль.. Моим внутренним рассуждениям не суждено было продолжиться, Лера, словно испугавшись за своего братца, слегка дёрнула его за рукав, отвлекая. Как вовремя, ведь я только

что хотела извиниться перед Беловым и предпочесть Гринвича, но всё случилось иначе.

– Серж, но ведь ты обещал, что вальс станцуешь со мной? – обиженные нотки в голосе, натуральная артистка, – забыл?

– Прости, Ярослава, – он оценивающе глянул в мои глаза и всё понял сам, – я был не прав и действительно обещал этот танец Валерии.

– Бывает, – только и успела я произнести, переведя дух, как знакомые сильные руки уже вовлекали меня в водоворот этого сказочного танца, вторя музыке и всеобщему настроению. Откуда-то с потолка сыпались вырезанные из золотистой фольги желтые листочки клёна, да и просто мелкой нарезки, имитирующей осенний листопад.

– Как ты сюда попал? – спросила я Даниэля, направляющего меня в самую середину, где уже кружились несколько пар, – ведь говорили, что только допускаются лишь воспитанницы и кадеты.

– А тебя, оказывается нельзя оставлять без присмотра, – он не ответил на мой вопрос, но глаза прожигали ледяным синим огнём.

Неужели так выглядит ревность Даниэля? Наверное, это должно быть приятно, но только не для меня и не сегодня.

– Отчего же? – мне не в чём оправдываться, а потому какой вопрос, такой и ответ. Кажется, младший Гринвич понял, что несколько перегнул палку, потому как холодный лёд

его глаз несколько умерил свой напор.

– Ярослав, я специально пришёл, чтобы отогнать всех претендентов на твой танец, – чётко произнёс Даниэль, и я только тут увидела, что находимся мы вовсе не в огромном зале, а на примыкающей одной из террас.

– А я не видела никого, – в тон ему был мой ответ. Я ведь действительно никого кроме него не вижу, а это так, очередное развлечение, чтобы заполнить ту пустоту, которая образовывается всякий раз, когда Даниэля нет рядом.

– Спасибо, – он прикоснулся к моим губам очень быстро и торопливо, одновременно сжав пальцы руки, и тут же отодвинулся на нейтральное расстояние.

Всё правильно, мне тут ещё учиться, а чьи-то шаги уже раздаются по коридору, но это мой отец. Он только что прибыл и увидел нас, упорхнувших на террасу, и тут же проследовал сюда. Нахмуренный взгляд отца уловил Дан и, похоже, смутился. Что же, это тоже своеобразное замечание.

Вовремя пришел папочка, ведь спустя какое-то время, после приветствий мужчин мимо нас проследовала директриса... Обошлось!

Даниэль

Даниэль Гринвич с самого детства мечтал стать дипломатом, а так как отец не последний человек в государстве, то и для сына с его правильными планами припас зелёную дорожку.

Хочешь учиться за границей, а ещё лучше в Гастонии? Пожалуйста! Хочешь стажировку у самых видных стратегов, плетущих интриги ещё до того, как люди начинали в них участвовать? Да, легко!

Всё было брошено к ногам парня, главное, что воспользовался он с этим с умом, отучившись, а потом даже с какой-то легкостью приняв всё то, что другим приходилось зубрить.

Учеба и стажировка закончились и вот он, единственный сын, гордость и наследник графа Льюиса Гринвича прибыл в столицу под крыло отца и его хорошего друга Алекса Белтонича. У последнего, как оказалось, дочь из сорванца превратилась в прекрасную, интересную и весьма начитанную девушку.

Даниэль никогда не был дураком в отношении особ противоположного пола. И за границей с завидной регулярностью посещал только лучшие бордели. Потребности тела, их никуда не денешь, так зачем же мучиться? Самостоятельно справляться с желанием это не в его стиле. За хорошую плату можно всё, в том числе полное отсутствие претензий со стороны партнёров. Кое-кто из них, особо понравившиеся, даже получали подарки от Даниэля, впрочем, подобным знакам внимания он не придавал никакого значения. Плата за хорошо оказанные услуги, только и всего.

Взаимовыгодное сотрудничество.

Но с первых фраз, брошенных Ярославой, понял, это как

раз тот самый идеальный вариант, когда приятное общение с женщиной вполне может закончиться объединением на-следств. Неплохо, даже весьма. Не каждому удаётся совме-стить брак, чувства и немалые деньги в придачу, а точнее почти никому.

И если сейчас перед ним, Даниэлем выстроился бы ряд высокородных девиц, то предпочтение отдал бы только ей, Ярославе. Не дикарка, но независима, не идеальная класси-ческая красавица, но отчего-то многие мужчины не сводят с неё своих глаз. Правильные черты лица, прямой нос, зелё-ные глаза, средний рост по описанию могли принадлежать многим девушкам, и всё же именно этой идеально шло.

Они танцевали, но он уже знал, что завтра непременно должен увидеть эту девчонку. Ту самую, ради которой он ко-гда- то без раздумий прыгнул в воду, на ходу стаскивая сапо-ги. Ту самую, которую когда- то он вытащил за косу, а теперь эти каштановые волосы сверкали и переливались, представ-ляя немалую гордость для владелицы.

Улучшив момент, Даниэль переговорил со своим отцом, чтобы тот под любым предлогом пригласил завтра Белто-нича с дочерью на обед. И не важно, что сейчас они тоже тут, главное завтра не будет посторонних, всяких знакомых и родственников, мельтешащих перед глазами по делу и не очень. Отец довольно улыбнулся, привычным движением ру-ки протёр несколько взопревшую от винных паров лысину белоснежным носовым платком и высказал полное одобре-

ние причине этой просьбы.

На следующее утро, не сумевший как следует выспаться из-за совершенно новых для него мыслей Даниэль понял, что если он упустит Ярославу, то будет глупее того смешного осла, что в прошлом году видел в зоопарке Гастонии.

Она согласилась встречаться с ним, и это было так необычно. Что-то глубоко запрятанное ото всех в душе стало просыпаться, подавая радостные посылы. Стоило Яре (а для себя Дан называл её именно так) улыбнуться, как он тут же расплывался в ответной улыбке.

Дочь графа Алекса нахмурится, а Даниэль был готов немедленно узнать, в чём причина и не бросался, потому что чувствовал, это временное и если надо, Яра всё расскажет.

– Скажи, – спросил он однажды во время очередной конной прогулки, – почему ты не взяла фамилию отца? Белтонич?

– Это важно? – заинтересованные нотки прозвучали в её ответе. – Тебя это волнует?

Даниэль прислушался к своим ощущениям... Нет, бунтарства и возмущения в её встречном вопросе не было, а значит, всё в порядке.

– Нет, – он был честен и старался с Ярой говорить только правду, – не важно. Но тебе самой в жизни было бы проще.

– Я не переживаю, Даниэль, – искренне рассмеялась девушка, – и у меня всё в порядке, поверь.

– Но ведь фамилия Огарёва закрыла бы рты любопыт-

ствующим, – не унимался он, искренне не понимая, почему девушка ушла от прямой если не выгоды, то несомненного удобства. Не каждый знает, что у графа Белтонича приёмная дочь, но при случае сплетни за спиной – не самое лучшее средство общения с окружающим миром. – И ведь он тебя воспитал как родную дочь?

– И что? – в голосе Ярославы прозвучали насмешка и нетерпение одновременно. Похоже, эта тема не так проста для неё, но Даниэлю было интересно всё, касающееся Огарёвой. – Скажи, почему ты всё-таки спрашиваешь, разве для тебя в таком случае что-то меняет? И если я завтра стану Белтонич, то ты будешь ко мне лучше относиться? Ответь, Даниэль!

– Нет, не стану.

– Ну, спасибо за честность, – она скривилась, позабыв про манеры, отвернулась и пришпорила коня.

Что?... Да нет же!

– Стой, упрямая! – закричал Гринвич и отправился за ней, – ты не так поняла! Ярослава!

Догнать её удалось довольно быстро и то благодаря тому, что конь Даниэля был не простым, а элитным скакуном. Слабость, она ведь у каждого своя.

– Стой! – гаркнул Гринвич, перехватив под удила коня под девушкой. Кажется, Яра посмотрела на него после этого с любопытством, смешанным с возмущением? Что же, это уже неплохо. – Я имел в виду, что не стану к тебе относиться

лучше, – он бросил взгляд на Огарёву, уголок губ которой опять искривился. Ну, нет уж, обойдется! – Потому что лучше некуда! Неужели ты этого не видишь, Яра?

Получилось как-то смазано, но да это не важно. Главное для Даниэля – выпутаться из той словесной перепалки, которая стоила им первой ссоры. Надо же, кто мог подумать, что подобное случится с ними.

– Не вижу что? – буркнула упрямица, но, похоже, воинственный настрой пропал и то хорошо.

– Я люблю тебя, Ярослава, – он спрыгнул с коня и, с чувством собственника положив руку на колено упрямой девочки, слегка сжал его.

Хорошо, что она была в костюме наездницы, иначе Даниэль не мог бы поручиться в том, что не засунул бы руку под бесчисленные оборки платья модницы. Это было неприлично и даже очень, но, похоже, Ярослава пребывала в шоковом состоянии. Она не улыбалась, не отворачивалась. Огарёва просто прикусила губу и, не мигая, уставилась на него, Гринвича, который впервые в жизни признался в любви к женщине. Он множество раз слышал подобное от дам в свой адрес, иногда повторял эти слова, дабы сделать любовницам приятное, но чтобы сам! По собственной инициативе, а ещё по зову сердца – никогда!

И для Гринвича это было так волнительно!

– Повтори, – потребовала Яра приглушённым голосом, сжав рукой хлыст, – или мне послышалось? Это такая шут-

ка?

– Нет, так и есть. Я люблю тебя, – осторожно, словно боюсь, что упрямец снова что-нибудь выкинет, он взял Ярославу за руку и прижался губами к запястью. Ему даже показалось, что она издала судорожный вздох, и от этого кровь забурлила, но Даниэль сдержался.

Нельзя с ней так.

– И мне не важно, – он продолжил начатое, ведь хотелось, чтобы она поняла весь его сегодняшний разговор, – чью фамилию ты носишь. Просто для тебя, наверное, было бы проще по-другому.

– Даниэль, – она осторожно высвободила свою руку и поправила непослушные длинные пряди мужчины, пытливо взглядываясь в его глаза, – мне хорошо и так. Я очень люблю отца, и он это прекрасно знает. И я была бы самой счастливой на свете, если бы носила его фамилию. Но это всё, что осталось мне от моей матери, понимаешь?

Поняли ли Гринвич! Как ни странно, но ему даже стало стыдно в какой-то степени. О чём это он? Какие выгоды для неё, если тут всё гораздо яснее и важнее.

– Ты замечательная, – он снова прикоснулся к её руке, поцеловав в этот раз ладошку, пахнущую запахом кожи вожжей. Кажется, его ладонь пахла точно так же.

– Скажешь тоже, – пробормотала она.

В восемнадцать лет многое кажется таким необыкновенным и румянец на щеках девицы так мил! Но Даниэлю уже

не восемнадцать, а целых двадцать пять, и, похоже, он спу-
тал смущение Яры с обычной простудой!

– Ярослав? Ты как себя чувствуешь?

Конец октября – не самое лучшее время для прогулки
верхом, особенно когда дело касается не мужчины, а девуш-
ки.

Спустя полтора года, Ярославе уже двадцать лет

Весенняя весёлая капель напоминала легкий музыкаль-
ный перезвон, и я улыбнулась. Наконец- то! Закончатся мо-
розы, снежные заносы. Не нужно будет кутаться в теплые
шубы, повсюду таскать с собой варежки и муфту. Нет, это
всё уже изрядно наскучило. И скоро, совсем очень скоро я
окончу этот институт (какое счастье, ведь за пару лет он мне
несколько поднадоел). Хотелось чего-то другого, абсолютно
отличного и, кажется мои ощущения, мечты не обманули.

Апрель просто ворвался своим солнцем, растапливая сне-
га, льды на реках и озёрах. Как правило, во всех школах, пан-
сионах первого числа принято устраивать день смеха и шу-
ток, разыгрывая друг друга и даже строгих учителей. В этот
раз меня раззадоривало не желание пошутить над кем- то, не
общее весеннее настроение, перемешенное с радостью ско-
рого окончания учёбы. Не это меня будоражило.

Накануне у нас с Даниэлем произошла помолвка, а пото-
му все последующие дни имели исключительно радостные
окраски. Я была счастлива, неимоверно. Дан сиял, словно и

не я перед ним, а неземная королева. И словно не он мой приз, а я его долгожданная победа. Это было каким-то важным порогом жизни для меня. Новая жизнь. Вместе с Даниэлем.

Зимние холода отступали, и всё меньше хотелось сидеть дома, а потому наши прогулки по городскому парку участились. Мы держались за руки, болтали, а иногда, совсем украдкой, когда точно знали, что рядом никого нет, целовались.

– А где мы будем жить? – Мой вопрос, он вовсе не праздный, потому что хотелось жить с отцом, чтобы он не чувствовал себя одиноким. У Льюиса Гринвича есть жена, а у моего папы только я и безмолвный мамин портрет.

– Где скажешь, – отозвался Даниэль, не проникнувшись моим настроением, – мне всё равно. Не хмурься, ты ведь рядом, а это главное. Я ведь не всегда могу тут оставаться, скоро придет конец не только твоей учёбе, но и моей стажировке тут, у нас в Тарсмании. А где я, там и ты, если не возражаешь.

Он был так мил! От яркого солнышка слепило глаза и я, прикрыв их ладошкой, вздохнула. Так не бывает! Слишком хорошо!

И даже папа, на которого в последнее время дела навалились больше обычного, и тот при виде меня расцветал, заражаясь моим прекрасным настроением.

Спустя два месяца на руках у меня красовался документ об окончании учёбы. На дорогой глянцевой бумаге, пахну-

щей новой типографской краской и слегка чернилами. "Сей диплом удостоверяет в том, что девица Огарёва Ярослава дворянского происхождения похвально окончила институт благородных девиц".

Одно дело было сделано, и отныне с учёбой было покончено. Ну, разве что нужно будет выучить языки той местности – куда пошлют Даниэля, но это уже совсем другое дело.

В конце мая папа всеми вечерами просиживал в своём кабинете то один, то попеременно вызывал каких-то своих служащих.

– Пап, что-то случилось? – Я зашла в его рабочий кабинет перед сном в тот момент, когда была уверена, что именно сейчас никого нет из посторонних, и своим присутствием точно не помешаю ему.

– Что ты, – он тут же прикрыл толстую тетрадь и устало откинулся на спинку массивного дубового стула. Морщинка, залёгшая между бровей, в последнее время стала глубже, и, кажется, прибавилось седины.

– Ярослава, ведь я уже не молод, – отозвался отец с грустной улыбкой, значит, последние мысли я произнесла вслух. – И седина, как говорят, украшают мужчину.

– Украшают, – отозвалась я и, придвинув свободный стул, прижалась к отцу, словно на диване. – Пап, а хочешь, я буду жить с тобой тут, а Даниэля навещать. Когда он уедет работать за границу.

– Не вздумай это сказать своему жениху, – рассмеялся

отец и вытер рукой набежавшие слёзы. – Не поймёт.

Неужели я сказала глупость? Похоже, что да. А может, у него глаза слезятся от усталости, а не от моих наивных слов?

– Нет, Ярослава, ты будешь ко мне приезжать, да и я, сама знаешь, иногда мотаюсь за границу. Будем видеться, и писать друг другу часто, как только сможем. Кстати, через неделю меня отправляют с делегацией в Аравию.

– Надолго? – мне очень не нравилась чрезмерная усталость отца, пусть теперь она стала вполне понятна. Он всегда готовился перед поездкой, а ещё и эта сложная напряженная обстановка между нашими государствами.

– Примерно на месяц. Ты не волнуйся, я уже общался с Гринвичами, заботы о проведении свадьбы они в связи с этим берут на себя. Чек на внушительную сумму я уже подписал.

– Я совсем не об этом, пап, – я смотрела в родные глаза, и слова застряли в горле. Отец всегда слыл отличным дипломатом, но его услугами наш император пользовался в исключительных случаях, когда конфликт между государствами грозил перерасти в нечто большее. – Между Тарсманий и Аравией будет война?

– Нет, что ты, – голос папы был твёрд, но мне ли не знать его! Он не просто искусный дипломат, он ещё и мой отец, а потому я подсознательно чувствовала: не всё так просто. – У нас действительно есть проблемы и большие, возвращенные на многовековом недопонимании, но это всё решаемо, – он

прижал мою голову к своему плечу и поцеловал в макушку. – Эх, дочка, как же я рад, что ты у меня есть.

– И я, – проямлила в ответ и пустила слезу, уткнувшись в отцовское плечо.

Отец уехал, а меня захватили предсвадебные хлопоты, связанные с бесконечными примерками у портного, уборкой нашего замка. Вообще-то у нас всегда была чистота и порядок, но ведь такое событие на носу! Так что всё заново начищалось, перемывалось и отстирывалось. Столовое серебро, что ещё ровно месяц назад натирала прислуга, было приказано заново достать и почистить. И так во всем.

Я разрывалась от тысячи дел, а скорее от дурных предчувствий. Каждый день ждала от отца хоть каких-то известий, и они приходили, правда, не так часто, как хотелось бы. Газеты наперегонки пестрили заголовками, что вот-вот начнётся война, и вооружение противника стягивается к нашим границам. Другие утверждали, что якобы одно очень авторитетное лицо поделилось секретной информацией, что войны нет, и не будет, а это только пустые домыслы. А на самом деле, никакого противника и поблизости нет.

Волнений было много, особенно за папу. Даниэль как-то успокаивая, сказал, что как политик папа очень изворотлив, и переживать так сильно не нужно. Я хотела обидеться на это, а потом порадовалась. Пусть как угодно, лишь бы вернулся. У отца есть родной старший брат Питер, но из-за же-

нитьбы на маме всё их общение свелось к минимуму, а потому искать утешения или поддержки у дядюшки даже не пыталась. Мы и виделись- то от силы пять раз в году на официальных приёмах, бросали сухие приветствия и только.

Но, похоже, именно сейчас в обстановке неизвестности, для прессы это было звёздное время, продвигающее их газетную выручку в сторону увеличения. И с каждым днём новостей становилось всё больше и больше. Многие знакомые, в ком текла аравийская кровь даже в малой доле, покидали нашу страну, что не прибавляло мне уверенности.

И вот однажды, начитавшись подобной литературы, я залезла с ногами на мягкий диванчик и разрыдалась. Мне было страшно, страшно за наше с Даниэлем будущее, а ещё страшнее за отца, которого в любой момент могли просто- напросто взять в заложники. И пусть говорят, что император им дорожит, но ведь он тут, а папа там! Я не выла как корова, но слёзы текли, не переставая, словно вот- вот должно произойти что-то дурное.

От переживаний приказала принести мне бутылку рейнского вина и откупорить. Папа говорил, что оно очень нравилось маме, так не стоило нарушать традиции. Но как нарочно, это не успокоило, а только усилило поток слёз из глаз.

– Ярослав! – окрикнул меня знакомый голос, и я подняла своё зарёванное лицо.

Мгновенно к красноте от слёз прибавился румянец от неудобства. Он вошел такой весь ... как всегда неотразимый,

а я тут, одна с припухшими глазами и полным отсутствием хорошего настроения.

– Ты? – я действительно удивилась. Не тому, что мне не доложили о его приходе. Тут все просто. Каждая служанка знала, что мы скоро поженимся, а значит, Дан пользовался некоторыми привилегиями, в том числе и таким образом как сейчас.

Я удивилась другому. Честно говоря, вовсе не ожидала увидеть его тут, именно сегодня вечером. Даниэль вчера предупредил, что у него одно очень важное дело и увидимся только завтра. Наверное, ещё и поэтому моя хандра усилилась.

– Да, то, что запланировал, пришлось отложить, – он нервно подёрнул плечами, отчего мне показалось, что этот момент ему не очень нравится. Вероятно, поэтому поспешил перевести разговор на другую тему, – что случилось? Почему ты в слезах и это вино?

Он приблизился, присел рядом, отобрал бокал с рейнским и допил оставшийся глоток, а потом прижал меня к своему плечу. Как-то получилось, что рука Даниэля стала твёрже, а может быть он просто захотел прижать меня крепче, морально поддержать. Но я от этого движения соскользнула с плеча, уткнувшись губами в шею. Кожа Дана пахла хорошим дорогим парфюмом, вперемешку с мужским запахом.

Кровь мгновенно прилила к голове, и только одна мысль.... Это неправильно, Даниэль хоть и жених, но лучше

не надо... Я попыталась отстраниться, но моя сила против него – ничто.

Мы целовались сотню раз, но и только. Подобного между нами не было, пока.

– Яра, – прохрипел Даниэль теми самыми бархатными нотками, что так мне всегда нравились у него, – это неправильно, мелкая.

Неправильно. Но отчего в тот момент, когда он говорил эти слова, его руки делали совсем другое. И в то время, пока одна удерживала, чтобы я не сорвалась и не отстранилась, другая гладила мою шею.

– Дан, не надо, – я попыталась осторожно отстраниться, упираясь в его грудь обеими руками.

Мои руки слишком слабы, и рейнское вино, кажется, стало против меня, а может быть перешло на сторону Даниэля. Он сминал мои губы, тем поцелуем, которого до сих пор никогда не позволял себе со мной. Мне было хорошо и эти поцелуи несколько не оскорбляли мои чувства, наоборот распаяя и вызывая непонятное и новое волнение, жар в груди и внизу живота.

Пышные оборки на полуоткрытых плечах... Модный элемент, весьма удобный для влюбленных и горящих страстью мужчин и неподходящий для теряющих разум женщин.

– Прекрати, пожалуйста, – шептала я в тот момент, когда он покрывал поцелуями мою шею, плечи, а крепкая мужская ладонь проскользнула внутрь, нарочно задевая оказавшуюся

такой чувствительной грудь. – Сейчас сюда кто-нибудь войдет....

– Никто не посмеет, не бойся, – выдохнул он мне в губы, – а боишься, пойдём к тебе.

– Не боюсь, – ответила я и в этом была права.

Я не переживала, что кто-то войдёт, потому что, как правило, в это время меня уже никто не тревожил, зная, что допоздна зачитывалась какой-нибудь книгой, а потом, не беспокоя никого из прислуги, отправлялась отдыхать.

– Тогда, – его ласки стали несколько смелее и вот резким движением Дан отстранился, переместившись на колени передо мной, – позволишь?

– Дан, – предупреждая запротестовала я, поправляя плечо на место, – до свадьбы осталось немного, потерпи.

Если честно, то и себя я где-то уговаривала тоже. Такой шквал ощущений, усиленных в стократ их новизной. И туман в голове, образовавшийся из винных паров и моего отклика на ласки Даниэля.

– Нет, – он осторожно положил руки на мои лодыжки, проведя пальцами снизу вверх до самых колен. А потом прижался губами, поцеловал, непрерывно массируя мои ноги.

Я задохнулась от нахлынувших переживаний и наклонилась назад.

– Не бойся, я с тобой, – прошептал искуситель, запустив свои руки гораздо выше, чем я даже могла предположить в своих дерзких мечтах о нас.

Оказывается, всё гораздо эмоциональнее и острее. Мысль о том, что проделывал Даниэль это ловко и умело, царапнула моё самолюбие, но его напор и нежность отодвинули всё на второй план.

Дан опрокинул меня на диван и навис сверху, усилив свои ласки рукой, языком, заставляя позабыть о стыде, о себе и о той причине, почему ещё недавно я была в слезах. Он шептал мне такие слова, от которых кровь бурлила, словно то же рейнское вино, разгоняясь по моим венам. Я плавилась от слов Даниэля и действий, потеряв рассудок, отдавшись ему.

Боль от его проникновения была, но не настолько сильная, чтобы стоило на это обращать внимание. Гораздо важнее показались ощущения, что мне впервые пришлось испытать. Я задохнулась от наслаждения, с трудом заставляя себя не кричать, чтобы не привлекать внимания....

Спустя десять минут Даниэль перекатился на бок, не отрывая от меня своих синих глаз. А у меня не текли слёзы, просто было в этом что-то такое, что заставляло чувствовать себя не в своей тарелке.

– Тебе было хорошо со мной? – спросил мой мужчина, заправляя мой непокорный каштановый локон за ухо.

– Да, – стыдно сказать, но всё это правда. Никогда не позволяла себе подобного и даже близко! А тут, словно у меня снесло крышу, словно Дан был последней моей надеждой, способной утешить и помочь.

– Я люблю тебя, Ярослава, – прошептал он и прикоснулся

губами к уголку моих губ, – случившееся ничего не меняет, ты прекрасно это знаешь сама.

– О, Дан! Мне кажется, что я низко пала! – из меня с болью вырвались слова, что никак не шли из ума.

– Глупая моя, – он рассмеялся, прижав меня к себе, – тогда бы не было других, а только исключительно падшие женщины. Я был у тебя первым и это главное для меня. А месяцем раньше, месяцем позже – это не в счёт. Веришь?

– Да, – я ткнулась ему в плечо, чувствуя, что от этих слов стало несколько легче. Действительно глупая.

Спустя два часа Даниэль покинул наш замок, отказавшись занять место в гостевой комнате. Его право.

Как и то, что на другое утро огромная корзина розовых роз и маленький плюшевый мишка красовались в моей комнате.

Так вышло, что до приезда отца у нас случилась ещё одна близость с моим любимым. Но как ни странно, произошла она не от моих слёз печали, а просто от настойчивости Дана. Впрочем, не стоило всё валить на него, ведь в глубине души я тоже этого хотела.

Глава 3. Разбитый хрусталь

Спустя месяц. Ярослав

Папа вернулся в конце июня, и я подумала, как же он устал! Морщинки на лбу, словно разлинованные листы тетради были четкими и не пропадали при любом выражении лица. Постоянно сведённые брови говорили о крайней сте-

пени переживаний. Через месяц состоится свадьба с Даном, а мне стало казаться, что стоит отложить. Иногда чувствовала себя виноватой, потому что реально помочь хоть чем-то отцу не получалось.

Папа по-прежнему шутил, интересовался моими делами и подготовкой к свадьбе. Но всё чаще ночью, в тот момент, когда мне не спалось, я подходила к окну и видела свет в его рабочем кабинете. Это отцовское старание работать до конца, на износ мне не нравилось, но на все мои возражения папа отмахивался.

– Пап, но ведь заключено перемирие и войны не будет. Отдохни.

– Успею, Яра, ещё не время. Иначе перемирию конец, – он мельком взглянул на меня, слегка улыбнулся и вновь углубился в чтение каких-то бумаг.

Чем занимался отец, я не знала. Никогда не мела привычки совать свой нос в его дела, да и не собиралась. Если честно, даже мысли об этом не было даже ради любопытства. Подобное унижало, всё равно, что лазить по чужим карманам.

Отец занимался политикой, не самым благодарным делом, но знаю, возьмись он за что-нибудь другое, то оно так же блестяще удалось бы ему.

Я очень переживала за отца, а ещё переживала за себя.

Неделя задержки, что может быть страшнее? Мне очень не хотелось подобное скрывать от папы, да и с Даниэлем требовалось поговорить, вот как нарочно из столицы мой жених

уехал по какому-то поручению графа Льюиса, а вернуться должен со дня на день. Я молча страдала и нервничала, видя спасение только в скорейшей свадьбе.

Как-то раз подружки, с которыми я вместе закончила обучение, пригласили меня попробовать горячий шоколад в новом заведении мадам Шоко. Сладкое это хорошо, особенно если ты не одна и вам явно есть, что вспомнить. Валерия и две сестры Эмма и Лемма вполне хорошая для меня компания.

– Ярослава, – пристала Лера в тот момент, когда я отправила ложку нежнейшего лакомства в рот, мечтательно прикрыла глаза, – чем будешь заниматься после свадьбы? Ты уже решила?

– Нет пока, а что? – опешила я. – Чем ещё могут заниматься жены? Домом или следовать за своим мужем.

– Это всё правильно. А тебе не хотелось бы создать свой клуб, а ещё лучше, если он задастся целью облегчения труда угнетённых женщин.

– Нет, не хотелось бы, – отозвалась я, смутно догадываясь, что вряд ли подобное понравится моему отцу и будущему мужу тоже. Хотя чего гадать, попозже и спрошу, как-нибудь. – А ты, про каких женщин?

Я представила, что буду бороться за права нашей старой кухарки, но она сама не желает уходить на покой. Отец множество раз предлагал, даже советовал перейти помощницей какого-нибудь нового повара, а она ни в какую не соглаша-

лась, твердила, что это означает, что в её услугах не нуждаемся. Папа предложил пару раз, но больше не настаивал. У кухарки есть дочь, Марфуша, если что, она нам обещала сказать, предупредить, когда женщине станет действительно тяжело.

– Например, про падших! – с горячностью заявила Лера, с победоносной улыбкой посмотрев на нас. У Эммы от удивления округлились глаза, у Леммы приоткрылся рот. – Это ведь так эффектно!

– Лер, – я предусмотрительно сунула ложку в чашку с шоколадом, – ты как собралась облегчать им жизнь? – Про себя мысленно добавила "Поделить тяготы пополам?", но вслух озвучивать не стала, вдруг подруга обидится.

– Ну, – она густо покраснела, догадавшись, о чем мы тут сейчас подумали, и исправилась, – нет, похоже, этим мы помогать не будем. Не справимся, точно говорю.

Эмма и Лемма одновременно кивнули, а я тоже согласилась с последним выводом подруги.

Спустя час я в хорошем настроении возвращалась домой. Светило яркое солнце, грозя оставить на коже загар, но мой неразлучный зонтик спас от нежелательных последствий. Предстать краснокожей девицей перед Даниэлем не очень-то и хотелось.

Около дома стояла большая черная карета, скорее напоминавшая закрытый короб. Даже занавески в неё и то были черными! Но как только моя коляска остановилась рядом,

каре́та трону́лась прочь в сопровождении двух вооруженных конных солдат.

– Что происходит? – это были первые мои слова, которые адресовала дворецкому Генри, пятидесятилетнему мужчине.

– Леди, ... – проямлил он и покраснел, словно я застучала его за чем-то неприличным, – отца Вашего, графа Алекса, арестовали.

– Что?

– Сказали до выяснения обстоятельств. Он тут вам письмо успел передать, – из рукава Генри достал вчетверо сложенный листок и протянул мне. – Графу дали пять минут на сборы он и черкнул, а потом на лестнице обронил. Я тут как тут, сразу понял, что не просто так.

Спешно развернув бумагу, уставилась на шокирующие слова.

"Ярослава! Не пойму пока в чём дело, но тебе нужно немедленно уехать из дома. Вначале обратись к моему старому другу Якобу, его дом зеленый, у городской почты. Деньги и драгоценности знаешь где. Пока не возвращайся, как освобожусь, я обязательно тебя найду. Всё будет хорошо, любящий тебя отец".

И приписка: *"Я ни в чём не виновен и постараюсь вернуться как можно скорее".*

Я пробежала глазами по бумаге раз, второй, третий. Мой мозг отказывался понимать происходящее. Всегда знала, что

работа отца сложно, но что вышло? Неужели кто-то решил за что-то отомстить? Враги есть у каждого, особенно у того, на кого в крайние моменты император возлагает свои надежды и доверие. Но подобное было впервые, и сдаётся мне, только что завершившиеся переговоры не самый последний повод для неприятностей.

– Но что же предпринять? – вслух пробормотала я, – этого просто не может быть!

Тут же, повинувшись какому-то внутреннему порыву, бросилась в кабинет отца, чтобы сделать то, что он велел, всё ещё не до конца осознавая, зачем это всё нужно. Куда забрали папу, почему?

Я влетела в кабинет и сразу к сейфу, мельком бросив взгляд в сторону большого окна, выходящего на городские улицы, подъезд к нашему дому... Улыбающийся дядюшка Питер как раз только что вылез из коляски, осмотрелся и с не менее самодовольным выражением лица поспешил в сторону входа в дом, постукивая резной тросточкой по каменным ступеням, которых было ровно пятнадцать.

Быстро, просто очень быстро засунула свои документы в лиф платья (они всегда лежали стопочкой в сейфе месте), а деньги запихнула в сумочку, с которой я только что вернулась с прогулки и машинально повесила на руку. Все купюры естественно, не влезли, как и драгоценности, некоторые из которых просто пришлось отправить в карманы, словно носовой платок или сущую безделицу.

– Дядя? – я поспешила навстречу не самому приятному человеку на свете, но отчего-то не хотелось, чтобы он видел меня тут. – Добрый день. Какими судьбами.

– А ты не очень то и вежлива Ярослава, – широкая улыбка и наглость пятидесятилетнего мужчины светились, выдавая сущность не самого порядочного человека. У нас с ним не общая кровь, но общий родственник- папа, только это заставляло меня удержаться от откровенного игнорирования этого человека.

Он ненавидел мою мать, а это самое основное, значит, нет никаких причин питать к нему какую- либо признательность. Круглое пухлое лицо, темные волосы, редкие на макушке, выпирающий живот, всё это так контрастировало с моим отцом настолько, что иногда казалось, будто они и во все не родные. Каждый раз при виде меня у дядюшки Питера лицо покрывалось красными пятнами, выдавая всю злость в мой адрес. Ещё бы, неродная дочь нелюбимой невестки, что может быть противнее для него!?

– Но вы ведь пришли не просто так, я права?

От него ждать помощи или хотя бы совета не хотелось, но всё же Питер Белтонич меня удивил.

– Я знаю, что произошло с моим братом, а потому сразу поспешил сюда.

– Знаете? Откуда? – прошло слишком мало времени, с того момента, как отца увезли, он, возможно ещё не успел доехать до тюрьмы... Дядя важный сановник по особым делам,

вероятно кое- что и слышал.

От этой мысли мне стало нехорошо, стоило только представить, что мой папа вечером не вернётся домой, как обычно с работы. О том, что его, как обычного вора или убийцу бросят в грязную вонючую камеру, непременно с крысами и мышами.

– А ты не глупа, молодец, – похвалил меня родственник без тени улыбки на пухлом лице. – Как только я узнал, что планируется арест, то поспешил предупредить, но оказалось, опоздал.

Я молча кивнула, изображая согласие. Опоздал, что толку повторять это вслух. Мне хотелось удалиться к себе, переодеться, ведь только сейчас я осознала, что в этом прогулочном платье куда-то бежать вовсе не практично, да и не подходит оно для подобных дел.

– Ярослав, ты должна покинуть этот дом! – четко произнёс он и ни тени сочувствия в глазах я вовсе не увидела. Я стояла выше его на три ступени, но та злоба, что вырвалась наружу из глаз дядюшки, казалось, заполнила всё пространство вокруг.

– Отчего же? – я не хамила, просто мне было чрезвычайно интересно услышать мнение родственника, который в настоящий момент был предметом моей жгучей ненависти.

– Во-первых, то, что схватили Алекса, это только начало.

– За что его схватили, – прервала я пророческую речь дяди, – Вы знаете?

– Шпионаж в пользу Аравии, – голос мужчины приобрёл трагические нотки, – предательство.

– Ложь, – рывкнула я, забыв, а точнее наплевав на все правила приличия, – мой отец патриот! И никто никогда не сможет обвинить его в подобном, даже Вы!

– Не забывайся! – красные пятна вновь проступили на искривившемся лице мужчины, и он уже не церемонился, ударил тростью по большой напольной вазе, что стояла около лестницы. Сухая длинная трава и цветы, те самые, что по осени я собирала около нашего загородного замка, рассыпались, смешавшись с осколками вазы. – Ты никто здесь, поняла? Этот дом принадлежит моему брату, а, значит, в его отсутствие распоряжаться им буду только я.

– Отец вернётся! – меня просто выворачивало от гнева, и я перешла на крик. – А я его дочь!

– Нет, ты дочь той самозванки, которая только по документам была дворянкой, а на деле непонятно кем. Бродяжкой, что он подобрал в лесу вместе с тобой, которая использовала его, как могла. Я пытался разыскать следы якобы родовой родни Ксении, твоей матери – бесполезно.

Мне никто и никогда не рассказывал мою историю по этой линии. Отец всегда говорил, что родные мамы умерли, она не справилась с управлением имения, поэтому решила всё продать и переехать в другое место. Как раз во время переезда отец и мама познакомились, что переросло в нежные чувства. А жила мама не где-нибудь, а в Аравии... Может

быть этот факт в сегодняшней истории был кому-то на руку?

Как страшно...

И вместе с тем я чувствовала, что волна протеста поднимается во мне. Отец кристально чистый человек, он гораздо порядошнее, чем все наши знакомые. Для него патриотизм это не пустой звук!

С мамой встретились только к счастью, это папа постоянно любил повторять. И будто бы всё семейство Белтоничей решило сказочно разбогатеть за счет него, посватав за разжиревшую дочь виконта Алей. После выходки отца и его женитьбы на маме, на виконтессе женился дядюшка Питер, со временем промотавший половину состояния жены. Папа часто повторял, что решил жениться на миловидной и хорошенькой девушке с ребенком (моей маме), чтобы спастись от нежеланного брака, в результате был счастлив всё время, что они были вместе. Сам не знал вначале, что именно мама и есть единственная, и другой просто не надо. Потом, папа несколько лет искал пропавшую маму, нанимал частных сыщиков, не доверяя сыску императора на сто процентов, но все сводилось к одному. Графиня вышла в сад подышать свежим воздухом с книгой, как делала это ежедневно, не изменяя своей привычке и своему расписанию дня, связанному с обеденным отдыхом.

С книгой вышла, но ни той, ни другой не нашли.

Никого. Никогда.

– Кто бы я ни была для вас, – после последних слов выдер-

жала небольшую паузу, – но это имущество в случае отца отходит ко мне, ведь я правильно понимаю законы Тарсмании, а мне уже двадцать лет! – Улыбка, полная превосходства всегда мне удавалась, но видно родственник слеп или слишком непробиваем, к тому же наполненный своей злобой.

– Может и так, только неизвестно, что за птичка ты сама, – дядя ослабился, отчего жир на щеках переехал ближе к ушам. – И с виду институт посещала, учёбой занималась. Вроде все кристально чисто. Только кто твоя мать? Может беглая аравийка? Слишком свободолюбивая и независимая девка, чтобы родиться в нашей империи. И тут как раз всё совпадает! Мой наивный братец попадает под влияние твоей лживой матери и как следствие столько лет Алекс работает на врага. А твои подружки? Чем ты среди них промышляла? Слушала разговоры, передавала врагу.

Я похолодела, как никогда. Какое счастье, что с этим мерзким человеком у меня нет ни частички общей крови! Как же гадко!

– Всё сказали? – голос – лёд, другого в моём ассортименте для него просто уже не было. Правая рука периодически поглаживала платье, словно проверяя на месте ли драгоценности и деньги, что засунула в карман. Лазить по сумке в присутствии этого гада просто не решалась.

– Мразь, – он вдруг согнулся, довольно резво для своей комплекции и резко потянул ковёр, расстеленный по ступеням, на котором я как раз стояла. – Чтобы ты сдохла в сточ-

ной канаве, чтобы Алекс никогда тебя больше не увидел.

Я была в шоке. Папа в тюрьме, на допросе, а тут такое...

Упала, скатившись по ступеням, отбив и руки и ноги, но не это сейчас волновало. Поднималась медленно, но с полной уверенностью – это не просто чужой мне человек, он явно причастен к аресту отца.

Никогда больше не поздравуюсь даже из вежливости, не подам руки и не назову дядей даже из великой надобности.

– Пошел вон, – я вставала с колен, понимая, что ещё пару слов и наброшусь на лже-родственника, последнюю жирную сволочь и выцарапаю ему глаза.

– Я? – он невыносимо нагло заржал, словно полжизни провел на территории конюшен, подражая скакунам, – если через два, нет! Через полчаса ты всё ещё будешь тут, то знай, просто так не уйдешь. Прикажу арестовать, на худой конец просто посажу в чулан и запру. А уж имперские дознаватели и сами определяют, какую информацию ты способна рассказать о своём отце.

– Сволочь, – прошептала я, пораженная подобным заявлением.

– Нет, девочка не сволочь. А реально разумный человек. Что сделали вы со своей матерью с таким умом, как у моего брата? Внушали ему сентиментальную чушь об уважении к женщине, о любви к ней? Я не против, и даже согласен любить таких женщин, как ты, – он плотоядно посмотрел в мой вырез на груди платья, и стало не просто неприятно, а мерз-

ко. Сделал шаг в мою сторону, а я, сглотнув, отшатнулась назад. Дядя осклабился, обнажив ряд неровных и местами пожелтевших зубов.

Стало мерзко, противно и даже страшно, потому что за всё время спора ни один слуга не посмел выглянуть даже как бы невзначай. Возможно, путь им преграждали люди дяди, но мне от этого не легче. Значит, вступить за меня попросту будет некому.

Странно, раньше я считала, что у нас достаточно работает людей, оказалось, это просто прислуга.

– Полчаса на то, чтобы ты выметалась. И мои люди проводят тебя до самой комнаты, чтобы чего не украла.

– До комнаты?

– Да, а то мало ли что произойдёт. Тайники и прочее есть в каждом доме и этот не исключение, – самодовольно оперев руки в бока, он шумно присел на мягкий стул на кривых ножках и закурил сигару. Никогда и никто в нашем доме не позволял себе подобного, и я уже хотела возмутиться, запустив в него что-нибудь не такое ценное, как родственник произнёс очередную гадость.

– Двадцать девять минут, племянница. Иначе ты сама лично узнаешь, что такое вши в городской тюрьме. А двадцать восемь минут это слишком щедро для такой бродяжки, как твоя мать и ты. И если через двадцать семь минут...

– Будь ты проклят, – прошептала я и рванула наверх, в свою личную комнату переодеваться, по пути мысленно осы-

пая родственника всякими ругательствами. Мне хотелось нахамить, съязвить и тысяча неприятных слов вертелось на языке, включая не самую нормативную лексику, да только не время пока. Ненависть всегда переполняла родственников со стороны отца, да и были они вовсе не последними людьми государства, а, значит, мой вариант заранее невыигрышен.

У меня нет связей, нет возможностей, по сравнению даже с этим дядюшкой, не считая его отца, являющегося так же отцом графа Алекса Белтонича. Они меня не считали за родню, а я в ответ не видела их в упор. И, всякий раз пересекаясь на балах или приёмах переходила в другой конец зала, дабы не портить себе настроение их кислыми лицами..

В ответ Белтоничи делали вид, что я не существую, делая снисхождение исключительно прилюдно в виде небрежного приветственного жеста или скупой улыбки. Я для них не существовала, но и они для меня пустой звук, весьма неприятное недоразумение, а не родная кровь. Хотя о чём это я, именно общей крови у меня с ними не было. С отцом- да. Он моя единственная ниточка, связующая с мамой, он мой самый любимый человек, самый верный и дорогой папа.

И я попытаюсь его вызволить, только вначале обращусь к другу отца, господину Дю- Валю, ростовщику с особыми принципами. У моего папы очень разные знакомые и, несмотря на их статус и занимаемое место в современном мире все они всегда оставались людьми.

Я вбежала в свою комнату, не зная за что взяться. К сча-

стью при падении с лестницы ни документы, ни драгоценности не выпали, а, значит, дядюшка Питер не наложит на это свою лапу. Войти в гардеробную можно было от меня, что значительно упростило поиск одежды, а уж переодеться и сама всегда могла, не прибегая к помощи горничной.

Женский крик, полный мольбы и ужаса раздался где-то вдалеке, и я быстро натянула на себя дорожное платье. Надеть именно его мне показалось самым оптимальным вариантом. Неброская бежевая ткань, невычурный пошив не бросались в глаза обычному человеку, что мне было и нужно. Крик повторился и, быстро застёгиваясь на ходу, я выскочила в коридор.

С высоты лестничного пролета видела, как дядя повалил Марфушу на диван, пытаясь задрать ей юбку. А ведь она только пара недель, как перебралась из замка в городской особняк! С Марфушей трудно было справиться слабому человеку, ведь у неё довольно не мелкая комплекция, а постоянный физический труд делали своё дело. Да, в обычной обстановке черпак, вовремя приложенный ко лбу обидчика стопроцентно сумел бы уговорить самого недовольного обожателя. Но она всё же была девушкой, а дядя здоровенным остервенелым мужиком, набросившимся на хорошенькую прислугу.

– Вот так добрый дядюшка Питер, всем Питерам Питер, – съязвила я, едва удержавшись от слов, несвойственных приличной девушки и метнула в ненавистного родственника ва-

зу, точную копию той, разбившейся совсем недавно. У нас вообще по коридорам множество ваз, цветочных горшков, так что всегда можно что-нибудь использовать в этом плане.

Я, к сожалению, не попала, ваза ударилась аккурат над головой Белтонича, лишь осколки посыпались ему на голову, попав за воротник.

– Дрянь подзаборная, – прошипел он, то ли мне, то ли моей подруге. А потом гневно швырнул Марфушу, отчего она скатилась на пол. Родственник со всей злости пнул её ногой, но девушка не отозвалась, а затихла, уставившись куда-то под диван.

Марфуша не шевелилась, и мне стало не по себе.

Я почти не соображала, рванула к ней, отчаянно боясь, что подруга детства разбила голову и потеряла сознание. Живая ли?

Разъяренный Питер Белтонич, с прилипшими на жирном лбу волосами был не только страшен. Он был отвратителен, а его кривая ухмылка наталкивала на простейшую и не оригинальную мысль. Родственник был не в себе. Издержки ли это воспитания или сам он дошёл до этого облика, неизвестно. Но, казалось, в его взгляде отразилось всё презрение родни со стороны отца, что до сих пор сдерживалось или прикрывалось маской приличия. А может быть, папа просто ограждал меня от этого отношения, ведь ребёнку вовсе ни к чему влезать в разборки взрослых.

Пухлые пальцы дяди подрагивали, а руки тянулись ко

мне.

– Ну что, племянница, поиграем?

– А стоит ли? – я сделала шаг назад, не сумев подойти к Марфе, так и не пошевелившейся до сих пор.

– Поиграем, – мерзко утвердительно хмыкнул родственник, а отвратительная улыбка расплылась по лоснящемуся лицу мужчины. – А знаешь, твоя мать так же боялась меня.

– Что? – я не ждала от этого человека ничего хорошего, но чтобы он приставал или угрожал маме?

– Только дурак братец попался на её чары. Ведь это я предупредил его, что от вас надо ждать беды, а он не послушал. Идиот.

– Сам идиот, – не выдержала я оскорблений любимого отца.

– Сука, – рявкнул дядюшка и рванул в мою сторону, но то ли не рассчитал силы, то ли грузность и обрюзглость дали свои плоды, но я побежала от него, что есть скорости вверх по лестницы, подобрав своё платье, дабы не наступить и не свалиться.

Я вбежала в свою комнату и прислонилась к двери, но почти тут же почувствовала мощный удар по спине. Хотела дотянуться до кресла, но побоялась, что не приподниму его. Что же делать и как быть? Документы, прогулочное дневное платье, деньги в сумочке и мамины драгоценности лежали на столике, и дотянуться до них не было возможности.

Второй удар и вновь я смогла сдержать дверь, всё ещё ду-

мая, как быть дальше.

Надо бежать и как можно скорее. Собственный дом стал тюрьмой, из которой...

Балкон.

С моего балкона, если постараться можно попасть в комнату для гостей, что как раз мне именно сейчас и нужно.

Я метнулась к маленькому столику, надеясь подпереть им дверь..

Но опоздала. Третий удар придал мне скорости, отчего едва не свалилась, рухнув на колени.

– Я не буду пачкать о тебя руки, Ярослава. Недостойна, – крупные ноздри ввалившегося в мою комнату мужчины трепетали, а красное лицо могло бы соперничать с помидором, если бы мы были на кухне. – Но теперь уже десять.... Нет! Пять минут на всё про всё. И это чисто из милости и уважения к родному брату, пустившему пару бродяжек в свой дом.

Спина от удара болела, а колено ужасно саднило, но я попыталась встать, дабы не провоцировать неуравновешенного родственника.

Он вышел, а я спешно стала засовывать документы в лифт (словно другого места нет), подхватила кофточку (тепло, но кто знает, что ожидает меня вечером). Мамины драгоценности опять сунула в карман, а сумку с деньгами разместила в более объёмный саквояж и подхватила последний в руку.

Бросила быстрый взгляд, который упал на небольшую лаковую миниатюру, стоящую на столике, в самом центре. Па-

па и мама вместе. Осторожно сняла кругляш с подставки и положила в другой, свободный от драгоценностей карман.

Моя семья. Она со мной. А все деньги и побрякушки использую, чтобы достать отца и помочь ему. Не знаю как, но постараюсь, а возможно в этом мне поможет его давний приятель тот, что указан был в записке.

Я вышла, готовая ко всему, кроме того, что из моих рук тут же выхватят сумочку с деньгами и кое-каким бельём.

– Чего прихватила? – милейший родственник без зазрения совести распахнул саквояж, наверху которого красовались мои белые кружевные панталоны. Нижнее бельё, как без него?

Я покраснела, не отводя взгляда от пухлой руки, выбрасывающей всё прямо на пол, не смея поднять глаза на это чудовище, посмевавшее считаться родным братом моего отца. Кто-то, а скорее всего папа был явно подменёшем в этом ненавистном семействе. Он так разительно отличался ото всех, что я даже при нашей встрече твёрдо решила узнать, а родной ли он вообще этим Белтоничам?

– Бельё, – выдавила я слегка дрожащим гневным голосом. Ну, не могла сказать ни про панталоны, ни про новомодное женское бельё для груди бюстин, что специально привезли из Франкии по моему заказу! Это не тот человек, с которым следует обсуждать подобное!

– А цыпочка носит что-то ужасное, – он пальцами поднял мой кружевной бюстин, – такое только на голову детям оде-

вать, двухдневным, вместо чепчиков, – свистящий звук несколько не напоминал обычный человеческий смех, скорее что-то булькающее.

– Вам не стыдно? – я нашла в себе силы и сделала замечание родственнику, понимая, что с одной стороны его надо остановить, этак он сейчас непонятно что придумает себе и пожелает.... А с другой стороны, я никогда не видела, чтобы нормальный взрослый мужчина позволял себе подобной наглости.

Отсутствие слуг поблизости тоже вносило свою лепту.

Мне было страшно и противно одновременно.

– Мне? – он удивления он перестал раскидывать мои вещи, зажав в руке мою ночную рубашку, – нет. Вовсе нет.

– Вам нравится копошиться в женском белье племянницы, – я нарочно выделила наши родственные связи, пусть мы оба и не желали этого родства.

– Да мне плевать на твоё барахло, и вообще пора завязывать с этим цирком, надоело, – красный как рак Питер Белтонич тут же перевернул саквояж и потряс его...

Моя маленькая сумочка выпала прямо на кучу белья, повернувшись ручками кверху. И, судя по выражению лица мужчины, она его очень заинтересовала.

– И кого ты хотела обмануть? – рыкнул дядя, расстёгивая замок, – деньги?

– Да, мне ведь они будут нужны, чтобы прожить!

– Пошла вон, племянница, – Белтонич издевался, од-

нозначно, наслаждаясь своей силой и властью, моим страхом. – Ровно через пять минут, если я увижу тебя в этом доме, то немедленно донесу в тайную канцелярию императора. Это даже странно, что именно тобой пока никто не заинтересовался.

– Вы не посмеете, – я постаралась быть твёрдой, впрочем, напрасно. Мой голос не столько дрожал, сколько был тих и вообще почти пропал. Да и сомневалась в дядиной порядочности, ожидая от родственничка всего, что угодно.

– Ты так думаешь? – он грубо схватил меня за волосы, приблизив своё лицо к моему.

Сильный запах мужских духов ни сколько не перебивал проблемы с зубами. Непроизвольный спазм, вызванный воню от родственника заставил поморщиться и сглотнуть, подавив приступ тошноты. Тому, чья жизнь зародилась внутри меня, это тоже не понравилось.

– Убирайся, бродяжка, а то пристрелю на месте и получу за это награду, – произнёс родственник, оттолкнув меня. Я попятилась в сторону лестницы, понимая, что бегство в моём случае лучший вариант. – И никогда не возвращайся, Алекс только порадуется, – неслось мне вслед.

Я быстро спустилась, чувствуя, как кровь стучит в висках, как эхом отдаются мои шаги в этом некогда гостеприимном для всех доме.

– Стой, – раздался окрик и тут же где-то рядом со мной звякнул металл. – Это тебе, на трактир, закажи себе вина и

расслабься с кем-нибудь, – бульканье, обозначающее смех повторилось.

Но я уже не слушала, ведь и без того было мерзко и противно, а еще страшно. За папу, за себя и за Марфушу, что как оказалось, уже сидела внизу, подперев голову руками.

– Марфа, милая, – я бросилась к подруге, ужасно боясь преследования ненормального родственника, – ты жива!

– Барышня, – глухо произнесла девушка, – что же это делается?

– Марфа, мне надо бежать, скорее. Пойдём со мной? – я помогла ей подняться и, к счастью девушке это удалось. Висок, выкрашенный с одной стороны кровью, выглядел не самым лучшим образом, но мы довольно таки быстро прошли на кухню. Там девушка ополоснула волосы от крови, повязала принесённый её матерью-кухаркой платок, всплакнула напоследок, всё же понимая, что вокруг чужие люди и именно сейчас кто-то из них решит, что мы вовсе не должны покинуть дом, а то ещё хуже. А самое нежелательное, что мой отец будет гораздо разговорчивее, если я окажусь в руках стражей.

Подозреваю, что родственник прямиком оправился в папину комнату или в рабочий кабинет, чтобы пожить за счёт нас. Хорошо, что ключи от сейфа спрятаны в надёжном месте, хотя возможно это вовсе не остановит жадного Питера Белтонича. Да и о тайниках знали только мы с папой и мастер, который в настоящее время живёт где-то за границей

и пользуется надёжной репутацией, иначе бы к нему никто и не обращался.

– Барышня, Ярослава, голубушка, – произнесла кухарка, сдерживая свои слёзы. Вообще-то так обращаться не принято, только "леди", но эти слуги принесли из своей страны такое вежливое обращение, что ругать или попрекать не имело смысла. Да и нравилось, как Марфа зовёт меня "барышня", словно нараспев. – Вы в свой загородный замок не надо, не ездите, лучше схоронитесь где-нибудь.

– Папа велел мне найти одного знакомого, а там может что подскажет, – прошептала я, прислушиваясь к посторонним звукам и вместе с тем наблюдая, как кто-то чужой прошёл мимо окна.

Я не стала говорить про то, что это полковник Якоб, его давний знакомый. Нашей кухарке доверяла, а вот тем методам, что они применяют к людям с целью выведать информацию – нет.

Через черный вход мы покинули дом, который я считала почти родным, и отправились в сторону городского сада. Марфа несла небольшую сумку, что наспех удалось собрать её матери для нас. Покружив по саду примерно час мы, почти уверенные, что за нами никто не идёт, отправились в сторону почты.

Аккуратный двухэтажный кирпичный домик с расписным мезонином выглядел обыкновенно, но весьма ухоженно. Палисадничек с цветочками, пара скамеек с резными спинками

– всё придавало строению ощущение уюта, что я невольно подумала – тут живёт нормальный человек. Дёрнув пару раз за шёлковый шнурок, с другой стороны которого не иначе привязан колокольчик, к нам вышла молодая дородная служанка и, узнав причину появления, тут же пригласила нас внутрь, а сама поспешила за хозяином.

Спустя пять минут к нам, присевшим на мягких стульях и вздрагивающих от каждого шороха, слабо доносившегося из-за массивных входных дверей, вышел знакомый отца, тот самый Якоб.

Полковник, абсолютно седой мужчина примерно папиного возраста, выглядел несколько странно. Бархатный халат синего цвета, белый колпачок, который, как известно некоторые надевали на ночь и тапки, длинные с загнутыми носами. Мне казалось, он только что с постели, но ведь всего часа четыре- пять дня, не больше.... Впрочем, у всех свои особенности, может, он ночью не спит, а звёзды наблюдает, с мезонина!

– Леди! – приветствовал он, браво приставив руку к колпаку и едва коснувшись пальцами ткани, тут же исправился, убрав кисть в карман халата. Усмешка была видна даже сквозь пышные усы, и от этого повеяло какой-то теплотой. Думаю, это действительно папин друг, к другому человеку он меня бы не послал, никогда. – Позвольте представиться, Якоб Хадерсон, – возникла легкая заминка и тут же прозвучало, – а вы кто?

– Ярослава Огарёва, – ответила я и сделала книксен, но видя недоумение мужчины, пояснила, – приёмная дочь Алекса Белтонича.

– Дочка Алекса! Ну- ка, ну- ка, покажись, – сильные руки немедленно прокрутили меня, словно мы сейчас танцевали, а не знакомились. – А я как раз хотел через пару дней нанести к вам визит, записку ему черкнул, а ты смотри- ка, пришла ко мне сама. А он чего же, не нашёл времени?

Мужчина нахмурился, и всю радость словно смыло с его явно обветренного лица.

– А папа арестован, – я опасливо покосилась по сторонам, бросив взгляд на Марфу, что тактично стояла в стороне и держала нашу небольшую сумку. Она вообще несла её только сама, заявив, что барышне не дело руки сумками оттягивать.

– Пройдём со мной, – полковник резко сорвал с головы колпак и сунул его в карман, словно больше не желал участвовать в этом маскараде. – Принесите нам чего-нибудь перекусить, – крикнул он своей дородной прислужнице, – а служанку леди обязательно накормите на кухне.

– Дела, – протянул мужчина спустя полчаса после моего рассказа. Полковник переоделся и выглядел абсолютно по-другому. Спальный наряд сменил на вполне обычный коричневый костюм, а смешные тапки на добротные туфли. – Может быть, ещё курочки?

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась я в третий раз, – если только чай.

– Будет сделано, – тут же откликнулся полковник и, позвонив в колокольчик, отдал распоряжение прислуге. – Честно говоря, Алекс как-то давно упомянул, что отношения между твоей матерью и роднёй не клеятся, но никогда не думал, что настолько.

– Это личное, – попыталась я оправдать папу.

– Да, девочка, конечно. Я и сам не считаю правильным выплёскивать на людей свои неприятности, а твой отец сделан именно из такого теста. – Хадерсон подошел к столу и взял огромную сигару, о чём-то задумавшись, помял её в руках, – ты не возражаешь против табачного дыма?

– Нет, что вы, полковник, ни в коем случае, – я понимаю, что в обществе женщины курить вовсе не принято, но именно сейчас было всё равно. Да и само моё присутствие в гостях у этого человека было таким неопределённым, что строить из себя чопорную деву не имело смысла.

Он кивнул и тут же потянулся к огню, после чего повисла минутная пауза.

Кольца дыма поднимались к потолку, а я, словно замороженная этим зрелищем откинулась на спинку кресла и задумалась.

К другу отца обратилась, тут сложности не возникло, а что дальше. Как мне быть? Остаться у него и прятаться до тех пор, пока отец не придёт и не заберёт меня – хорошая

идея, вот только не навлеку ли на этого человека какое-либо подозрение? Мы с Марфушей очень старались, петляли, и надеюсь, никто не смог за нами проследить.

– Ярослава, – полковник обратился ко мне, одновременно разгоняя дым и отходя от открытой форточки, – что мы имеем на сегодняшний день? Алекс в очень нехорошем месте, – он многозначительно посмотрел на меня.

– В тюрьме, – вторила я, называя всё сказанное своими именами.

– Ну, предположим ещё не там, но по пути. А значит, нам надо будет что-то предпринять. У меня есть кое-какие связи в определённых кругах, и сегодня же постараюсь ими воспользоваться, разузнать, что там происходит с Алексом и в чём конкретно его обвиняют.

Я молча кивнула, соглашаясь, и одновременно поморщившись. А затем, сделала глоток чая, как будто он был приготовлен из полыни, а не успокоительной мяты.

– Он невиновен, – твердо и уверенно ответила я, веря в это всем сердцем.

– Охотно верю, – поддакнул мне полковник, – но ведь вначале нужно узнать, что, про что и за что. Вы, согласны, Ярослава?

– Согласна.

Мы остались тут, у полковника Хадерсона, скрываясь ото всех и вся. Мне рекомендовано было не выходить никуда,

а Марфуше запрещено даже навещать свою матушку, с чем я была полностью согласна. Кухарка никуда не выходила сама за покупками к столу, а делала исключительно поручения своим помощникам, то есть, чтобы с ней увидеться, надо было вновь пробраться в особняк. Но повторно попадать в лапы жестокосердному дядюшке я и Марфа вовсе не желали.

Мне отвели вполне приличную комнату для гостей, а моей служанке было предложено поселиться в части дома для прислуги, но мы отказались. Спали мы с Марфой в одной комнате, я на кровати, а она на небольшом диванчике при входе, вполне довольная таким оборотом. Нам хватало места, да и держаться вдвоём гораздо проще, чем по-отдельности, боясь и переживая днём и ночью.

Прошло ровно двое суток после нашего появления тут, у полковника, а я по-прежнему не находила себе места, то поднимаясь в приличную по размерам и содержанию библиотеку, то спускаясь в гостиную и молча рассматривала всё, что находилось за окном.

Люди спешили, не обращая внимания ни на окна домов, что выходили на мостовую, ни на таких же, как они прохожих, шествующих то нарочито медленно и важно, то весьма торопливо. Каждый был занят чем-то, и только я, снедаемая беспокойством за отца, шагала из угла в угол.

Два часа, как полковник Якоб отправился навещать кого-то из друзей с целью разузнать что-то новое о папе. Вчера – ничего абсолютно. Сегодня – пока неизвестно, но эта пусто-

та просто пугала и отвлекала. Ещё днём, перед его уходом, предложила другу отца свои украшения в качестве оплаты кому-нибудь за информацию о папе, за возможную помощь, но он отмахнулся:

– Убери и не смей показывать, я твоему отцу жизнь должен, – он многозначительно поднял указательный палец, – понимать надо.

– Жизнь? – удивилась я, застыв с камеей в руках – папа никогда ничего не рассказывал. Ни о вас, ни о том, что кого-то спас.

– Ты, наверное, слышала, что тридцать лет назад у нас с Аравией была война?

– Слышала, – подтвердила я, зная об этом больше, чем кто-либо из подруг, – папа рассказывал. Он участвовал в ней.

– Точно, так и было, – согласился полковник. – Я в ту пору был зелёным офицеришкой, надеющимся исключительно на себя и считающим, что пришло время для геройства. Послали нас взять языка, меня и ещё одного простого солдата. Всё было бы исполнено в идеале, если бы кто-нибудь из нашего начальства не узнал в этом языке своего родственника. Мне и тому солдату проще было бы пулю втихаря в лоб пустить, а не выдавать себя с потрохами. Ненароком так, будто бы подрались спяну, не поделили трофеи. А за такое родство с врагом в то время наш император, не только ли с армии погнал бы, но и вздёрнул бы на виселице при честном народе

– предательство по- родственному каралось особо жестоко, дабы не было соблазна.

– Ужасно, – прошептала я. – Значит за то, что вы честно выполнили свой долг, император или тот же комендант могли бы вас расстрелять?

– Ну не сам император, – поправил меня Хадерсон, – а тот, у кого родственник оказался врагом.

– А папа чем вам помог?

– Он вовремя вошёл в кабинет как раз в тот момент, когда Сович неожиданно на меня наставили пистолет со спины. Потом, конечно обвинили бы именно меня в попытке нападения, а с рядовым солдатиком расправиться и того проще.

– И что сделал папа? – я слушала затаив дыхание, ведь об этой истории не слышала ни разу.

– Он с ходу понял, что к чему, сразу обратившись в Совичу с предложением не делать глупостей. Я, конечно тут же обернулся, наблюдая, как комендант небрежно бросает пистолет в стол. А потом, как твой отец рассказывал мне сам, он просто сделал кучу обоснований Совичу как использовать это родство в своих целях.

– И помогло?

– Ещё как! Аравиец, как только узрел своего родственника, сразу стал посыпать его проклятиями вплоть до седьмого колена, поминая всю родню. Ну, Сович и не выдержал, пристрелил аравийца. Получилось – у коменданта отец- император на первом месте, а не родня! Так вот всё обернулось,

буквально за минуту.

– Потрясающе, – ошеломлённо заметила я.

– Не то слово, – Хадерсон запустил свою руку в густые волосы, – вот так получилось, что жизнь твоему отцу должен. Замечательный у тебя родитель.

– Я знаю, – в последнюю неделю сырость так и лилась из моих глаз, и трудно сказать, что было в этом больше – страха за себя или гордости, нежности к самому лучшему отцу.

Однажды Якоб уехал по делам, а я сидела с книгой, но, конечно, ничего из прочитанного не запоминала. Мои переживания прервал нервный стук в дверь, и уже спустя минуту, в неё валился незнакомый паренёк лет десяти, весьма оборванного вида, одетый в короткие штаны, что были ему как раз вероятно год, а то и два назад. На голове мальчика важное место занимал картуз, а грязные ноги говорили сами за себя – он без обуви и голые ступни это основной беговой инструмент. Служанка пустила его, сообщив, что у паренька очень важное сообщение и непременно только для меня. Сердечко забилось, ожидая известий от отца. Ведь прошло пара дней. А такая тишина, будто бы он не известный человек, в а простой крестьянин, ремесленник или просто рабочий.

– Леди Ярослава тут? – начал мальчик с ходу, важно обведя взглядом всех, кто вышел на стук.

– Я тут, что ты хотел, мальчик?

– Господин велел передать, чтобы вы поскорее съезжали,

с минуты на минуту будет обыск. Так что тикайте, леди! Он пока задерживает их разговорами. Пристройтесь где-нибудь в трактире, он даст вам знать, как всё наладится.

Нас с Марфушей уговаривать было не надо – подхватили саквояж и ушли. Как ни старалась служанка полковника направить переждать в трактир или просто прийти к вечеру, пока всё не уляжется. Мы распрощались, от души поблагодарив женщину, передав, что у меня есть ещё одно безопасное место, туда и направляемся.

Если быть честной, то у меня практически не было денег. Всю наличность отобрал дядюшка, а украшения... Я ещё не дошла до такой степени нищеты, чтобы торговать папиными подарками или мамиными драгоценностями.

Сторговавшись с возницей за медяки (эту часть общения я доверила Марфуше, заявившей, что меня обманут, а ей с простым человеком общаться куда как привычнее), мы отправились за город.

Глава 4. Отряхните прах с ваших ног

Ярослава

Скрипучая телега остановилась на перепутье дорог широкого утоптанного тракта и мощёной каменной дорожки, ведущей к загородному дому Гринвичей. Если мои расчёты оказались верны, то Даниэль сейчас или в самое ближайшее время должен оказаться тут. Его дом лежал на пути возвращения в столицу, что выглядело довольно заманчиво для усталого путника.

Мы не стали просить, чтобы нас подвезли к самому дому, было слишком неловко приехать, словно крестьянка на телеге. А делая вид, что неспешно прогуливаешься, это ничего, так можно.

Летний зной улётся, уступив очередь вечерней прохладе, и я обрадовалась, усмотрев немного в стороне от дороги ручеёк, убегающий куда-то в сторону небольшой дубовой рощицы. Дом Гринвичей виднелся вдаль, что придавало немного уверенности в том, что нам обязательно помогут.

– Марфуша, давай присядем в тени, немного, – попросила я, – а заодно перекусим, что-то аппетит разгулялся.

Мысль о том, что теперь мне будет хотеться есть за двоих, тут же посетила мою голову, и я поспешила подумать о чём-нибудь другом. Например, о том, что Даниэль наверняка обрадуется нашему общему ребёнку, а пока папу не оправдают, он обязательно подыщет нам жильё, обустроит с максимум комфорта.

– С превеликим удовольствием, барынька, – отозвалась девушка тем самым словом, со своей родины, – я бы на травке и полежала немного, если можно.

– Отчего же нельзя, – согласилась я и тут же сняла туфли, осторожно ступая по зеленой траве босиком. Нежная листва, пусть не такая сочная, но точно приятная для моих ошущений массажировала стопу, дарила прохладу, которой мы были лишены на протяжении всего пути. Два часа сидя в телеге, не добавили бодрости или хорошего настроения, а пото-

му этот уголок флоры показался капелькой рая.

Я опустила платок в ручей, обтерев им лоб, шею, немного протерла грудь под платьем. Свежести в этом было немного, но хоть какое-то облегчение наступило.

– Барынька, Ярослава, – позвала меня служанка и протянула пирог с сыром и луком.

– Спасибо, – я зачерпнула воды из ручья ладошкой и откусила пирог, что мы сумели купить по пути.

Наверное, пирог был несвежим, потому что уже спустя минуту, в желудке образовался неприятный ком, который попросился наружу.

– Ой, – пискнула девушка, поняв, что я рванула не просто в кусты, а по особой надобности, – растрясло дорогой? Начинка пирога дурная! А ведь торговка-то вроде чистая была, да и от товара-то пахло хорошо, душисто! Зачерпните водички, барынька, да горлышко сполосните, ... – неслось мне в след в тот момент, когда меня согнуло пополам. Она перечисляла пироги и их начинки, что мы не взяли, а могли бы, а у меня от этого спазм следовал за спазмом.

Марфуша....

Усталость дала о себе знать и я, присев рядом с Марфой прислонилась спиной к дереву, положив голову на плечо девушке.

Молча проводили глазами двух всадников, проследовавших в сторону дома Гринвичей, и пусть расстояние между нами было большое, но ни в одном из них я не признала сво-

его Даниэля. Буду надеяться, что он уже там, а не где-то в пути.

– Толкни меня через полчаса, – попросила я и соскользнула в сон.

Даниэль

Шкатулка ценного минского фарфора, на которой была изображена белолицая девушка с узкими глазами, была столь миниатюрна, что он невольно залюбовался. Этот подарок мужчина специально купил для своей невесты Ярославы. У девушки всё есть, а чем удивить? Знакомый подсказал зайти в одну специфическую лавку, торгующую исключительно заграничным товаром. Дан воспользовался его советом и как оказалось, вовсе не зря.

Стоило приоткрыть крышку, как полилась нежная мелодия, очень напоминающая трель соловья, какую может воспроизвести только неживой, но хорошо отлаженный механизм. Женщины подобное любят, так утверждал невысокий кривоногий торговец, одновременно приглаживая длинные тонкие усы и вежливо сгибаясь пополам в знак учтивости.

Цокот копыт, донёсшийся с улицы, удивил и Даниэль отложил подарок в сторону, подошёл к окну. Отец?

Неужели соскучился, и из-за этого лично поспешил встретить сына? Чуть, отец никогда этим не страдал, а потому сын поспешил навстречу родителю.

– Как твои дела? – с ходу бросил Льюис, внимательно по-

сматривая на сына.

– Твои поручения выполнил, – отчитался Даниэль, отмечая, что с отцом что-то не так.

– Это хорошо, – отозвался старший Гринвич, не вдаваясь в подробности, чем несказанно удивил Дана. Однако на лице сына не проступило и тени любопытства, надежно скрытой под маской. – Даниэль, нам нужно серьёзно поговорить, пойдём, – нахмуренный, он парой фраз приказал слугам принести ужин в свой кабинет, и младшему Гринвичу ничего не оставалось, как проследовать за этой грозовой тучей.

– Сын, – с ходу начал Льюис, резко развернувшись в середине просторного кабинета, – ты не можешь жениться на Ярославе.

– Как это? – Не понял Даниэль, а сердце ухнуло куда-то в пятки, – осталось меньше месяца. Неужели не успеем подготовиться?

– Дело не в этом, – взмахом руки Льюис остановил речь сына и взглянул ему в глаза, излагая чудовищную по своей сути информацию, – Алекса арестовали по доносу в предумышленном затягивании переговоров. А самое главное в том, что именно он один из подстрекателей этого самого противостояния между нашей Тарсманией и Аравией.

– Чушь, – вырвалось у Даниэля.

– Чушь, – согласился Льюис, – вот только нашлось несколько свидетелей и даже таможенных чиновников, утверждавших, что Алекс неоднократно пересекал границу

с неизвестной миссией.

– А если у него там любовница, к которой он привязан, но не хочет это афишировать, – предположил младший Гринвич, – например, она замужем.

– Сын, я согласен, у Алекса, так и не женившегося после пропажи матери Ярославы тысячи раз была возможность найти себе супругу хоть монаршей крови, хоть какую, но он этого не сделал. Идиот, упрямец, влюблённый в свою пропавшую жену, но то исключительно его личное дело.

– Мне нужна Ярослава, – упрямо повторил Даниэль, произвольно выпячивая подбородок вперед, не отрывая взгляда от отца, в чьих глазах тут же зажегся недобрый огонь.

– Сын, не для того ты больше половины своей жизни по заграницам разъезжал, учился, – голос старшего Гринвича звучал приглушенно, а оттого это выглядело довольно угрожающе, – а я это всё оплачивал. Не для того мы с матерью тебя растили, чтобы в один день своим решением ты сломал всю свою жизнь, загубив карьеру, а заодно и наши возможности.

– Но,.. – попытался вставить своё слово Даниэль, не верящий что против Алекса можно что-то было найти. Белтонич не предатель, а тут дело исключительно в какой-то роковой женщине, ради которой он и затевал все свои поездки.

– Значит, так! – кресло под телом Лююиса осторожно закрипело, боясь навлечь на себя гнев рассерженного хозяина, чьи глаза сейчас метали молнии в недогадливого един-

ственного отпрыска, – моё тебе последнее слово. Я не думаю, что Алекс сумеет выйти из подвалов тайной канцелярии. Император зол как никогда, ещё бы – любимчик, видный политик, обвёл его вокруг пальца.

– Неужели он поверил этим свидетелям? Или есть ещё что-то?

– Я не знаю в чём именно дело, но, оказывается, вчера, Белтоничу должны были вручить секретный пакет. Посыльный схвачен, но, к сожалению, он нанят уже тут, у нас. А тот, кто передал, по всем приметам схож с аравийцем.

– Что в пакете? – Даниэль был в шоке от полученной информации, и сердце щемило, понимая, что с политической точки зрения отец был полностью прав. Ярослава пока не просто выгодная партия, от неё теперь все будут шаррахаться, как от чумы, боясь навлечь на себя гнев сильных мира сего. И за неё даже стало обидно.

Дану тут же вспомнилось нежное тело девушки, что извивалось под ним, и было податливым на ласку. Неопытная, она вызывала восхищение и радость, и в отличии тех девок из борделя, в отличие от замужних неудовлетворённых дам, Ярослава была самым совершенством, принадлежащим исключительно ему одному.

– А ничего, говорят, – Льюис передёрнул плечами с таким видом, будто бы ему самому было удивительно подобное, – пустой белый лист. Даже главный маг императора ничего в нём не обнаружил. У аравийцев сильные чародеи, потому всё

довольно мутно.

Короче сын, я не верю, что пронырливому Алексу удастся вылезти из этой передраги, уж поверь моему опыту старого лиса. А если император и снизойдёт и пожалеет своего любимца, – звук откупориваемой бутылки на десять секунд прервал речь Гринвича, – то он будет уже никем. Ему будет выгодно отдать свою дочь за тебя, чтобы мы смогли помочь вернуть его к власти. А нам это только в убыток.

Лёгкий стук в дверь, это пришла служанка, принёсшая пару тарелок с бутербродами и горячим мясом. Мужчины молча проводили её взглядами, и только когда дверь плотно закрылась, продолжили своё общение.

– Если хочешь, – старший Гринвич усмехнулся, глотнул виски, при этом смакуя, будто бы это нектар, посланный чужими богами с Олимпа, – то поиграй в благородство. Скажи девчонке, что с её отцом беда, значит, свадьбу стоит отложить. Не дело устраивать пляски, пока с ним такое получилось недоразумение. Она не дура, должна понять. В любом случае ты будешь выглядеть благородно, ведь не отказался от брака. Всего лишь понимаешь глубину печали девушки и поддерживаешь. А заодно рекомандуй пока не высываться, по столице не носиться.

– Хорошо, – выдохнул Даниэль, одновременно ощущая такую тяжесть на плечах и, особенно в душе, будто бы он помог угольщику разгрузить несколько мешков угля, а потом его ударил. – Я обещаю, что подумаю.

– Вот это правильно, – улыбнулся Гринвич старший с твёрдой уверенностью, что сын взвесит все "за" и "против" и примет именно то решение, которое нужно их семье. – Знаешь, вплоть до вчерашнего дня я считал, что такого щепетильного умника, как Алекс трудно свалить и даже сдвинуть с места. Но, оказалось, я был неправ и весьма. Что же, лучше раньше, чем после свадьбы. И что не делается, всё к лучшему.

Они поговорили ни о чём, и уже спустя час Льюис Гринвич отправился по каким-то делам в ближайших окрестностях, а Даниэль задумался.

Мысль о том, что придётся оставить Ярославу, была невыносимой. Он любил её, любил, как мог. Пусть иногда вечерами, после еле прерванных поцелуев организм требовал своё и Дан мчался в бордель, выбирая исключительно стройных девушек с каштановыми волосами и зелеными глазами. Но это всё физиология.

Однажды он едва не провёл вечер с одной весьма интересной любвеобильной молодой особой, чей муж застрял в очередной раз на охоте. Даниэль, под покровом темноты (пусть лето, но дождливый и хмурый день сделал своё дело) пришел в меблированную квартирку, что снял по этому случаю, с целью встретиться с женщиной. Но через какое-то время появилась милостивая горничная, присланная госпожой. В записке молодая женщина извинялась, посетовав на мужа, вернувшегося с охоты ввиду дурной погоды. Дама откры-

тым текстом без намёков писала, что непременно будут ещё встречи! И если что, то эта самая горничная, как связной сообщит точное время, только вот сегодня ничего не получится.

Расстроенный и вместе с тем заведённый Дан отправился к той, что в скором времени прекратит все его поползновения по женщинам. Даниэль был уверен, что Ярослава именно та нежная леди, что способна увлечь своего мужа.

Именно тогда и произошла их первая близость. Он сам просто не поверил своей реакции на слёзы девушки, на её такое случайное (он в этом даже не сомневался) прикосновение губами к своей шее....

Даниэль хотел эту девушку, а нынче молодую женщину уже давно. И теперь понял, что не прогадал. Яра была его и только и от этого радость переполняла, заставляя кровь бурлить и желать в очередной раз столь сладкой близости.

Спустя двое суток та самая женщина, у которой горе- муж вновь отправился на охоту, прислала горничную с запиской и предложением встретиться. Гринвич отказал, сославшись на занятость сегодня и в ближайшие несколько десятков лет тоже.

Ему нужна была только Ярослава.

Отец уехал, а Даниэль стоял у раскрытого окна и думал. О том, что могло бы быть и уже не свершится, о том, что ещё сегодня утром у него были грандиозные планы по созда-

нию семьи, но совсем недавно от них не осталось ни следа. Конечно, выбрать кого-то на роль жены из знатной семьи, с богатым приданным не проблема, тем более для него. Но отчего-то сердце щемило, представляя, что в постели рядом будет не она, не Яра, а непонятно кто, пускай с грудью пятого размера и весьма круглой задницей.

– Господин, – раздался голос слуги и Дан обернулся.

– Что тебе? – проворчал молодой Гринвич, с тоской отрываясь от тягостных мыслей. Думы о Ярославе занимали и угнетали одновременно, и даже заставляли чувствовать себя виноватым. – Ну, что нужно?

Даниэль нахмурился, поглядывая на нового слугу, из пришлых, не рождённых на территории принадлежащих Гринвичу земель. Пожалуй, у этого парня несколько нагловатый вид, несмотря на некую простоватость. И то, что недавно сам Даниэль стал невольным свидетелем сплетен прислуги об этом молодом мужчине, ввергало даже в некую смешливую ревность. Даниэль не любил, чтобы кто-то в его присутствии расхваливал постельные прелести и умения кого-то из мужчин, предпочитая самому обсуждать женщин. Но о той, что ещё недавно стала его женщиной, он не позволил бы сказать ни одного слова.

Никому.

– К вам леди, – наглые глаза парня смотрели с лёгким вызовом и иронией, отчего на миг Дан почувствовал себя неудобно. И кого там принесло, что этот шалопай развеселил-

ся?

– Леди? – Многозначительно приподнимать бровь Гринвич научился от отца и теперь весьма часто пользовался этим жестом.

– Леди Ярослава, так она назвалась.

К счастью для наглеца после произнесения имени девушки тот не позволил себе усмехнуться, что продлило его пребывание в этом доме в качестве слуги ещё на неопределённый срок. Но то, что это время не особо растянется, Даниэль был уверен.

– Проси в малую гостиную, – приказал Гринвич и быстрым шагом направился туда. Ему вовсе не нужны были свидетели, ему ни к чему было оставаться в рабочем кабинете. Гостиная выглядела уютнее и мягкий диван, на котором для Ярославы будет гораздо удобнее присесть, чем тут. А ещё и эти неприятные воспоминания о советах отца относительно свадьбы.

Нет, он ни за что не отпустит эту девушку, будь она хоть трижды родной дочерью Алекса Белтонича!

И пусть императора кто-то ловко ввел в заблуждение (а сам Дан упрямо придерживался мысли о какой-то женщине из высокого аравийского рода, что является любовницей Белтонича), но он ни за что не отпустит её.

– Ярослава?

Она вошла несколько усталая на вид, с напряжением в самых прекрасных зелёных глазах, с распушившимися непо-

слушными волосами, к которым Даниэль так любил прикасаться....

Ярослава

Тишина дома Даниэля действовала странно и я на миг растерялась, а что собственно сейчас скажу ему. Просить о помощи не привыкла, но ведь сейчас действительно особый случай. Папа в беде, и ещё какой, а я...

Это неважно, главное отец.

– Ярослава, – нежно произнёс тот, о ком я только и думала в последнее время, естественно чуть меньше, чем об отце.

Боялась, переживала, а вдруг его тут нет, вдруг он ещё не вернулся, тогда как мне очень нужен здесь и сейчас

– Даниэль! – я бросилась к нему, обняла, несколько стыдясь того, что в пыльной одежде, усталая и бледная из-за возникшего токсикоза.

– Что ты тут делаешь? – прошептал самый лучший мужчина на свете, поглаживая одной рукой мою спину, а другой прижимая к себе. Уверенность и сила исходили от него, и мне стало капельку легче.

Он поможет, я в этом ничуть не сомневалась. А вместе, это всё-таки не одна.

– Дан, папу арестовали, – слёзы выступили на глаза, словно ждали именно этого нежного момента, а мой дрожащий голос удивил меня саму.

– Успокойся, всё уляжется, – мягкие губы любимого неж-

но прикоснулись к моим губам, и вот уже заколка упала где-то на пол, освобождая волосы, давая им свободу.

– Нет, Даниэль, – прошептала я, несколько отстранившись и заглядывая в глаза любимого, – надо что-то делать. Как-то помочь! Ты ведь понимаешь, что отец кристально чистый человек! – мои горячие убеждения могли растопить любое сердце, я просто была готова поделиться с каждым верой в своего любимого отца, в его порядочность!

– Ярослав, – мягкий бархатный голос был подозрительно напряжен, и я несколько отстранилась, всё же оставаясь в кольце рук любимого. – Мы сейчас ничем не можем ему помочь, ведь он во власти императора. Надеюсь всё быстро примет нужный нам оборот и тогда наша свадьба...

Щёлк! О чём это он?

– А что наша свадьба?

– Ты сможешь выйти за меня, зная, что твой отец в тюрьме, зная, что его обвинили в предательстве?

– Нет, – шепотом отозвалась я, напрочь забыв о тошноте, что мучала ещё буквально полчаса назад. Может быть виной тому руки любимого, не слишком нежно, но жадно оголяющего мои плечи, целующего шею, грудь, что выпрыгнула из тесной одежды навстречу долгожданной ласке. – Это было бы нечестно по отношению к папе, ты прав.

– Конечно, ты умница, сама всё прекрасно поняла, – прошептал он и нервно расстегнул маленькие пуговицы на платье, одновременно терзая поцелуями мою шею, плечи, переходя

на упругую грудь.. – Нам надо всего лишь повременить, пока все не образумится и не выяснится...

Щёлк! О чём это он?

– Скажи, Даниэль, – одежда скользит по моим бёдрам, падает на пол,... вызывая не удовольствие от ощущений и предвкушения, а мурашки, потому что холод, сотканный из неприятных догадок, попал в сердце, проник в мои мысли...

– Да, любимая, – его аккуратные аристократичные руки, которыми я мысленно восхищалась тысячи раз, вскользь накрыли мою грудь, коснулись и сжали ягодицы...

– Скажи, – я с трудом отстранилась, но его взгляд безумно влюблённого мужчины, что страстно желает моего тела, прошёлся сверху вниз с одобрением. И даже показалось, что Дан не слышит меня, сгорая от нетерпения и желаний. Я решила зайти с другой стороны разговора. – Ты сможешь мне узнать, что с отцом? За что именно его арестовали?

– О, это нетрудно, – не грусть, не весёлость, а какая-то напускная обречённость промелькнула на лице молодого Гринвича, – его обвинили в измене.

– Что?

– Так бывает, Ярослава. Но я склонен видеть, что тут нечто другое. Хотя о чём это я, теперь это всё неважно. Главное наша свадьба, ведь придётся её отложить.

Щёлк! О чём это он?

– Конечно, – я соглашаюсь, ведь мой любимый прав, однако как-то зябко без платья, или это нехорошие мысли, что

не имели преграды и разрушили все планы, проникнув едкой кислотой в мой мозг? – Так ты поможешь мне с папой? Или нет, я хочу поговорить с твоим отцом, он наверняка в силах встретиться с императором и узнать всё лучше, чтобы разобраться.

– Ярослав, – мужской голос прозвучал неожиданно глухо, и я бы даже сказала обреченно, – отец сказал, что помочь Алексу уже нельзя.

– Почему? У меня есть драгоценности, имущество, в конце концов!

И пусть я умолчала о дядьке, засевшем в нашем столичном особняке, но ведь теоретически дом мой! Значит, могу подарить, кому хочу, за услугу спасти папу. А этот помощник пусть сам выкидывает Питера Белтонича из дома.

– Император зол и там есть, что предъявить твоему отцу, поверь, это не шутки. Спросить можно было бы итак, без заключения под стражу. Тут все очень серьёзно, я даже не уверен, сможешь ли ты вообще ещё раз увидеться с отцом. Прости, – отозвался Дан, а я его не узнавала.

– Как это? – я была, не только ли в шоке.

Гринвичи обладали властью, которая давала и знания, а подобные речи не могли вестись на пустом месте. За словами Даниэля что-то стоит и не просто так. Дан никогда не говорил, если не был уверен в чём-то.

– Не знаю пока, – он мотнул головой, словно пытаясь оттолкнуть внезапно посетившее наваждение, – но всё доволь-

но серьёзно и насколько знаю тарсманское право плюс личность императора, то речь пойдёт между пожизненным заключением и казнью.

Щёлк!

Кажется, я поняла, о чём он...

– Ты хотел сказать, – я с трудом оттолкнула Даниэля, увлекшего меня на мягкий диван, проговаривая вслух всё то, что слышала только что, – что нашу свадьбу стоит отложить, потому что отца пока нет?

Даниэль нахмурился и молча наблюдал, как я потянулась за своим платьем. Потом попытался отобрать его у меня, но я не отдала, перекинув одежду в свою сторону.

– А отец вряд ли освободится, – я медленно проговаривала всё то, что он мне недавно объяснил, и приходила к весьма ужасным выводам, – поэтому свадьбы точно не быть.

– Это временно, – произнес приглушенно Дан, бросился предо мной на колени, и рывком прижал к себе так, что получилось, будто он вклинился между ног.

Он противоречил сам себе.

– Отпусти, – я упёрлась ладонями в его грудь, не понимая зачем ему сейчас всё это... Хотя, о чём это я, ведь отлично понимала мужские мотивы. Он говорил, что моё тело сводит его с ума, похоже, ему захотелось этой капли сумасшествия. – Ответь мне только честно. Сумеешь?

– Спрашивай. Постараюсь.

Бархатный голос, что ещё недавно завораживал и звучал,

словно музыка для меня одной, теперь имел напряженные нотки. Да и сам мужчина, понявший, что я не таю от его нежности и желания, изменился.

– Откуда ты узнал про отца?

– Ярослав, ты должна понимать, что я не могу рассказать тебе всего, это большая тайна, – Дан поморщился, но мне отчего-то показалось, что дело действительно в важности того человека, который поделился информацией.

– Да, понимаю, – я согласно кивнула, постаравшись отодвинуться чуть в сторону, чтобы освободить свои колени от рук Гринвича. Он немного расслабился, но напрасно. – Я тоже никогда не расспрашиваю своего отца о чем-то подобном.

Взгляд, брошенный в мою сторону, был многозначительным и задумчивым, но меня уже было не остановить. Я высвободила свои ноги, притянула к себе платье, прикрыв им оголённую грудь, живот.

– Скажи, только честно, ты не ожидал, что я приду к тебе сегодня? Не догадывался?

– Нет, не знал, – он не отвёл взгляда, не моргнул, и я поверила в это.

– И не смотря на это уже решил, что свадьбу нужно отложить.

– Так будет лучше. Для нас, для тебя.

– Это ты правильно придумал, – произнесла я, и Даниэль одарил меня удивленным взглядом. – Но я бы всё равно не

вышла за тебя замуж...

– Что?

Я отошла, пытаюсь одеться своими силами. В конце концов, не звать же горничную для помощи. Взгляд мужчины был растерянным, что даже несколько потешило моё самолюбие.

– А что? Еще несколько дней назад считала, что у меня есть папа и что он будет со мной в день свадьбы. Ошибалась. Ещё несколько часов назад считала, что у меня есть ты, которого я очень люблю. Ошибалась.

Мне понравилось лицо Даниэля, не понявшего злой иронии в моей фразе. Маленькая месть? Но нет, это точно не она.

Я любила того, кого у меня, по сути, не было. Даниэлю важно было моё положение, моя знатность и молодость, но стоило ускользнуть одному условию, как вся цепочка была нарушена.

– Я никуда не делся, – мужчина сделал шаг в мою сторону, но я жестом руки остановила его, закручивая волосы в тугий узел. – И по-прежнему люблю тебя.

– Скажи, – меня посетила одна очень важная мысль, отчего тут же опустила свои руки, и волосы вновь каскадом упали на плечи. – А если бы я могла оказаться беременной, – острый укол в сердце от возможности его ответа, но меня уже давно было не остановить, слова так и лились потоком, – то, что стало бы с нашей свадьбой?

– Ярослав, – Даниэль слегка поморщился, легкая усмешка коснулась его губ, но тут же лицо стало напряженным, – ты ведь это несерьёзно?

– Я, кажется, задала вопрос. И ты обещал отвечать.

– Ты не осталась бы без внимания. Я купил бы тебе дом, где ты смогла бы жить со своим ребёнком. Ты ни в чём не нуждалась бы, никогда.

С моим ребёнком... эти слова царапнули, словно сейчас Дан сделал мне несоизмеримое одолжение.

Щёлк!

Я могла бы посмеяться, если бы не было так больно.

– То есть в качестве жены я тебе уже не хороша.

– Ярослав, – Даниэль повысил голос и два прыжка оказался рядом, ухватив меня за плечи. Мужские пальцы впились больно и наверняка оставят синяки, но вырваться не получилось, – не провоцируй меня на грубость. Ты сама прекрасно понимаешь, что сейчас не в том положении, чтобы что-то требовать, даже несмотря на то, что я очень люблю тебя. Жениться сейчас будет означать немилость к моему роду....

– О! – Удалось вклинить мне свой сарказм, – это важно.

– Помолчи, пожалуйста, милая моя, – Даниэль прижал меня к себе со всей горячностью, на какую был способен. Я чувствовала запах его тела, который ещё буквально час назад будоражил меня, но не сейчас. Он то шептал, уткнувшись в мои волосы, то пытался целовать меня, но я вырывалась, не

жая продолжения. – Ведь ты и сама прекрасно понимаешь, что дело не только во мне, только упрямишься. Будь так, я бы потерпел, уехал с тобой куда-нибудь, но ведь есть ещё и родители! Есть семья, для которой я это всё! Жизнь, надежда, планы, в конце концов! Я не могу, чтобы они из-за меня пострадали!

– Отпусти меня, немедленно, – произнесла я тем самым голосом, которым разговаривают с абсолютно чужими людьми.

Никак, не любезно и не учтиво.

Никак.

Как ни странно, Даниэль послушался. В его взгляде читалась тоска и множество слов, что никак не высказать.

– Они не пострадают. И ты в том числе.

Видит Бог, эти слова дались нелегко, и меня просто рывало от боли, но быть любовницей?!

– Надеюсь, ты не откажешься от моего предложения?

– Быть твоей любовницей, потому что для жены уже не подхожу?

Я привела себя в порядок, жалея об одном, что вообще пришла сюда. Разве что узнала что-то про участь отца, в которую до конца всё ещё не верила. Гринвичи витают высоко, им можно многое из того, что наверняка не доступно полковнику. Надеюсь, Хадерсон, уже вернулся к себе и ему ничего не грозит.

– Не передёргивай, – усталый голос любимого мужчины,

и, кажется, опущенные плечи вызвали новый приступ жалости, как к нему, так и к себе, но я приказала заткнуться своему внутреннему голосу, ожидая, что скажет еще Даниэль. – Я предлагаю тебе содержание не с этой целью, а чтобы ты не пропала. А быть ли моей любовницей или решишь выйти за кого-то замуж, – при этих словах Дан поморщился, ведь я видела, ему не нравилось последнее предположение, – это твоё право. Естественно, как только ты выйдешь замуж, все мои отчисления прекратятся.

– Ты щедр, – съязвила я, радуясь, что именно сейчас близость между нами не произошла, а ведь это почти случилось! – Но хочу тебя расстроить, ты, кажется, подзабыл, что я не нищая и у меня есть имущество в столице, да и за пределами тоже. Так что, извини, – я усмехнулась, подкинув декоративную диванную подушку, которую Гринвич тут же поймал.

Я не буду плакаться и рассказывать, что сделал дядя, отчего мне вообще пришлось приехать сюда, а не дожидаться Даниэля в столице.

Я не буду рассказывать о ребёнке, в надежде на брак, потому как не хочу знать, что в очередной раз ответит Дан.

Я не буду унижаться, потому что дочь Алекса Белтонича не считает это возможным.

– Прощай, Даниэль.

Мне было больно и невыносимо, а ещё терзала себя мыслями, правильно ли поступила, не сказав мужчине о своей

беременности. Хотя если ему не нужна мать собственного дитя в достойной оправе, то к чему само дитя, про которое вдруг кто-то (я подумала про старшего из Гринвичей, явно повлиявшего на мнение Даниэля) решит, что оно мешает их планам?

Не дам Гринвичам такой возможности, как и повода поливать нас грязью из-за незаконнорожденности малыша, так и из-за своей слабости, в тот момент, когда я уступила на уговоры Даниэля. Мужчины часто так делают, и их никто не обвиняет, тогда, как на женщину обрушивается злоба, издёвки и насмешки кумушек, считающих себя во главе добродетели. И самые гадкие слова раздаются, как правило, от тех сплетниц, чьё тело в молодые годы познало далеко не одного любовника, а в преклонном возрасте к их сожалению и досаде, потеряло спрос.

Мне казалось, что я размякну и упаду, подогнутся ноги, не сделав от Даниэля даже шаг. Но ничего не случилось, вот только из гостиной выйти не получилось.

– А ну повтори! – Дан быстро догнал меня, схватил за талию, резко повернув к себе лицом. – Повтори, что сейчас сказала!

– Я не буду приживалкой у тебя, что бы ни послужило тому поводом. И поверь, повод действительно есть.

Ох, и зачем это сказала ему! Ох, зачем!

Не нежность, а злость появилась в его глазах, губы изогнулись в кривую линию.

– Наверное, ты думаешь, что после этих слов я всё-таки женюсь на тебе?

– Что? – не поняла я, а может мне послышалось, – ты о чём? Мне казалось, мы всё выяснили.

Я не сразу поняла, что он всё-таки обратил внимание на мой вопрос о возможной беременности.

– Поиграть решила, да? Мы с тобой были всего пару раз...

– Жалеешь? – съязвила я, чувствуя, что в сердце прокрадывается горечь. Или это желчь, что требует немедленного выхода в виде обидных слов для Даниэля, моего... бывшего жениха.

– Ни разу, Ярослава, клянусь. Но на твои уловки я тоже не попадусь. И если ты не в курсе, что такой прерванный половой акт, то....

Он не договорил.

Пощёчина – это самое малое, чем я могла ответить в настоящее время. Ладонь саднило, но мы, кажется, не договорили. Мужчина дёрнулся, но по-прежнему не отпускал меня. Его дыхание обжигало, а злость была просто осязаемой.

– Не в курсе, – соврала я, чувствуя, что Даниэль говорит о том, о чем неделю назад щебетали молодая горничная и служанка. И тут же покраснела, как могла. И пусть перед этим злилась, то тут вдруг стало стыдно....

– В момент нашего наслаждения, – Дан смотрел на меня как-то странно, как никогда еще не смотрел. Ни всё время нашего знакомства, ни даже во время сегодняшних открове-

ний. – В этот самый момент я был не в тебе, понимаешь? И я это делал нарочно, чтобы ты не забеременела. Мужчины часто так поступают, чтобы обезопасить себя от нежелательной или преждевременной беременности женщины. А теперь..

– Что?

– А то, дорогая, – жесткие складки залегли у линии губ моего мужчины, точнее у того, кого ещё вчера считала своим, кому отдавалась любя и искренне. А теперь... – А то, Ярослава, что я предлагал и предлагаю тебе полное содержание и никто, ты слышишь, никто не посмеет тронуть тебя пальцем. Ни посторонние, ни мои родители. Но ради этого не надо придумывать беременность, – Дан замолчал, а потом тихо добавил, – потому что она могла наступить, но только не от меня.

Боль и горечь сквозили в его голосе, но не меньшим эхом оно отдалось во мне. Он считает, что я сейчас была нечестна?

– Убери руки! И никогда, слышишь, никогда больше не прикасайся ко мне! – прошептала я, осознавая, в чём именно он обвинил сейчас меня.

В том, что обманом хочу выйти за него замуж?

Что хочу "повесить" (слово, опять же подслушанное у прислуги) на него ребёнка?

Даниэль убрал руки, но в его глазах уже не светилась ни любовь, ни желание. Злость, похоже, именно она появилась в глубине синевы, проливаясь на меня холодной ненавистью.

– Даниэль Гринвич, – мой голос, надеюсь, был достаточ-

но твёрд, чтобы донести до мужчины весь смысл, – я освобождаю Вас от всех обязательств по поводу нашей свадьбы и всех иных последствий, будь то беременность или мои личные переживания. И пусть Вы в этом не нуждаетесь и дали мне о том понять, только что. Но, тем не менее, надеюсь, у Вас нет ко мне претензий?

– Нет, Ярослава, – сказал, словно выплюнул, он.

– А если что-то возникнет в материальном плане, то я в курсе, что мой папа выписал чек, покрывающий большую часть расходов, надеюсь, этого Вам хватит, чтобы залатать денежные издержки.

– Не надо об этом!

– Хорошо, – не равнодушие, а какая-то апатия охватили меня, но я продолжала, – у меня тоже нет претензий. Дальше. Надеюсь, после нашего расставания никаких повторных возобновлений отношений с Вашей стороны не последует?

– Нет, – прошипел Даниэль, – если только ты очень захочешь и попросишь, стать моей, как ты назвала содержанкой.

– Всего доброго, – я проигнорировала последние слова Даниэля, думая лишь об одном – поскорее покинуть это дурное место.

Никто меня не задержал, никто не окрикнул со словами "Погоди, мы ещё не всё выяснили".

Как раз только что всё и выяснили.

Мы с Марфой покидали этот дом из камня, пронизанный холодом сердец обитателей. Вдалеке показался Льюис Грин-

вич, мчащийся с кем-то галопом, но, к счастью, наши пути не пересекались.

И я не думаю, что он был бы рад видеть Ярославу Огарёву рядом с собой.

Но и я не дешевле, не желала здороваться с тем, кто отныне навсегда будет ассоциироваться пусть не с предателями, но с гнилыми людьми точно.

Примерно в полночь нас подвезли до проулка, что вёл в сторону дома полковника.

Никогда в это время не путешествовала ни одна, ни вместе с горничной. Исключительно с приёмов в карете и в сопровождении с папой или верными слугами, а тут....

Я и Марфа, ели переставляющие ноги, а ещё и неизвестность от нашего положения.

– Барынька, – прошептала Марфа, – гляньте-ка, это господин Якоб на лавке прикорнул. Вы тут стойте, а я подойду, притворюсь мимо проходящей сердобольной бабой, поинтересуюсь самочувствием мужчины. Заодно гляну, может, кто поблизости перепрятался.

Так и сделали. Я тут же залезла в пышный куст сирени, что уже давно отцвёл, но мне не до букетов, да и хорошо, что нет лишнего запаха. Вообще всю обратную дорогу токсикоз не давал о себе знать, как будто малыш решил поддержать свою мамочку.

Я издалека видела, как Марфа попыталась поднять пол-

ковника, причитая, что барин сомлел видать, перегревшись на дневном солнце, да что-то прислуга не поспешает помочь. Марфуша умеет разговаривать обычно, причём иногда не хуже многих воспитанных господ, не употребляя свои просторечные выражения, но мне так нравились её обороты речи! И сейчас я просто заслушалась, опираясь спиной на корявый ствол дерева.

Видел бы отец, что его дочь в ночи сидит в кустах сирени и подсматривает за своей прислугой, общающейся вместе с его другом полковником! Неделю назад я почитала бы подобное за смешной и нелепый анекдот, однако жизнь показала совсем другое.

Возня у скамеечки быстро прекратилась и спустя долгих пятьдесят минут я, приведенная к дому какими-то окольными путями, сидела на кухне Хадерсона в его толстом махровом халате. К сожалению, моё платье выглядело не самым лучшим образом, пропылённое после проделанной дороги, а потому от предложенной вполне приличной и закрытой одежды не отказалась.

Я рассказала, где была, умолчав о беременности и всех словах, что мы с Даниэлем бросили друг другу. Но не стала таить и о разорванной свадьбе и уж тем более о словах, что сказал Дан про моего папу.

– Ярослав, если не ошибаюсь, Гринвичи высоко летают в императорском небе? – поинтересовался полковник, потягивая коньячок, в то время как я наслаждалась вкусным от-

варом из листьев черной смородины и мяты.

– Очень. Не скажу, что правая рука императора, нет. Папа к правителю гораздо ближе, – комок застрял при последних словах, но я справилась и добавила, – был ближе. Гринвич занимается дипломатией, а заодно поставкой некоторых продуктов к императорскому двору.

– Понятно, наш пострел везде поспел, – пробормотал полковник, – но ничего, обойдёмся и без скользких угрей.

Словечки этого мужчины были до того точны, а действия прямолинейны и искренни, что я невольно поймала себя на мысли – папа не прогадал. У него настоящий друг.

– Завтра днём я приглашен на суаре, – тон полковника стал несколько игривым, и я оторвалась от чашки с целебным отваром, с любопытством уставившись на мужчину. – Пригласила одна вдова, чей покойный муж мне был весьма знаком.

Полковник так всё объяснял, а ещё при слове "вдова" так небрежно сделал жест рукой, означающий характерные женские округлости, но поняв, что рядом не кто-то из мужчин, а всего лишь я, быстро запрокинул порцию коньячка. Вот такого я хотела бы иметь дядюшку, а не того жирного кабана, который наверняка переселился в наш столичный особняк. Интересно, какие он выбрал комнаты, хотя подозреваю именно папины.

– Надеюсь, ты не заскучаешь без меня?

– Нет, что вы, у вас ведь своя жизнь, её тоже нельзя бро-

сать, – уверила я.

Со слов Марфы, сразу нашедшей язык с прислугой полковника, я уже знала, что он одинок, детей нет, но ещё не оставил свою службу, взяв полагающийся отпуск. И какие бы он не преследовал цели при посещении суаре, это его дело. Я даже буду рада, что всё произойдёт именно так.

– Деточка, – укоризненно посмотрел на меня вояка, – в твоей хорошенькой головке бывают такие мысли? Ай- яй- яй!

– Какие?

– Жизненные! – И тут полковник подмигнул, вызвав во мне вымученную улыбку.

Как жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах...

– Ярослава, – насмешка тут же пропала в глазах Хадерсона, – встреча будет непростая. Эта вдова по моей просьбе пригласила жен, чьи мужья имеют отношение к охране тюрьмы, где содержится Алекс. Мой покойный знакомый когда-то тоже там работал, так что всё вполне чинно и без лишних надуманных поводов, то есть вне подозрения.

– Здорово, – произнесла я искренне, потому что точно знала, многие жены в курсе дел мужей в той или иной степени, что нам только на руку.

Возможно, удастся что-то передать папе, правда даже не знаю, как его содержат. Но отчего-то уверена, что император не будет опускаться до того, чтобы держать его впрого-

лодь. Хотя не поверил же он в его честность, многолетнюю преданность, кто знает, что у монарха на уме.

Газеты пестрели заголовками о Белтониче, пересыпая абсолютно нелепыми предположениями. И мне всё равно, какими способами полковник собирается добиться результата, поэтому самую идею посетить суаре нашла весьма привлекательной.

На другой день Хадерсон привёл себя в порядок, надел свой синий костюм, который надо сказать очень ему шёл и с бодрым видом отправился покорять женщин и их сопровождение.

Я от нечего делать сходила на кухню, а потом решила подшить своё новое дорожное платье, что ещё сегодня утром доставили из магазина. Оно было мне несколько великовато в боках, и как я поняла, полковник очень долго описывал продавцам, какая я из себя, но главное результат – приличная одежда лежал сейчас передо мной. То платье, в котором я вышла из своего дома, немного потрепалось за время дороги, да и кусты не поспособствовали его сохранности. Оказывается, для леди платья не столь надежны, как для простого люда. Но и, правда сказать, многие более десятка раз больше эту же одежду и не одевали, а бальные наряды вообще одноразовые. Но практичная Марфуша предложила старым нарядом не раскидываться, а постирать и поштопать. Я согласилась, а у девушки действительно золотые руки, ведь порванный подол был зашит настолько аккуратно, что мне

даже пришлось присмотреться, чтобы найти её швы. А сменная одежда, это важно.

– Газеты, газеты, свежие газеты! – донёлся голос мальчишки-продавца, что целыми днями только и делал, что бегал с тряпичной сумкой, набитой своим таким своеобразным товаром. – Новости о преступнике Алексе Белтониче. Каждый предатель получает по заслугам! Газеты, газеты, свежие газеты....

– Марфа, – крикнула я, вбегая на кухню, где служанки готовили, – сходи, купи свежую газету! Почитать уж очень хочется.

Моя верная служанка тут же подорвалась и, вытерев руки о фартук, быстро шмыгнула в раскрытую дверь.

Марфуша не просто служанка, простолюдинка, а образованная для своего уровня девушка, впрочем, как почти вся наша прислуга. Расстроенная, с трясущимися руками, в которых зажала газету "Вся правда Тарсмании", она вошла белее снега и молча, протянула её мне.

Девушка поняла, что подобное не скрыть от меня.

"Известный своим подлым предательством по отношению к монаршей семье и всей Тарсмании, граф Алекс Белтонич, сегодня ночью был застрелен при попытке к бегству. Названный бывший дипломат был в сговоре с аравийцами, подготовившими всё к его бегству, но благодаря умелым действиям начальника тайной канцелярии подобный заговор был раскрыт. По повелению императора все отличившиеся

будут награждены".

Глава 5. Дорога

Ярослава

Я слабо помню, как лицом встретилась с ворсистым ковром, который был устлан на полу, как меня поднимали, поили успокоительным отваром. Как Марфа что-то говорила, а я отчаянно силилась её понять, хмурилась и не могла уловить сказанного.

Я очень переживала разрыв с Даниэлем, временами даже казалось, что это произошло не со мной. И всё наше знакомство, и прощальный разговор...

Но папа...

Папа для меня это всё, конец и утеря связей с реальностью, из которой я, кажется, снова всё-таки выпала на несколько минут, облив себя этим самым целебным отваром.

– Марфа, скажите, – тревожный голос, который принадлежал, скорее всего, полковнику доносился издалека, – Ярослава никогда не теряла сознание?

– Нет, господин, не теряла, – встревоженно отозвалась девушка и на этот раз слышала я уже лучше.

Кажется, ощущения решили вернуться.

– Эх, и ведь не спрятать было этой новости, – с горечью заметил Хадерсон, теперь- то я точно узнала его. – Про это трубят на каждом углу. За доктором послали, как я велел?

– Да, да! Сразу же, как приказали.

– Ох, – прокряхтела я, пытаюсь открыть глаза.

– Ну, наконец- то, – облегчённо вздохнул полковник, – а уж испугала то нас как! Я только вошёл, гляжу – ты лежишь на полу, Марфа и прочие порхают вокруг тебя.

– Простите, – пискнула я, не зная, что ещё ответить.

И тут до меня дошло – полковник единственный мужчина, который в данный момент проявил ко мне заботу. Без всяких там условий, чтобы я стала содержанкой, без тех обидных слов, что выслушала от дядюшки. Бродяжка? Он, Хадерсон, со мной обращается как с родственницей!

– Не волнуйся, – шершавые пальцы мужчины осторожно прошлись по моей щеке, – скоро придет доктор и осмотрит тебя.

Доктор...

Вот этого мне только не хватало.

Внимательный взгляд полковника и мои ощущения подсказали – я снова покраснела.

– А папу, его нам отдадут? Я должна похоронить его по-человечески.

– Я узнавал, девочка, – вздох и тоскливый взгляд мужчины в сторону рассказали о многом. Этот военный действительно был его другом. – К сожалению, нет. В данном случае мне отказали.

– А может быть попробовать мне, его дочери? – я приподнялась на локтях, но тут же Марфуша, наблюдающая за нами со стороны подбежала и уложила меня обратно. – Я сегодня

же схожу к императору, пока не поздно!

– Ярослава, ... сказали, что его уже захоронили на тюремном кладбище, а туда вход запрещен даже мне.

– Но как же мне быть? – слёзы сами полились по лицу, кажется, я в последнее время только и делаю, что переживаю и плачу.

Но мне ведь нельзя! Я утёрла щеки ладошкой, прекрасно понимая, что истинные леди так не делают.

А кто я теперь? Ярослава Огарёва, беременная девица (да и не девица вовсе) с испорченной репутацией и дурным ореолом? От которой многие будут воротить нос, хотя ещё вчера считали за честь, если я с ними просто перекинусь парой пустых фраз?

– А вот с этим проблемы вообще нет. Будешь жить у меня.

– Нет- нет, что вы, у меня ведь кое-какие драгоценности, могу купить где-нибудь маленький дом, – придумала я с ходу, потому что до этого времени даже не задумывалась. Всё шло своим чередом, я где-то витала, в надежде, что папу оправдают и выпустят.

– Значит так! – насупленные брови Якоба Хадерсона выражали крайнюю озабоченность и какую-то торжественность одновременно, – живёшь у меня, пока не подыщем чего-нибудь подходящего. К сожалению, не думаю, что тебя оставят в покое – уж если Алекс им не дался, то ты ближайшая его родственница, а значит, что-то могла видеть. Я не говорил тебе, Ярослава, но секретаря отца и ближайших помощников

тоже задержали. Тайная канцелярия не поясняет свои действия, а многие боятся восставать, выражать открыто свой протест, боясь оказаться там же, в застенках. Ну, а те немногие драгоценности, что удалось взять из дома, побереги, пригодятся ещё. Когда нового жениха найдёшь. И не хмурься, будет и на твоей улице праздник. Помяни опытного вояку, отбоя знать не будешь. А если какой решит понаглеть – обращайся, мы его приструним живо!

– Спасибо, – прошептала я преисполненная благодарности к этому человеку, что в срок меньше недели стал для меня ближе всех родных. Да и нет у меня родных, сирота как сеть.

Не считая того маленького человечка, что живёт теперь и растёт внутри меня. Моё сокровище.

И пусть его отец оказался не тем, кого я возносила мысленно эти два года знакомства, кого любила искренне, как только могла...впрочем, зачем кривляться, я и теперь его люблю, но как-то это чувство стало тускнеть. Нет того прежнего восторга при мысли о Даниэле. Грусть и боль, перемешанные с толикой негодования.

Спустя некоторое время появился доктор из знакомых полковника, который, естественно осмотрел меня и подтвердил все мои догадки.

Беременна.

– Вам бы, дорогая, не в обмороки падать, а побольше гулять на свежем воздухе, а ещё лучше за городом. Так и пере-

дайте своему мужу, – торопливая речь доктора прервалась, и он мельком взглянул на мои руки, что лежали сложенными на коленях. Я мысленно усмехнулась, отметив, что многие люди вначале говорят, а потом думают. Кольца нет и не было, как и мужа.

– Да, спасибо, так и поступлю, непременно, – вежливая улыбка, это я могу.

Моя оболочка это всё, что осталось от прежней Ярославы Огарёвой. А глаза... вряд ли они столь беззаботны, как это было всего пару месяцев назад, до того момента, когда папа уехал на переговоры в Аравию.

Доктор ушел, о чем-то потолковав с полковником, а я всё это время просидела у окна занавешенного легкой прозрачной тканью. Высматривать было некого, да и честно говоря, узнать кого-то из знакомых, не хотелось. Их нет, и не будет. Меня, прежней девчонки, девушки – тоже нет.

– Знаете, я должна вам кое-что рассказать, – произнесла я совершенно спокойным голосом в тот момент, когда Хадерсон присоединился ко мне, только у другого окна.

– Слушаю внимательно, Ярослава, – он в полуоборота развернулся в мою сторону, терпеливо ожидая продолжения.

– Так получилось, что то, что вам сейчас расскажу, я хотела поведать папе, – судорожный вздох пришлось задавить, чтобы суметь спокойно продолжить. Хорошо, что Марфа вышла, было бы сложнее. – Я беременна.

– Гринвич? – глаза полковника недобро сузились, а об-

ветренное лицо мужчины приняло злобное и даже жестокое выражение лица. Вероятно, с таким видом Хадерсон воевал, придавая себе свирепости и воинственного настроя.

– Он, – я покраснела, как могла. – Но вы не переживайте, мы вам в тягость не будем, я сегодня же пошлю Марфу узнать, не сдаётся ли где уголок, а ещё лучше домик.

– Ярослава, – прошипел мужчина, – мы уже этот вопрос обсудили! Ты живёшь тут и точка!

– Нет, простите, это неудобно, – мне было стыдно и очень. Конечно, я знала, что некоторые знакомые девушки встречались с молодыми людьми, но всё это проходило мимо меня. Одобрять подобное не принято, а потому мнение о таких женщинах не самое благоприятное, а порой и весьма неприязненное. И вот сейчас полковник подумал наверняка невесть что, обо мне.

– Теперь я тебя точно никуда не отпущу, да и раньше не собирался. Эх, ты, – он покачал головой и как-то по-доброму усмехнулся, – домашний ты ребёнок, хоть и замуж собралась.

– Уже нет, – буркнула я, чувствуя, что невидимые клещи отпускают, а по щеке покатила слеза.

– А это правильно, – одобрил Хадерсон, – после его поступка, я бы к такому на войне спиной точно не повернулся. И в разведку с ним не пошёл, уж поверь мне, Ярослава.

– Верю, – я тут же согласилась, вторя полковнику. Ему виднее в таких делах.

Но и я теперь учёная, и даже если нам суждено встретиться с Даниэлем, то его слова о прерванном половом акте, злобные глаза навсегда запомнятся, это точно. Малышу глупые слова Дана пересказывать не стану, не надо унижать ребенка, а то, что нам без такого папы будет лучше – в этом я уверена.

Неделя тянулась и вместе с тем прошла странно, непривычно.

Мысли об отце были основными. О нём я думала утром, когда просыпалась, днём, едва садилась за стол и выпивала стакан молока (как всегда любил отец), вечером, стоило лечь в постель и прикрыть глаза. Мне было невыносимо больно и страшно, а ещё в душе присутствовало то тупое и щемящее ощущение безнадёги, словно завтрашний день и вовсе не должен наступить.

Наступит и завтра, и послезавтра тоже, вот только своего самого родного папочку больше не увижу. Одно знаю точно – малыш, когда родится, он обязательно узнает о том, что мы не нужны были его отцу (про храброго вина, погибшего смертью храбрых врать не буду, Дан не заслужил), а маленькие воспринимают подобную информацию с детства куда как легче, ежели это всплывёт много позднее. А вот про то, что у ребенка был самый лучший в мире дед, про то, что он самый умный, сильный и красивый и погиб он действительно по чьему-то оговору – это скрывать не стоит.

Единственно угнетает мысль, что в Тарсмании, а особенно

в столице, нам будет довольно сложно затеряться, а подвергать нас обоим опасности нет желания. А куда уехать? Полковник обещал что-нибудь придумать, и я ему верю.

Чужой и малознакомый человек сделал для меня гораздо больше, чем Даниэль и его родственники. Думаю, папа с неба точно видит всё это и рад, что я не одна, а с Хадерсоном. А беременность... думаю, мой папа простил бы и понял. Он всегда был человечным.

Мои пресные мысли разбавлял неожиданно воодушевленный полковник, решивший в скором времени подыскать другой домик. Чтобы нам с малышом было уютно, а вокруг строения не проезжая дорога, а небольшой сад, а ещё лучше прудик в придачу, с лебедями и карасями. Я снова попыталась вручить мужчине свои малочисленные драгоценности, чтобы продать и не задумываться о нашем содержании, а уж тем более о деньгах на новый домик. Но он гневно отказался, заявив, что пусть и не так богат, как мы, но свою грудь под пули столько лет подставлял не зря.

У полковника осталось две недели от отпуска, и он запланировал совершить небольшую поездку, чтобы купить эту мечту, загородный домик, дабы я не попадалась на глаза своим знакомым. Но его планам не суждено было сбыться.

Одним ранним утром, пусть не самым прекрасным за последнее время, но вполне сносным раздался настойчивый стук в дверь. Мы с Марфушей обе подскочили, я с просторной кровати она с небольшого, но мягкого диванчика и ми-

гом понеслись одеваться. В последнее время уж слишком много стало неожиданностей, чтобы встречать их вот так, в ночных рубашках и полном неведении.

Мы осторожно вышли из своей комнаты и крадучись направились в ту сторону, где сейчас как раз должен быть этот незнакомый кто-то. Но, к удивлению полная тишина, отсутствие каких-либо посторонних звуков успокоили, но не удовлетворили любопытство. Я, с накинутой на плечи легкой шалью (подарок полковника, заявившего, что мне нельзя стесняться, ведь я очень часто провожу время у окна) приблизилась и посмотрела с лестницы вниз. Скрипучая половая доска, на которую я нечаянно по пять раз наступала за день, и на этот раз меня не подвела, а издала свой душевный звук как положено.

– Ярослав, – голос Хадерсона раздался откуда-то снизу и я, уже не скрываясь, приблизилась к деревянным резным перилам, заглянула вниз.

Он сидел на низком стуле с вычурными ножками, а на коленях белел лист бумаги.

– Что случилось? – я быстро сбежала со ступенек, придерживая шаль одной рукой.

– Завтра утром мне надлежит прибыть в полк. Того шаткого перемирия, которого добился твой отец, больше нет, – он потёр рукой глаза, словно не отдыхал эту ночь, а скакал, обдуваемый ветром.

– Вы вернётесь? – прошептала я, чувствуя, что мелкая

дрожь пробежала по рукам. И, несмотря на летнее время, несмотря на длинное домашнее платье и мягкую шаль, холод вновь пытается добраться, захватит уже душу цепкими когтями.

– Сядь рядом, – произнёс Хадерсон тихо, но твёрдо.

Я молча села на стульчик рядом, прижалась к его спинке и перевела взгляд на папиного друга, ставшего и моим добрым хранителем.

– Мне стыдно, но дом я так и не успел подыскать.

– Да не переживайте, я сама... – договорить мне не дали.

– Нет, не сама. Ярослава, ты остаешься здесь. Понимаю, что всё время сидеть взаперти это не выход. Продукты и вся готовка – на слугах, они по-прежнему остаются в доме, так что тут проблемы не будет. Деньги на расход я тебе оставлю, только выходи, пожалуйста осторожно, чтобы кто не встретил. Надеюсь, война долго не продлится и я вернусь, как положено. Сегодня оформлю все на тебя, чтобы в случае чего, – он многозначительно и вместе с тем извиняясь, посмотрел на меня, – у вас был свой угол. Потом продашь и уедешь, тут не оставайся. Со слугами распорядись по своему усмотрению.

Кивнула, стараясь свикнуться с мыслью, что уже завтра этого неунывающего человека рядом не будет, а я останусь. Радует, что Марфа со мной, впрочем, и со слугами Хадерсона я нашла общий язык. Да и с доктором была договорённость, что иногда он будет заходить, чтобы проверить моё

состояние.

– Ярослав, просыпайся! – тихий, но настойчивый стук в дверь раздался посередине ночи, и я вновь подскочила, – не бойся, это я, Якоб.

– Что произошло?

– Я придумал! Мы с тобой поженимся. Солдату отказывать не могут, особенно в такое время, а потому ждать не придётся.

– Что Вы, я так не могу, – мысль несомненно пришлась мне по душе в плане того, что рожу в браке, но все дополнительные обязательства... и я вовсе не хочу жить с полковником как с мужем! Окинув взглядом подтянутого мужчину, еще раз отметила – хорош, несомненно. Но мне он как родственник, а делить общую постель...

– Девочка, – недовольно произнес он, что-то уловив в моем взгляде, – не о том думаешь! Ты сменишь фамилию, и к тебе меньше будет вопросов.

– Но ведь тот, кто будет регистрировать, – кажется, я сдавалась, но все еще цеплялась на какие-то существенные, на мой взгляд, аргументы, – может доложить обо мне... И потом вдруг Вы встретите свою женщину, а тут я!

– А мы не будем обращаться к служителям Храма. Сейчас война, все об этом знают, а значит, командир имеет право. Пойдем к моему генералу, он толковый. Правда вредный, зараза, но да у меня есть кое- что покрепче воды, как раз по-

дойдет для такого случая. Конечно, тут не поле боя, да и пара из нас с тобой еще та. Но мы с тобой ни дня не прожили, а значит, развести разведут. Да мало ли, что можно придумать на этот счет!

– Надеюсь, вы собираетесь вернуться? – мои сомнения та- яли, как снежный ком весной.

– А вот это как Бог даст, – слова, глаза Хадерсона были настолько убедительны, что я решилась. Дать малышу дру- гую фамилию, что возможно спасет его – это благо.

Мысль о том, что Даниэль может об этом узнать, о ребен- ке с другой фамилией меня даже не посетила. Он от нас от- казался, а значит, никаких прав на дитя больше нет.

Через час мы стояли в доме какого-то генерала, который с недоумением выслушивал, как он назвал " вполне обычные для солдат бредни". Простое бежевое платье, светлая шаль – вот и все моё одеяние невесты. Полковник при форме и орденах смотрелся более внушительно.

Важно вынув из сейфа бумагу, генерал что-то долго каря- бал и поставил печать.

– Всё, Хадерсон, держи свою бумагу. Жену поцеловать не забудь.

– Не забуду, – меня тут же совсем по- отечески к себе при- жали и похлопали по плечу. – А теперь, уж простите меня, мой генерал, напишите нам разводную.

– Что? – от подобной фразы генерал, разбуженный в две- надцать ночи, покраснел и сжал кулак, готовый опуститься

с шумом на стол. – Я что, на клоуна похож? Вы, полковник в своем уме? Может вас на комиссию к докторам? Вопрос о пригодности решить?

– Ярослава, выйди, – шепнул мой новоявленный муж, и я тут же исполнила его волю, ошарашенная подобным заявлением.

Он что-то придумал, но ясно это стало только спустя пять минут, когда Хадерсон вышел сосредоточенный, но уже со второй бумагой в руках. Он взял меня под руку с весьма довольным видом, и мы быстро удалились.

– Зачем? – только и смогла я произнести уже дома, усевшись на мягкий стул у лестницы.

– Девочка, – полковник погладил меня по голове, – пусть мы и не расписались в Храме, но итак понятно, этот брак будет тяготить тебя, да и я все еще мечтаю встретить свою половинку. Но у ребенка будет законный отец, я. Мы были в браке, неважно, что меньше суток, но и за это время многое могло произойти. Но теперь никто не посмеет ткнуть в тебя и дитя пальцем. А дальше ты будешь вольна поступить, как желаешь. И если суждено погибнуть, то мысль о малыше с моей фамилией момент смерти сделает более осмысленным и светлым.

– А что вы сказали генералу, почему он так быстро согласился?

– Генерал не просто штабная крыса, он достаточно долго воевал, чтобы понять простую вещь – человеческое бла-

городство. А ещё понял одно – что я тебя люблю и вместе со своей фамилией хочу дать свободу. Подозреваю, старый перечник ещё чего-нибудь себе придумал себе, но это уже неважно. Главное вы с ним незнакомы, никто ничего не узнает, разве что про мои чудачества с молодой леди, вот и всё.

– Вы меня любите? – я порадовалась, что сижу, а не стою. Определенно, это ночь сумасшествий.

– Да, как дочь моего лучшего друга, не больше, – он усмехнулся и отдал обе бумаги в мои руки и по-отечески поцеловал в макушку.

От этих слов мне точно стало легче.

– А эти бумаги действительны? – мое сомнение никуда не делось. Это что за свадьба на дому? А с другой стороны, я даже читала про подобное в каком-то франкском романе, где командующий войском поженил своего подчиненного с его невестой перед боем.

– Действительнее не бывает. А главное взгляни, – он пальцем ткнул во вторую бумагу.

Я развернула глянцевый листок. Где прописано, что наш брак по желанию обеих сторон и ввиду отбытия мужа, расторгается, но только исключительно в силу его скоротечности. И мой бывший муж не против, если я при разводе оставлю фамилию “Хадерсон”.

– Но разве так можно?

– А кто сказал, что нет? Ведь это светский брак, – Якоб Хадерсон с важным видом вручил мне обе бумаги и тут же

довольный отправился в свою спальню.

Через сутки полковник уехал, пообещав писать письма на адрес прислуги, но понятно, что адресованы они будут исключительно мне. Предлагать свои драгоценности в очередной раз не стала, не хотелось задевать этого человека, ведь он итак переживал, что в такой момент оставляет меня одну.

А я не одна, со мной моя Марфа, следившая за мной как старшая сестра, как настоящая верная служанка.

Дни сливались в однообразные моменты, и уже трудно было отличить утро одного дня от другого. Пришла пара успокоительных весточек от Хадерсона, сообщавших, что уже прибыли на границу, где в настоящее время идут не очень активные действия Перестрелка для солдат пока выглядит скорее развлечением, нежели серьёзным делом, но напряжение так и витало в воздухе, в любой момент, грозя перейти в нечто более серьёзное.

– Барышня, Ярослава, вы бы кофе- то пить перестали.

– Отчего же? – удивилась я, так как слугам не полагалось встречать в подобное, а Марфа свои обязанности знала хорошо.

– Дитю вредно, да и нервы могут расшататься.

– Если только расшататься, – проворчала я и с тоской взглянула на любимый напиток. Действительно, не стоит его пить ежедневно, буду только по воскресным дням. – Эх, тогда носи рейнского, что ли,.. – произнесла я, с удовольствием наблюдая за округлившимися глазами девушки, – да нет,

шучу, конечно. Налей тогда мне молочка.

– Тепленького? – просияла верная служанка, – с печеньицем?

– С печеньицем, – подтвердила я, прислушавшись к себе. Кажется, мысль о теплом молоке нам с малышом была больше по душе, нежели кофе. Живота ещё не было видно, да и ничего такого не ощущалось, но я- то знала, что внутри меня растёт жизнь, поэтому мой малыш довольно часто был молчаливым собеседником.

– Марфуша, у тебя есть свободное время? – произнесла я, после того, как мой завтрак завершился, а в животе расплылось приятное тепло. Кажется, многие ощущения я теперь выдумываю, относи их исключительно на счёт беременности, но мне нравится.

– Конечно, есть, барышня, – раскрасневшаяся служанка заулыбалась, глядя на выпитое молоко и пустую тарелочку из- под печенья.

У неё тут, в принципе, было много свободного времени, но она не отлынивала, а помогала, как могла. Из прислуги вообще постоянно в доме проживала семейная пара- кухарка и её муж(истопник, он же садовник и специалист по мелкому ремонту), а также их дочь, румяная Нелли, которая следила за чистотой в доме. Жила тут ещё и экономка Рени, она считалась как бы старшей над всеми. При необходимости нанимала дополнительно работников, но это было столь редко, что лично я никогда посторонних и не видела. Эти четыре

человека и мы с Марфой составляли теперь жителей дома Хадерсона.

Мы быстро собрались, сказались экономке (отчего-то не хотелось игнорировать эту молчаливую женщину, во всём старавшуюся угодить мне) и отправились прогуляться по ближайшим лавкам.

Уж так повелось, что в те редкие случаи, когда я выходила из дома (всё чаще в хмурые дни или ближе к вечеру, чтобы ненароком не встретиться со знакомыми или бывшими подругами), то обязательно брала с собой документы. Зачем, почему? Мне это и самой непонятно, но только в последнее время предусмотрительность жизнь спасала, не говоря о собственном достоинстве. Наверное, я излишне труслива, склонна к надуманным страхам, но те драгоценности, что удалось взять из нашего особняка, тоже прихватила с собой, запихнув в особый карман. Знаю, что напрасно, что нет повода для паники, а люди в доме абсолютно благожелательны и надёжны. Но так я чувствовала себя увереннее, словно не цепочки с браслетом лежали в кармашке, а защитные амулеты, переданные когда-то для меня мамой.

Вот и в этот раз мы зашли в ближайшую лавку, торговавшую незатейливыми тканями, прицениваясь, сколько нужно взять разных отрезков, чтобы сшить малышу приличную одежду хотя бы на первое время, чтобы были в наличии пелёнки, в которых не стыдно было показаться доктору. На домашние нужды используем старые простыни, но ведь нужно

было бы иметь и хорошие вещи.

Странно, но до этого времени я и не задумывалась об этом детском приданном. В первые дни, когда я поняла, что беременная, то представляла себе красивую комнату для малыша, наполненную светом и лёгкими тканями с всевозможными кружевами и вышивкой. Но реальность оказалась слишком далёкой от мечты и наивных женских видений. Можно было понаглеть и использовать средства полковника, как он это регулярно предлагал, но я пока отказалась. Хотелось посмотреть, что я сама смогу сделать. Да и купить что-то на свои деньги гораздо приятнее, чем постоянно зависеть, пусть Хадерсона это не обременяет (как он всегда говорил).

У скупщика мне удалось продать кольцо, что подарил мне папа, правда гораздо дешевле его стоимости, но по-другому никак бы и не получилось. Закладывать вещи в ломбарде не выгодно, а, значит, я просто радовалась собственной наличности. Единственным табу для меня было продавать мамины украшения, почти все из них были подарены папой.

Прикупив три разных ситцевых отреза, один шелковый, несколько аршин кружевных лент, цветные нитки, мы довольные и раскрасневшиеся вышли из лавки, радуясь этим нехитрым покупкам. Хмурый день несколько не портил настроения, ведь впервые за несколько дней удалось вот так, свободно выйти и прогуляться.

– Может, в чайную заглянем? – предложила я Марфе.

Распивать чай со своими слугами было неприято, но в

этой чайной господ было по минимуму, да и рангом они были гораздо ниже прежней меня, а до остального мне попросту не было дела. Я и раньше с самого детства частенько пила чай с блинами на кухне вместе с Марфушей, так почему бы именно теперь воротить нос?

Если честно, то я даже скучала без привычных прогулок по городскому саду, без катания там же на лодочках в большом пруду, что сдавались напрокат. Без посиделок с подружками у мадам Шоко за чашечкой горячего шоколада. Не скажу, что это были жизненно важные потребности, вовсе нет. Но они столько лет были частью моей жизни, что просто так, почти в одночасье, лишиться их было грустно.

– Можно, – одобрила она, стягивая тонкую кофточку на своей пышной груди. – Только ведь вам не следует со мной..

– Пустое, – махнула я рукой на это замечание, с улыбкой мельком взглянув, как спутница никак не справляется с одеждой.

На девушку из-за этой анатомической особенности вечно заглядывались и наши работники в замке, и в столичном особняке. Однажды даже сватался какой-то парень, наш новый конюх, но на мой вопрос, почему отказала ему, Марфуша смущенно ответила, что у него один глаз косой. Я до того момента этому парню в лицо даже не заглядывала, а тут так специально прошла мимо, убедилась. Как есть косой. Спустя неделю этот несостоявшийся жених свалился с сенова-

ла в конюшне в тот момент, когда я решила прокатиться на своём коне. Парень тут же кинулся прилаживать седло, но я краем глаза успела заметить какое-то движение на верху того самого сеновала, откуда свалился конюх. Повернулась и увидела, как мелькнул край одежды желтого цвета. Днём ранее я видела, как подобным платьем перед кухаркой хвасталась горничная Эмма, трудолюбивая, чистоплотная, но не обременённая особой моралью по отношению к другим холостым работникам.

В тот момент я весьма была солидарна с Марфушей по поводу отказа конкретно этому жениху. Не думаю, что она, как говорит кухарка "засидится в девках", потому что девушка действительно красива. Плотная, но не толстая, круглолицая, с тугой русой косой, среднего роста, она заставляла встречающихся мужчин с удовольствием оборачиваться вслед.

Чайная, в которую мы зашли, была небольшая, но чистая. Прилавок с наименованием разных видов чаёв, плюс нехитрые пирожки с разными начинками, сдобные булочки в форме колечек и даже птичек. Мы выбрали небольшой столик с деревянными стульчиками, что весьма удобно стоял в самом дальнем углу. Никто не курил, не матерился, лишь тихие разговоры, а потому я почувствовала себя тут более-менее уютно. Моё платье, в котором сегодня пошла, было гораздо скромнее того, которое носила дома. Полковник возражал против подобного, но не хотелось, не только вводить

человека в лишние расходы, но и привлекать к себе ненужное внимание.

– А хорош чаёк, Марфуша, – повторила я в третий раз, откинувшись на спинку стула. Всегда любила черный чай с добавками сушёной малины или земляники.

– Хорош, барынька, ваша правда, – вторила мне спутница, выпивая третий бокал. Она, как и её мать с отцом очень любили распивать этот напиток ежедневно, и обязательно после мытья, причем не по одной чашке, а непременно несколько. И пили исключительно с баранками (так кухарка называла твёрдые колечки с дырочками), кренделями и каким-нибудь вареньем.

– Ну что, пойдём домой? – предложила я, чувствуя, что слегка ломит поясницу, это значит надо немного полежать. – Или ещё посидим?

– Да нет, пора и честь знать, – сказала разрумянившаяся девица как всегда нараспев, а я грустно улыбнулась. Папа говорил, что, несмотря на то, что кухарка со своим мужем (тогда без дочери) приехали очень давно со своей родины, но все эти милые словечки никуда не делись и порой были очень даже к месту.

Расплатившись, я подумала, что возможно стоит ещё как-нибудь сюда заглянуть. Чай и вкусности есть и дома, но это ощущение свободы, пусть маленькое, но оно появляется с каждой возможностью сделать шаг в сторону от тех ограничений, с которыми я вынуждена считаться в последнее вре-

мя.

На улице потемнело так, как будто бы вот- вот разразится грозы, и мы побежали, подгоняемые ветром, летящей пылью и сорванными листьями. До дома пешим ходом всего пятнадцать минут, но я торопилась, как могла, одновременно придерживая на голове шляпку одной рукой, а другой придерживая платье, чтобы не наступить на него и не распластаться по мощёной каменной дороге. У Марфы на голове был лёгкий платочек, а под мышкой она прижала сверток с покупками, который несколько не стеснял её торопливых движений. Отдельные холодные капли уже капали на лицо, и это было довольно неприятно. Да и каждый знает, что подобное не заканчивается малым, непременно быть ливню, а может даже урагану.

– погоди! – дёрнула я её за рукав в тот момент, когда мы от почты завернули к нашему дому. – Стой, Марфуша!

Около дома стояла черная карета, и я со своего расстояния видела, что она удивительно похожа на ту, в которой увезли папу. Та же строгость в контурах, те же черные кони. Даже на людях, что прохаживались рядом, была надета исключительно черная одежда!

– Что? – произнесла моя спутница, поправляя съехавший на лицо платок и тут же испуганно охнула. – Как же быть-то, барышня Ярослава? Это ведь они, ироды!

Надвигающийся ураган это не самая благоприятная погода для двух девушек, пусть даже на улице не октябрь, а всего

лишь начало августа.

Но не это в настоящее время было главным.

Нас выследили, а значит, ничего хорошего ждать от этого случая не приходится.

– Уходим отсюда, – произнесла я жестко и повернула обратно.

Марфа сразу все поняла и тут же нырнула в ближайшую калитку, где жил замечательный молочник. Именно у него каждое утро мы покупали этот продукт к нашему столу, а заодно творог и масло. Молочнику было лет пятьдесят, но, по всей видимости, он являлся любителем женщин и даже, как оказалось, сказал пару комплиментов моей служанке, получив от неё снисходительную улыбку в ответ.

Небо словно прорвалось и тут же сильные ледяные потоки хлынули сверху, ни сколько не опустошая бездонное небесное озеро. Мы стояли, спасаемые крепким навесом над входом в простенький двухэтажный дом. К счастью отсюда было абсолютно не видно ни дома полковника, ни черной кареты со своими верными сторожами. Нас за высоким забором тоже вряд ли бы кто разглядел.

– Надо же, что же вы стоите! – раздался мужской голос из окна, – заходите, а то так и простудиться недолго.

Мы не стали отказываться от этого радушного предложения, да и идти, собственно говоря, некуда было. Необходимо время, чтобы всё обдумать. Но делать это желательно в тепле и на сытый желудок. Теплое молоко меня очень даже

выручило, и уже спустя час я сидела около затопленной печи (и это летом- то!), примерно зная, как нам поступить.

– Вы не могли бы нам сегодня вечером прислать на дом масло и творога пару килограмм? – попросила я его, с усмешкой заметив удивленный взгляд молочника. – И если дверь откроет не Марфуша, – я бросила предупреждающий взгляд на свою спутницу, – то скажите, что это мы сегодня заказывали и просили непременно принести. Решила я, теперь есть творог не только на завтрак, но и на ужин, он у вас уж очень замечательный!

Молочник просиял, ободрённый моей похвалой.

Как мне рассказывала за чаем кухарка, обычно больше килограмма мы никогда не брали за раз, а тут это явно натолкнёт её на размышления, а затем и наводящие вопросы.

Потому что в дом мы больше не вернёмся.

Спустя четыре часа дождь утих, оставляя после себя огромные лужи и заметное похолодание. Но нам это было даже на руку, ведь надвигающаяся привычная темнота скрывала от глаз посторонних две одинокие фигуры, бредущие в сторону какой- нибудь небольшой гостиницы, которые в большом количестве разрослись по краю столицы.

Местный служка на окраине какой-то гостиницы, более похожей на ночлежку, не задавал лишних вопросов, а мы не придирались. Сон и горячая еда – это всё, что нам с Марфой было нужно. За медную монетку чистое постельное бельё было обеспечено, а за ещё одну – несколько вёдер горя-

чей воды, плюс большой таз, в котором мы и помылись, а позднее с чистой водой постирались. Я решительно отказалась от помощи своей служанки, она устала не меньше меня, да и привыкать к самообслуживанию всё-таки надо.

– Барышня, Ярослава, – тихонько позвала девушка в тот момент, когда мы сидели вдвоём около небольшой железной печки и пили чай.

Жар, исходящей от металла был приятным, а долгожданное тепло просто сказочным и от этого навалилась слабость, грозящая перекинуться в долгожданный сон.

– Что? – отозвалась я, зевая и прикрывая рот ладошкой.

– А что мы завтра будем делать?

– Если честно, то у меня всего лишь несколько вариантов. Первый – ты возвращаешься в замок, не в столичный особняк. Но я сомневаюсь, что дядя не увидит тебя там рано или поздно.

– А еще его слуги, что крутились рядом, – вздохнула с тоской служанка, – а ещё что придумали? Первое мне точно не подходит.

– Второе – надо купить маленький домик, подальше отсюда.

– На что? – удивилась Марфа, откинув косы за спину. Раскрасневшаяся, полнолицая, она была чудо как хороша.

– Пара цепочек и браслетик, колечко, все можно продать. Пусть дадут нам не так много, но это деньги. Должно даже остаться, вот на это и будем жить. Я пойду работать.

– Что Вы, барышня, – встрепенулась Марфуша, – я пойду работать, а вам с дитем надо сидеть.

– Твоя правда, только нас троих тебе одной не прокормить, – вздохнула я. – Ну так что будем делать? Дом покупать?

– Денег- то сколь надо, ... – протянула нараспев девушка и сделала глоток ароматного чая.

– Послушай, а ты откуда родом? Точнее твои родители? Из Белогории, если не ошибаюсь? – мне вдруг подумалось, уж если куда-то уезжать, так почему бы не в ту местность?

– Из Белогории, – тоскливо протянула Марфа к моему удивлению. Уж я- то знала, что родилась она тут, в Тарсманнии, а именно в нашем загородном замке. И ни в какой Белогории, как она говорила когда- то, сроду быть не была.

– А родные? Твои родители говорили о родных? Там кто-нибудь есть? – я с интересом наблюдала за девушкой, по лицу которой сейчас можно было прочесть мысли.

– Есть. Брат отца, дядька мой, то есть, да и бабушка с дедом. Если живы, конечно. На Рождество письмо от них приходило, так все были живы и здоровы. Писали, что у дядьки двойня народилась.

– Двойня, – я неосознанно обхватила одной рукой живот, во второй руке по- прежнему держала чашку с уже почти остывшим чаем. – Как хорошо- то Марфа!

– Я тоже рада за них, дядька почитай с женой уже десять лет живёт, тридцать лет ему было в прошлый четверг, а детей

то и не было. И вот Бог послал двойню сыновей. Разве не благо?

– Благо, Марфушенька, конечно благо, – согласилась я, – так может туда, и поедем с тобой? Только твои будут беспокоиться.

– Я придумаю что-нибудь. Гостинец от матери взять для них не получится, но может письмо отправить? – она нахмурилась, оставила чашку и неосознанно стала наматывать на палец конец косы. – Надо что-то придумать.

– Послушай, – меня вдруг осенила мысль, и я вымученно улыбнулась, – но ведь мы очень часто берём продукты у одних и тех же? Так?

– Да, так, – Марфа слегка нетерпеливо передёрнула плечами, не понимая меня, – хлеб сами печём, крендельки тоже. А вот сладости лучше в лавке у Пиржени, что недалеко от дома торгует братъ, но колбасы лучше, чем у Коровянича нет.

– Кто из них хорошо с твоей мамой общается?

– Коровянич, – авторитетно заявила девушка, и я снова слегка улыбнулась. Если бы ей ещё и мужа подходящего, то точно от себя он такое сокровище не отпустил бы. Она замечательная. – Он ей даже пробу даёт всегда снимать. Вначале срежет острым ножом от куска, а после ей подаёт. И непременно потом тряпочку подаст, чтобы руку вытерла.

– Как ты думаешь, а что если мы на имя Коровянича пошлём письмо для твоей матери?

Надо было видеть глаза Марфуши, которые тут же засветились счастьем. Из-за того, что оказалась в нашем доме, попала на глаза дядьке, она вынуждена скитаться со мной. Я как-то подумала, что если бы этот почти родственник не наткнулся бы на девушку, то жила бы она спокойно с родителями и горя не знала. И конечно я озвучила свои рассуждения служанке, на что она резонно заметила:

– Так это хорошо, барышня, что Вы вовремя вышли! А если бы вас не было, так насильничал прямо тут. А за дверями Вы сами видели – его прислужники с широкими мордами стояли. Наши бы и если кто услышал, не смог подойти. И случилось бы это не в тот день, так в другой.

Марфуша была весьма убедительна, так что я перестала мучиться угрызениями совести. Кто знает, что бы было со мной без неё, а с ней без меня. Значит, не зря мы с ней в детстве с одного забора прыгали, на одно и то же дерево лазили.

– Значит, Марфа так и напиши, что поедем к твоим родным. Только как-нибудь намёками, чтобы мама поняла. А то, мало ли что.

– Барышня, – красавица-служанка взглянула на меня с убеждением, – нельзя писать куда поедем, нельзя. Нас найдут. Ещё чего доброго маму пытать будут.

Я почувствовала, что кровь отхлынула от лица, а рука произвольно сжала шаль на груди. Ну и глупая же я! Об этом и не подумала. Только что отец был в тюрьме, не хватало, чтобы пожилая невинная женщина туда попала из-

за нас!

– Ты права, Марфуша, но ведь твоя мама будет беспокоиться.

– Я напишу, что со мной и Вами все в порядке, а большего сказать не могу. Она поймёт, – неуверенно прошептала девушка.

– Знаешь, наверное, ты права. Но потом, много позднее нам всё-таки надо сказаться. Как поймём, что всё наладилось.

– Конечно, – закивала Марфа, – непременно напишем.

Глава 6. Новый мир

Ярослава

На другое утро мы с Марфушей выдвинулись в Белогорию вместе с каким-то обозом, что на наше счастье двигался с товаром. Родина Марфы граничила с северной частью Тарсмании, а местность, куда нам нужно – в самой северной части Белогории. К счастью, наши языки очень похожи, плюс в своё время у нас было преподавание этого урока, так что речь белогорцев была вполне понятна.

Три дня мы пробирались вместе с обозом, ночевали то при небольших гостиных, а то однажды в чистом поле. Но потом попрощались и отправились самостоятельно. Большой плюс, что было лето, август, зимой это путешествие могло бы быть гораздо труднее.

Белогорье не только равнинная страна, есть в ней и горы с заснеженными вершинами, в честь которых и названо это государство. Если посмотреть на карте, то сами горы образуют корону, внутри которой и расположилась основная часть Белогории.

На те средства, что у нас были, пришлось купить пару коней, чтобы передвигаться самостоятельно и ни от кого не зависеть, сменили свою одежду на мужскую, естественно свободного покроя и с лёгким плащом. Потому как не хватало, чтобы всякий белогорец пялился на наши задницы. Я итак

замечала, что многие с интересом смотрят нам в спину. Длительная скачка меня утомляла и была в, поэтому мы были вынуждены передвигаться понемногу и не так быстро, как хотелось бы.

Ровно две недели, как мы покинули гостеприимный дом полковника Хадерсона, и уже стало казаться, что нашему путешествию нет конца и края. Иногда ломило поясницу, подозреваю, что дело вовсе не в скачке, а в моей беременности. Пару раз я посещала докторов, платив ровно столько, сколько затребуют. К счастью, рекомендации были общими и ничего угрожающего для малыша доктора не видели. Я радовалась такому факту, несмотря на то, что видеть отца ребенка не просто не хотелось, мне уже было глубоко наплевать, что именно сейчас с ним происходит.

И вот как-то в самом конце августа мы добрались до довольно крупного города, на мой взгляд, под названием Крутояр, где остановились довольно в приличной гостинице, сняв две комнатки на двоих на ночь. Я уже много дней не спала одна, и тут, наконец, захотелось расслабиться. Нам сказали, что до того места, куда мы следуем, осталось примерно сутки, так почему бы ночь не провести именно тут и в разных комнатках? Нет, Марфа ни разу не захрапела и спала вполне мирно, только тревожно. Однако хотелось уединиться перед тем, как попадём к неизвестным мне людям. И помыться. Это в последнее время стало просто навязчивой идеей. Хорошо, что в Белогории вода в водоёмах не столь

холодна, как я считала до этого. Если снег на горных вершинах, это не значит, что внизу, у подножья, не растут цветы и не поют птицы.

Мы бросили наши походные вещи и отправились в таверну, что расположилась рядом, практически на пересечении дорог.

Как мне казалось, уже ничего не напоминало во мне леди. И одежда простого, но практичного кроя. И отсутствие шляпок, туфелек и любимых мной украшений. Исключительно широкие брюки, рубашка, легкая куртка. В гардеробе у нас было ещё по плащу, но в этот раз тащить их с собой не захотелось.

Чужие любопытствующие взгляды, весьма оценивающие, иногда слегка насмешливые, особенно при виде весьма фигуристой Марфуши, разодетой в мужскую одежду, чего только не было у нас в пути. Но обращать внимание на каждого – много чести.

– Что леди желает заказать? – обратился ко мне местный служака, едва мы уселись за стол. Ну вот, опять я чем-то выделяюсь. Где-то в глубине души было приятно, что меня узнали, но это так неосторожно...

– Картошку, кролика и капусту. И девушке тоже самое, – я кивнула на свою служанку. – И молоко, если есть.

– Есть, конечно, как не быть. А может быть чего-нибудь покрепче?

Я тут же уставилась в лицо служки немигающим взглядом.

Но нет, ни в его голосе, ни в его лице не было и тени какого-либо намёка на неприличность, а потому решила не заострять на этом внимание.

– Нет, я уже сказала, – мне не надо было повышать голос, чтобы люди поняли. Отчего-то сами собой скопировались папины интонации, когда он без лишнего крика добивался внимания от остальных. – Только молоко. И если есть печенье или калачи.

– Будет сделано, – служка тут же поклонился и скрылся в глубине таверны за вполне миленькой цветастой занавесочкой.

– Барышня, – усмехнулась Машфуша, как только этот человек ушел выполнять наш заказ, – да ваше происхождение трудно скрыть, как ни старайся. Уж если я локти на стол или руки положу, так от вас этого даже в простой одежде не дождёшься.

Я усмехнулась таким простым хитростям и тут же нарочно положила руки по локоть на стол. “Некомфортно”, это самая первая мысль, что пришла в голову. Вторая – “неприлично”.

– А ещё вы ноги ставите правильно, а ведь гляньте-ка на ту женщину. Она ведь и молодая, и в платье, а ноги расставила, будто неделю не слезала с кобылы и сейчас всё продолжает скакать, – Марфа слегка усмехнулась, не глядя на объект обсуждения. Нам с ней лишние конфликты действительно ни к чему.

Я осторожно глянула на ту, что так привлекла мою служанку и отвела глаза. Действительно не женщина, а просто царь-баба с гренадерского полка.

– И ложку вы, барышня держите осторожно, а ведь многие всей пятернёй, – продолжила Марфушка после того, как нам принесли горячую картошечку в горшочках.

– Ну, уж нет, – прошептала я своей спутнице, – пятернёй ложку я держать, точно не буду. Жалко, что вилок тут не подают, но зато готовят отменно.

– Да и ни к чему бескультурье выставлять, вам всё равно никто не поверит, а наоборот только обратите на себя внимание.

– Согласна, – только и произнесла я, позабыв обо всём на свете.

Я хотела не просто есть, мне хотелось это делать за двоих! По моим подсчетам малышу скоро три месяца, а, значит, он интенсивно растёт. И чем скорее обзаведусь своим домом, своим углом- тем лучше.

Весёлый смех раздался снаружи, и практически тут же в таверну вкатилась развесёлая компания. Трое мужчин и женщина, одетая с иголки. Я с тоской посмотрела на её легкое и дорогое платье цвета спелой сливы, на её перчатки оттенка нежной сирени.... Мне кажется, что мои вещи были более дорогими.

Когда- то.

– Что желаешь, Стелла? Заказывай, – голос принадлежал

высокому светловолосому мужчине, что стоял ко мне в полуоборота. Одет он был неброско, но добротную ткань подалеко не низкой цене, и видно это издали.

Я присмотрелась и никак не могла понять – чего же в нём не так.

– Радомир, – рассмеялась хохотушка в очередной раз, – я тебе целиком доверяю. Ты ведь знаешь мои вкусы, – голос брюнетки стал несколько игривым, и мне показалось это неприятным.

Я отвела глаза, обратив свое внимание на двух их спутников. Такие же высокие, как и первый мужчина, довольно симпатичные, с широкими спинами и прямой осанкой. И если первый мужчина усмехнулся, щелкнув пальцами, и тут же служка поспешил к нему, дабы принять заказ, то двое других оставались равнодушными, словно прибыли абсолютно сами по себе. Как охрана.... Хотя возможно так и есть.

– Барышня, – позвала меня Марфуша и я тут же перевела на неё свой взгляд, – может ещё чего заказать?

Голос служанки звучал несколько обеспокоенно, и я посмотрела на неё уже внимательнее. Она бросила взгляд в сторону только что прибывших женщину и мужчин, и опять на меня.

Один из охранников не отрываясь, с некоторым интересом смотрел на Марфу.

– Да нет, если ты не против, то пойдём, нам верно уже и воды нагрели.

Мы встали и направились к выходу. Этот самый охранник с интересом так и продолжил сверлить мою спутницу своим взглядом, но к счастью, всё-таки не последовал за нами.

Пока мы дошли до гостиницы, зашли в наши комнаты, Марфуша молчала, уставившись исключительно себе под ноги. Я её не тревожила, мне и самой было о чем подумать. Самое первое, что необходимо сделать, это купить домик, чтобы было, где жить отдельно от родни девушки. Вряд ли в той местности, откуда родом кухарка с мужем, есть гостиница с удобствами, а, значит, все равно нужен свой угол.

– Барышня, вы тоже обратили внимание на этих необычных посетителей, что прибыли в таверну? – произнесла задумчиво служанка в тот момент, когда я вошла в свою комнату, а она встала на её пороге и, оглянувшись по сторонам, прикрыла плотно дверь.

– Да, Марфуша, очень интересные люди, видные, – согласилась я.

– Я думаю это не совсем люди, – она не отрывала от меня своих большущих глаз. – Это оборотни.

– Оборотни? – прошептала я, ведь прежде с ними встречаться не приходилось. Знала, что существуют, но и только.

– Да, они. Я их видела очень давно. У нас, в Тарсмании, прямо на рынке. И мама тогда сказала, что если знать, то никогда не ошибёшься.

– Я про такое только читала, – неуверенно добавила я как раз в тот момент, когда Марфуша помогала мне раздевать-

ся, – а но чтобы вживую... Нет, по крайней мере их мне никто не представлял на приёмах, хотя допускаю, что таким образом пересекаться мы могли.

– Очень даже могли, барынька, – служанка ловко помогла мне раздеться и после того, как я встала ногами в большой таз, поливала меня из кувшина, помогая смывать дорожную пыль. – Они как люди, вы и сами сейчас всё видели.

– Так откуда ты поняла? Научи, – попросила я у девушки.

– А я вначале и не заметила их, так, – она продолжала меня намыливать привычными жестами и мне бы расслабиться, ведь движения действительно были приятными, но условия не те. Хорошо, что в этот довольно холодный день кто-то затопил к нашему приходу печку и воздух значительно согрелся. – А потом обратила внимание на кота, что крутился под ногами. Вы видели, как он бросился от того высокого красивого господина. Видели?

– Нет, – я попыталась вспомнить и действительно ничего не получалось, потому что украдкой разглядывала светловолосого статного мужчину, а не животину, что металась под столом.

– Да где уж вам, – Марфуша усмехнулась, – у вас сейчас не иначе дитя растёт, вот вы на еду в горшке и смотрели всё время, на картошку. Я как подумала о том, кто они, то и глаз украдкой с них не сводила, а уж когда кот и от двух парней, что были с господином, убежал, так и вовсе заподозрила.оборотни это, точно.

– Ну, может они собак держат, – предположила я, вытираясь куском пушистой ткани, что прилагалась к горячей воде и большому плоскому тазу, – провоняли напрочь, а потому и кот унюхал.

– Так у вас в замке и коты, и собаки, однако подобного не случилось даже в псарне, – девушка ловко натягивала на меня платье, что я всегда возила с собой. Мне, глядя на ту краляю в сливовом платье в таверне, тоже захотелось почувствовать себя женщиной, хоть сколько-нибудь. На штаны скоро будет аллергия, это точно.

– А ты почему знаешь? Или псарь понравился, Артамон?

– Шутите всё, барышня, – протянула Марфа, – он занятый уже, горничной вашей.

– Надо же, – усмехнулась я, ловко заплетая косу из сырых волос в то время, как Марфа расправляла платье на спине.

– Барышня, вам кушать надобно бы побольше. Вон уже одни кости скоро торчать будут, что и платье проткнуть недолго, – голосок служанки зазвучал очень жалобно, и я устыдилась, не обращая внимания на ворчание девушки.

Я и сама чувствовала, что похудела, и зеркало ежедневно показывало лицо осунувшейся молодой женщины, что некогда даже не знало подобных следов.

– Марфуша, я с тобой всё разговариваю, а ведь тебе самой помыться нужно. Ступай, я только на улицу выйду, свежим воздухом подышу и вернусь. Не переживай, справлюсь и сама.

– Спасибо, – тут же отозвалась служанка, – я мигом, быстро. Вы только не простудитесь, шаль вот накиньте.

– Конечно, – прошептала я и поспешила вниз, мимо хозяйина гостиницы, который что-то обсуждал с этими оборотнями, мимо красотики в сиреновом платье, доказывающей какие-то истины этому же хозяину.

Выходя из гостиницы, я бросила взгляд на шёлк, что красиво струился по бёдрам молодой женщины, засмотрелась и, как следствие, запнулась, едва не упала.

Меня подхватил тот самый высокий светловолосый мужчина, и тут же вернул в нормальное положение.

– Девушка, – произнёс он приятным низким голосом, – осторожнее. Так и упасть можно.

– Спасибо, – я почувствовала, что покраснела и посмотрела на руки незнакомца, вовсе не напоминающие звериные лапы. А затем подняла свою голову, уставившись в его необычайно красивые медового цвета глаза. Они были если только чуть- чуть удлинненными и нос несколько курнос, словно его слегка, самую малость, прижали пальцем. Но это столь несущественно и удивительным образом шло мужчине, что я никогда бы не подумала про него как про оборотня.

– Вы не местная, – тут же произнёс он с усмешкой, наклонив голову в бок и без смущения рассматривая меня, одновременно преградив выход. – Возможно аравийка, или нет. Вы из Тарсмании, судя поговору,.. но внешность. Что-то в вас...

– Зачем это? – прошептала я и отшатнулась, чувствуя, что от его подобных умозаключений душа уходит в пятки.

А если он, совсем не бедняк каким-то образом связан с Тарсманией? А если он там бывает, и где-нибудь на столбе увидит надпись ”Разыскивается Ярослав Огарёва, девица двадцати лет, волосы средней длины, каштановые, глаза зелёные. Тому, кто её опознает, срочно сообщить в полицию. Нашедшему награда...”

– Радомир, – за спиной раздался голос женщины, вероятно очень довольной собой и понимающей, насколько она хороша, – ну что ты пугаешь бедную девушку? Она явно не местная, может, думает, что мы тут все звери?

Заливистый женский смех после этой фразы заставил навесить вежливую маску, означавшую полное равнодушие, но ни в коем случае не злобу.

– Спасибо, что не дали упасть, – произнесла я таким тоном, который обычно предназначался и сапожнику, и конюху, и случайному прохожему, пусть бы он работал хоть золотарём. И подхватив слегка, двумя пальчиками платье переступила через порог, уверенно обойдя разглядывающего меня светловолосого незнакомца.

Я краем глаза успела увидеть, как он приподнял бровь на мой жест, но дальнейшее меня уже точно не интересовало. Своё мнение об оборотнях я уже составила и пока менять его не собираюсь. Недурны собой и даже красивы, богаты и ищут развлечений, вот моё впечатление об встреченных осо-

бях. Но лучше им не попадаться, по крайней мере, сейчас. В чужой стране у меня не было ни малейшего желания выслушивать их шутки или гадать, хотели ли они меня задеть или это просто такой способ общения.

Но ещё на одно меня эта встреча навела точно.

У меня с собой из документов были и бумаги об образовании, свидетельство о браке с полковником, о разводе, мои документы, устанавливающие личность- свидетельство о рождении вместе с титулом... Но не было документа, удостоверяющего мою личность конкретно сейчас, паспорта на имя Ярославы Хадерсон. Случись кому- то проверить документы и сразу придётся выкладывать весь список, а ведь в свидетельстве о рождении (выпущенного гораздо позже конкретной даты моего появления на свет) моим приёмным отцом вписан граф Алекс Белтонич. А это означает конец моей конспирации.

– Скажите, любезный, – подошла я к мужчине, который, наверное, владел этой гостиницей. Обратилась к нему как раз в тот момент, когда оборотни уже скрылись где-то в коридорах. Из моей руки серебряная монетка легла на столик перед ним и тут же скрылась, затерявшись в тетрадных листах, что лежали на столе.

– Что леди желает? – произнёс этот удивительно вежливый человек. Нет, он и изначально нам не грубил, ведь приезжие это его хлеб, ну а теперь стал ещё более обходительным.

– Скажите, а что у вас делают люди, у которых пропал документ?

– Документ? – он делано нахмурил лоб, вероятно пытаюсь понять, о чем я веду речь и к чему все это вообще.

– Да, паспорт! – я смело взглянула в глаза этого человека. – У меня есть свидетельство о браке, о рождении, а вот паспорт пропал в дороге. Должно быть, я где-то выронила его по пути, – произнесла я не столько неуверенно, сколько стараясь осторожно подбирать слова, чтобы всё выглядело как можно более натурально.

Но ведь мне действительно не выдали паспорт. Не успели.. Только не тут, в Тарсмании. А это уже мелочи, которые надо преодолеть и как можно скорее.

– Что же, решить подобное конечно можно, – вторая серебряная монетка тут же перекочевала под тетрадку владельца гостиницей, – особенно если другие документы в порядке, – он многозначительно взглянул на меня.

– Конечно в порядке, – я отозвалась с полной уверенностью, – уж в этом даже не сомневайтесь.

Спустя два часа передо мной лежал свеженький паспорт на имя Ярославы Хадерсон, со всеми полагающимися печатями местных служб. А вот золотой браслетик, усыпанный бриллиантами, который я прихватила из дома, перекочевал в один из карманов чиновников, взявших на себя ответственность за подобное решение и ускоренность процесса.

Это было безумно дорого и всего этого браслета хватило

бы и на домик и на несколько лет безбедного существования, но только спокойствие всех нас гораздо дороже.

А Марфуша, служанка, простолюдинка, ей не положено иметь такие же документы как у меня. Только справка, которая у неё и до того времени была в полном порядке. Титулы и регалии перечислялись исключительно для народа с более высоким происхождением, но для нас так даже и проще.

Ночь прошла относительно спокойно, а ранним утром мы спустились позавтракать, но на этот раз мне ужасно хотелось рисовой каши на молоке, а не горячей картошки. Мой каприз был выполнен и мы, довольные уселись за прежний столик, чтобы подкрепиться и отправиться в путь.

– Ах, – только и смогла я произнести, заведев на свободном стульчике, рядом с моим, газету! Самую настоящую, и даже свежую- ей всего срок три дня! – Марфа, как же я давно не читала книг, – произнесла я не с горечью, а с какой-то тоской и вместе с тем затаённой радостью. Во время еды читать неприято, это неприлично, но я иногда так делала, украдкой и вот сейчас тоже так хотелось это повторить...

Я оглянулась – кроме нас в семь утра завтракал какой-то старик весьма обросшего вида и больше никого. А значит, владельца этой газеты рядом нет, но если он вернётся, мы непременно отдадим.. Только почитаю, немного...

Осмелившись, я аккуратно развернула газету...

– Барышня, а вы возьмите её с собой, вдруг она никому не нужна?

– Что ты, за неё деньги кто-то платил, мало ли, вернётся.

– Может быть, – согласилась Марфа, – но кажется, никто по ней не скучает, ни разу. Иначе бы вернулись. Чай поди, с вечера оставили тут и позабыли.

– Да, вероятно, – согласилась я, быстро пролистав незнакомое издание.

Буквы, обороты речи, всё удивительно напоминали мой родной тарсманский язык за небольшими исключениями, к которым легко, на мой взгляд, привыкнуть. Мне вообще языки во время учёбы давались с определённой лёгкостью, поэтому поездка в чужую страну вовсе не пугала. А язык Белогории, так он вовсе и не незнакомый, даже в детстве мы просили кухарку разговаривать с нами ”не по-нашему” и она с радостью пела песни, рассказывала сказы на своём родном языке.

На какое-то время я впала в мир новостей о приёме у губернатора, о гостях, посетивших это неординарное событие, о закусках, что подавали там к столу, о новом благотворительном бале, что планируется через две недели о приезде цирка из соседнего городка и куча объявлений о работе, о продажах...

Всё было таким необычным и вместе с тем знакомым, что защемило в груди, тронуло сердце знакомой тоской, которая, кажется, за время пути успела немного притупиться.

Мы уже уходили, когда вчерашняя компания, состоящая из четырёх обортней, вошла в таверну. На этот раз без шума.

Впереди шел светловолосый мужчина, что не дал мне упасть вчера, позади него семенила молодая женщина, а следом, как и положено охрана.

Радомир, а именно так звали курносого красавца, с легкой полуулыбкой поприветствовал нас, и прошел мимо. Женщине это не понравилось, она брезгливо сморщила свой носик. Но лично мне до этого жеста было глубоко наплевать, потому что именно сегодня по нашим подсчетам и по разговору хозяина гостиницы мы могли бы добраться до нужной нам местности. Конец пути, не это ли повод для радости?

К вечеру мы, усталые до невозможности, но весьма довольные, подъезжали к довольно разросшейся в размерах деревеньке, что раскинулась по обеим сторонам небольшого овального озера.

– Куда путь держите? – крикнул нам паренёк из кустов малины, которая в большом количестве росла по всей дороге.

Надо сказать, что этот встретившийся паренёк был весьма интересным экземпляром. Белая рубашка, с застёгивающимся на пуговицы воротом, штаны, доходящие чуть ниже колена и босиком. Но, несмотря на такой довольно необычный для нас вид, лицо и волосы мальчика были чистыми.

– В Осинки, – с улыбкой прокричала Марфа в ответ, – далеко ли нам ещё ехать до них?

– Да недалече, барышни, – важно отозвался собеседник и полностью вылез из кустов, подошел к нам. На вид мальчику

было лет двенадцать, но взгляд этого ребёнка был совсем не наивный, а какой-то с хитрющим прищуром. – Могу проводить, ежели хотите, но за рубль.

– За рубль? – Отозвалась моя служанка, вскинув руки в возмущении, а я помалкивала и с трудом сдерживала усмешку на этом разыгрываемом двумя людьми спектакле.

Мы точно знали, что Осинки перед нами, просто вон они, две минуты, и ты уже будешь прогуливаться по деревне. Об этом нам сказала какая-то женщина, буквально десять минут назад. Но мальчик этих тонкостей не знал, а потому решил подзаработать на встретившихся незнакомках.

– Ну, за половину рубля, – усовестился парень и почесал пальцем в носу, – а ежели и этого много, то есть жалко вам для хорошего человека, значит, сами добирайтесь, как знаете.

– А ты, чей такой будешь-то? – строго произнесла Марфуша, – уж не Жиров ли?

– Жиров, – настороженно произнёс незнакомый паренёк, – а вы почему знаете. Вы к кому?

– К Лисовым, – сказала Марфушка с насмешкой и глаза парня округлились, – а что? Решил проводить бесплатно?

– Можно итак, что ж с хороших дам деньги-то драть, – он подтянул штаны и важно зашагал перед нами, – ступайте барышни за мной, а то заплутаете, ненароком.

Мы переглянулись и, не позволив себе рассмеяться, проследовали за мальчиком, ведя своих коней под уздцы.

– Марфа, – шепнула я своей спутнице, – откуда ты угадала его фамилию? Он ваш родственник?

– Нет, – тут же отозвалась девушка весело, – просто мама рассказывала раньше, что они очень предприимчивые, но не ленивые это точно. Вот я и назвала первое, что пришло на ум.

– Понятно, – произнесла я в тот момент, когда мы вошли в деревню.

Вытянутая вдоль берегов, она словно сошла со страниц какой-то детской книжки. Деревянные домики, украшенные причудливой резьбой, с расписными окнами и добротные заборчики выглядели весьма ухоженно. Копыщащиеся в траве куры, жующие коровы, овцы. Все словно сошло с книжных картинок о довольно безбедной и счастливой жизни.

– Марфуш, а твоя мама, Степанида Игнатьевна, она почему отсюда уехала? – в то, что такую красоту можно было покинуть добровольно, я как-то засомневалась.

– Отец тогда со своей семьёй не очень ладно жили, мой дед был против, что он взял в жены простую девушку, вообще почитай сироту, а отцова-то семья из зажиточных. Вот они и уехали, чтобы никто им жить не мешал. Сначала в том городке, где сегодня ночевали, а потом и вовсе решили подальше уехать, чтобы мир повидать.

– Получается, они без благословения живут?

– С благословением, только дали его гораздо позднее, да и что теперь, – она пожала плечами, и как показалось, эта

тема ей не слишком приятна.

– А как там твой дед? Если опять против нас будет? – засомневалась я. – Стоит ли туда идти? Может, домик в Кудеяре купим?

– Да нет, все уж давно примирились, только приехать у родителей всё не получалось, приросли корнями на другом месте, – Марфуша остановилась, рассматривая народ, то тут, то там выглядывающий из своих калиток, который вовсе не торопился бежать нам навстречу и только паренёк по фамилии жиров шел важно впереди нас, не оглядываясь. – А отец и брат никогда своё общение не прекращали, письма писали, пусть и редкие. Да вы и сами знаете, не ближний свет письму-то добираться. Некоторые даже и вовсе пропадали в пути.

– Не ближний, – поддакнула я и порадовалась этому событию.

Если письму не ближний свет, надеюсь и ищейкам императора тоже не с руки забираться непонятно куда в поисках беглянки.

Одно не понимала, зачем я им?

Папы нет, имущества у меня нет, не трудно узнать, что всем распоряжается дядечка, а с меня какой толк?

Или решили, что тоже знаю о делах папы? Всю семью изводить под корень, подобное делалось и в прошлые времена и в наши, так почему бы это те тот самый случай?

Может быть это происки родственника, чтобы окончательно он вошёл в права и отстранил меня от моего законно-

го имущества? Так пусть подавится им, пока мне ничего не нужно, да и не хочу я сражаться с этим человеком вместе с Гринвичами, которым вряд ли моё появление будет приятно.

Интересно, как Даниэль и его отец будут объяснять нашу несостоявшуюся свадьбу? А впрочем, лицемерие этих людей мне противно и больше о них знать не желаю.

Мы рассматривали домики, которых оказалось совсем не двадцать, а гораздо больше. Целый посёлок, раскинувшийся и по берегам озера и уходящий куда-то вдаль.

Красиво.

– Вот там живут Лисовы, видите? – парень наконец- то вынул палец из носа и ткнул им в сторону большого дома с дворовыми постройками.

– Спасибо, – отозвалась я и подтолкнула застывшую Марфу в спину. – Пойдём, смелее.

Калитка открылась без труда, открывая нам ухоженный двор. Дом с резными наличниками, напоминающие сказочные кружева. Кот, лениво свернувшийся на скамейке и приподнявший на нас один глаз...

Рассмотреть всё нам не дали.

– Вы что-то искали? – раздался густой женский голос, и мы как по команде обернулись направо. Женщина примерно тридцати лет кормила овец, бросая им траву через забор.

– Мы... – на Марфу вдруг напал ступор, оно и понятно, всю жизнь знала об этой родне, и вот впервые пришлось уви-

деться, а потому я решила ответить за свою служанку.

– Здравствуйте. Мы ищем дом Лисовых Петра и Марфы. Мы ведь верно пришли, сюда?

Пока я говорила, на крыльцо дома вышел седой скрюченный дед в полосатых штанах, заправленных в кожаные сапоги. А за ним следом показалась и невысока круглая бабуля, щурящаяся на солнце, а оттого приставляющая руку к глазам, чтобы лучше рассмотреть незнакомок, то есть нас.

– Сюда, а что вам надобно? – поинтересовалась молодая женщина, одновременно вытирая руки о свой цветастый фартук.

– А я Марфуша, вот,.. – кажется, у моей спутницы вот-вот потекут слёзы от волнения, а потому я снова вмешалась.

– Из Тарсмании мы приехали. Внучка она деда Петра и ваша племянница, – и тихо добавила, – если мы действительно сюда попали.

– Ох! – только и успела произнести женщина и тут же громко закричала, обращаясь к старикам, которые вероятно плохо слышали, – дед, бабуля, так это же ваша внучка, Марфушенька приехала! Семён, где ты?

– Олёнка, – крикнул дед молодой женщине спустя десять минут, когда мы вошли в дом все вместе, – всё что есть на печи, всё на стол мечи! Семён, баня- то протопилась ли? Дорогим гостям самое время попариться, а потом и за стол. И платья им Олёнка выдай, а то девки как мужики в подштан-

никах модничают! А Лисовы не скупердяи!

Дед шумел, отдавая указы направо и налево, но итак и без его слов было понятно, он это для порядка, а все итак знали своё дело. Мне даже кажется, что главой семьи тут уже стал Семён, но он предпочитал улыбаться и не прекословить отцу.

– Ой, Марфа, какая жара- то, – произнесла я и присела на пол в бане, – мне не выдержать такое. Да и боюсь, мало ли что.

– Да и я, барынька признаться про баню от родителей слышала, и помыться в ней очень даже хотела. А чтобы вот так, будто сам воздух вокруг раскалённый и горячущий, никогда не пробовала. А отец ещё рассказывал, что по два часа не выходил, бывало с братом, да вениками себя хлестали. Вот такое уж точно не по мне. Слабовата девка оказалась, – с улыбкой добавила Марфуша.

Мытьё было странным и не привычным, но после того, как Марфа помогла мне намылиться, я в ответ предложила и ей потереть спинку(эх, видели бы меня сейчас преподавательницы института благородных девиц, упали бы в обморок от моего непристойного для аристократки поведения).

– Что вы, барышня, да разве Вам такое положено! – замахала она руками, – итак я, бессовестная, осмелилась вместе с вами сюда зайти. Вам повелевать положено, а Вы со мной ту мыкаетесь.

– Значит так, Марфа! – мне стало немного весело, впер-

вые за всё последнее время, – повелеваю, давай сюда свою спину, помогу. – И потом, уже мягче добавила, – не до манер пока, да и ты устала с дороги, а самой всё не так удобно.

– А правда ваша барынька, самой не сподручно, – призналась моя служанка и подставила свою спину.

Раскрасневшиеся и довольные мы ели вышли и уселись прямо на лавочке около баньки. Тут же бабуля Марфы к нам с бутылкой поспешила.

– У нас после баньки первое питьё это квас, попробуйте, барынька, не побрезгуйте, – она налила кружечку темной жидкости с изюмом и подала мне, – ну, как? Вкусно?

– Вкусно, – отозвалась я, и моя улыбка второй раз за последний час расплылась.

Простые люди окружали меня сейчас, какой-то немного странный говор, но весьма напоминающий речь кухарки и её мужа, отца Марфуши.

Спустя десять минут мы сидели за столом, ужинали, и я подумала, что правильное приняли решение, приехать сюда, а не в другое место и уж тем более не остались в Тарсмании. Только что-то надо придумать, как-то сообщить об этом матери моей служанки и кухарке Якоба. В то, что своим появление вообще навлекла немилость императора, старалась не думать. От волнений в последнее время внизу живота начинало всё сжиматься, даже иногда приходилось замедлять шаг. Но я искренне надеялась, что Хадерсону ничего не грозит, мало ли почему я у него жила, может, влюбилась. Вот

и документы с соответствующей записью у генерала имеются. В последние оправдания и сама верила с трудом, надеясь как-нибудь всё-таки отправить весточку Якобу.

– Горе- то какое, – заплакала после нашего рассказа о скитаниях бабуля Марфуши, бабка Марфа, а дед хмуро на неё взглянул, но промолчал.

Мы рассказали им всё в общих чертах, не вдаваясь в ненужные подробности и историю моей беременности. Хватило того, что отца моего арестовали, Марфу пытались изнасиловать, а потому бежали. Животик начнёт расти, там признаюсь, что был муж, но с ним в разводе. И ведь не совру, всё так и было. Правда Якоб не отец ребёнка, но это лично моё дело, а семейство Лисовых это никаким боком не касается.

И так хорошо было тут, за столом с этими простыми людьми, что я подумала, а стоит ли вообще когда-нибудь возвращаться? Зачем стремиться туда, где ты не нужна абсолютно? Если каждый, кто узнает тебя там, будет отворачиваться или лезть со своими любезностями, в надежде выяснить что-то новенькое для сплетен...

За те две с небольшим недели, что мы находимся в Белогории, я немного узнала этих людей шире, чем семья нашей кухарки. И они мне понравились. Своей открытостью, беззлобностью. Я понимаю, что и тут народ встречается всякий, а гадости и дряни везде хватает, и всё же...

Ночью я лежала на кровати и думала про то, что похо-

же домик подыскивать стоит, как и осесть где-нибудь здесь. Остались пара цепочек, оставшиеся совсем небольшие деньги от продажи колечка и распорядиться всем этим нужно с умом.

Конечно, очень хотелось бы, чтобы ребёнок рос в достатке, и я постараюсь сделать всё, чтобы как-то поддержать в себе это стремление, воплотить его в реальность.

Моя дочка родилась в середине февраля, когда над деревней кружила злая выюга, и трещали морозы. Но наш с Марфушей дом (она не захотела оставаться в доме с родными, сама решила во всём помогать мне), был уютным и теплым.

– Какая красавица, – прошептала Олёнка, помогавшая местному доктору, – настоящая Хадерсон. Ведь так, леди Ярослава?

– Так Олёнка, так, – по моим щекам потекли слёзы, а я всё никак не могла налюбоваться малышкой.

Моя. Родная кровиночка, единственная на свете.

Самая лучшая и самая дорогая малышка для меня.

– А как назовёте новорожденную? – поинтересовался доктор, внимательно осматривая девочку, – надеюсь, имя уже придумали?

– Ксения, – уверенно ответила я, – так маму мою звали.

Одна беда, молока у меня не было, доктор сказал, что вероятно я пережила какой-то стресс недавно, сильно повлиявший на это. Я плакала, а доктор приказал вскипятить раз-

бавленное коровье молоко, а ещё вскипятить водички и давать дочке это первое время.

Но удивила меня Олёнка, заявившая, что не дело маленькую барыньку так кормить, когда у неё мальчишки грудь занимают. Честно говоря, её мальчишкам на момент родов было чуть меньше полтора года и они до сих пор прикладывались к материнской груди, иной раз ревниво отталкивая друг друга. Это предложение молодой, но очень отзывчивой женщины во мне вызвало новый поток слёз и остановить его смог только доктор, строго сказавший, что он думает об истеричных матерях.

Вот что значит вовремя сказанное слово.

Слёзы пропали, высохли мигом. А что не высохло, я вытерла платком, который тут же мне подала услужливая Марфа, шепнувшая, что ей казалось, будто бы она сама рожает вместе со мной, так переживала за меня...

Глава 7. Иногда прошлое возвращается

Алекс Белтонич

Морозное утро было таким же солнечным, как и вчера и позавчера.

Алекс откинул одеяло, быстро поднялся и подошёл к окну.

Сегодня пошел снег, это должно быть хорошо. Ещё вчера он загадал, что всё непременно получится и его любимые девочки найдутся, если именно сегодня с самого утра будет лететь пушистый снег.

Легкие, невесомые снежинки летели, даря ощущение воздушности и сказки...

Но мог ли он себе это позволить? Восемнадцать лет поисков жены... Да он и в браке с ней прожил всего-то два года, и понял, что другой просто не нужно. Не то, чтобы Алекс был идеалистом, вовсе нет, Ксения не являлась его идеальной мечтой юности, он просто любил её, и когда-то жена отвечала полной взаимностью.

За эти почти восемнадцать лет разлуки были мимолётные интрижки, куда без этого. Он даже не мог точно сказать, кто из любовниц нравился больше, потому что воспринимал эти чисто как потребности организма, голую физиологию. Одна-

ко признавая, что некоторые женщины довольно приятны и достойны в общении леди.

И каждый раз после того, как возвращался от женщин к себе, шел в свой кабинет, чтобы посмотреть на портрет жены, выискивая в её застывших глазах хотя бы немой укор, упрёк. Но ничего не было, ни в мимике лица, ни в движении рук.

Иногда тени, спускаемые вечером падали на холст и казалось, что происходит какое-то мимолётное движение, смещение Ксении в сторону, напоминающее реальное перемещение человека.

И от этого хотелось выть или просто выброситься из окна.

Но он никогда не доходил до такой грани, потому что точно знал, что очень нужен маленькой девочке, а потом уже и девушке, дочери Ксении и его. Единственной отраде, единственной любимой девочке из всего женского пола.

Когда-то много лет назад он с друзьями возвращался с охоты и был горд своей добычей. Друзья смеялись, предвкушая, как доедут до замка Белтонича и вино польётся рекой, скрашивая этот замечательный день, полный веселья и удачи.

Алексу на миг показалось, что в стороне, где-то между деревьями промелькнуло что-то голубое и он, дав знак охотникам следовать дальше без него, приблизится к тому месту, где ему что-то привиделось. Он пожалел, что ни одна из собак не оказалась рядом, уж они-то точно учуяли бы

постороннего и подняли лай.

Ничего, как ни странно. Мужчина повертел головой, потому что именно сегодня он не выпил и капли, да и не настолько устал, чтобы непонятное мерещилось в дневное время. Проехав пару раз туда и обратно, сделав круг около большой ели, он услышал слабый писк и шёпот... Словно кто-то прятался поблизости.

Белтонич немедленно слез с коня и кинулся в ближайšie кусты, раздвигая ветки, бьющие по лицу руками и продираясь вперёд.

Женщина со свёртком в руках, бережно прижимающая его к себе...

Молодая девушка в голубом платье, в том самом, ткань которого Алекс и заметил в стороне. Незнакомка застыла, пытаясь отвернуть от него ребёнка, а синие глаза, полные ужаса говорили сами за себя.... Она пряталась от кого-то, именно потому и шарахалась по кустам ото всех.

– Кто Вы и почему в лесу, одна? – мысль задать это вопрос была далеко не оригинальной, но хоть что, то, способное отвлечь знакомку от её страхов. – Вам помочь?

– Что? – она моргнула, будто скидывая наваждение с глаз, и во взгляде появилась растерянность.

– Вы на территории моих владений, не бойтесь, – он сделал шаг вперед и тут же пожалеет об этом, потому что знакомка отодвинулась, прижавшись спиной к осиновому стволу. – От кого-то скрываетесь?

Она молчала, переводя взгляд то на мужчину, то по сторонам, вероятно, чего-то, а точнее кого-то опасаясь.

– Ну, вот что, леди! – принял решение Алекс и сделал шаг вперед, отодвигая еловую лапу от глаз. – Вы, конечно, можете сидеть по кустам сколько угодно и, возможно, вам это даже нравится. Но я не потерплю на своей территории, чтобы матери из-за чего-то мне неизвестного убивали своих детей, да и вообще такое не приемлю!

– Я не собираюсь убивать свою дочь! – подала наконец-то свой гневный голосок девушка, а Белтонич едва не замер, пораженный....

Он знает этот голос, слышал много раз, вот только наяву встретить его уже отчаялся. Сколько раз во снах он звал его, просил о помощи, но ещё никогда не видел обладательницу этих нежных нот. И вот теперь она тут, перед ним, но не одна, а с ребёнком.

– Тогда пойдёмте со мной, тут недалеко мой замок. Вы в безопасности, клянусь!

Он протянул руки, чтобы забрать свёрток, из которого уже доносился нетерпеливый писк, но незнакомка покачала головой, резонно не доверяя ему, первому встречному мужчине.

Ехать втроём с грудным ребёнком на руках, а ещё и если девушка была в платье, а не в костюме для верховой езды – это весьма неудобно. И решено было идти всем вместе пешком. И уже спустя полчаса они прибыли в замок, где леди

были выделены отдельные комнаты и прислуга в распоряжение.

– Спасибо вам, – произнесла незнакомка, – поглядывая, как горничная пронесла ей поднос, наполненный разнообразной едой.

Выходить к гостям Белтонича девушка вежливо отказалась, но Алекс и не винил её в этом. Итак, понятно, что случившееся не повод для полупьяных расспросов мужчин, только что вернувшихся с удачной охоты. Им захочется пошутить, припомнить, как всё было, а тут пусть незнакомка и вызывала любопытство, но не настолько, чтобы находиться с ними за одним столом насильно.

Спустя сутки (как Алекс не изнывал от нетерпения, но приставать с расспросами не посмел), Ксения Огарёва рассказала, что бежала от мужа, к браку с которым её принудили родители. Пару раз она уходила к ним, но отец тут же возвращал Ксению, заявляя, что отныне она собственность мужа и во всем должна ему повиноваться.

– Вы никогда не любили мужа? – спросил тогда Алекс, а сам уже тогда твёрдо знал, какой хотел бы услышать ответ.

– Да нет, – удивленно ответила Ксения, перекладывая сонную дочку на руках, – я и замуж-то за него не хотела выходить, но так решили родители. Мы из обедневших дворян, отец спустил всё в карты, так собственно мне и пришлось выйти замуж.

– Он вас проиграл, – прохрипел Алекс, потому что в горле всё сжалось, а голос пропал от гнева.

Он конечно в курсе, что карточный долг нужно отдавать, как бы ты не проигрался, но чтобы поставить собственную дочь! И вышвыривать её всякий раз обратно, когда она просила помощи? Семейство Белтоничей тоже не сахар, но, во всяком случае, до женитьбы на Ксении Алекс был уверен, что любое его решение будет поддержано что отцом, что братом....

Но это было только до женитьбы, позднее всё изменилось.

– Да, проиграл, – она поморщилась, но продолжила, – Георг и раньше просил моей руки, но когда-то отец ему отказал. Теперь всё было по-другому, и свадьба была в скорости назначена. Георг поначалу не был груб. Точнее он пытался быть любезным, дарил подарки, и я терпела, честно стараясь привыкнуть к своим новым обязанностям, стать примерной супругой. Занималась хозяйством, принимала гостей, старалась, как могла.

Женитьбы по договору, в этом не было ничего нового, а потому Белтонич слушал, стараясь понять, отчего девушка бежала, словно загнанный зверёк.

– А потом родилась Ярослава, – улыбка, предназначенная малышке женщиной, казалось, проникала в самое сердце, обволакивая его чем-то мягким и приятным, – Георг был зол.

– Зол? Я не ослышался, леди?

– Нет, не ослышались, – она нахмурилась, но решительно продолжила. – Я расскажу Вам, только прошу вас, не выдавайте нас Георгу. Он убьёт и её, и меня. И это не преувеличение, поверьте, Алекс.

– Даже не сомневайтесь в этом, леди, – бросил Алекс, едва не кипя от гнева. Он ни за что бы не выкинул зимой на мороз собаку, не отдал бы и хромоногую кошку живодёру, а тут такое предположение. Но мысль о том, что вероятно у женщины, которую довели до этого, есть свои причины, чтобы чего-то подобного опасаться.

– Георг отчаянно хотел сына, у всех его друзей были исключительно сыновья, а я смогла родить дочь, – тонкий палец осторожно коснулся розовой щёчки малышки и молодой граф едва не лишился дара речи.

– Что? Простите.... – Белтонич отлично расслышал девушку, просто никак не мог понять причины гнева её мужа. Ни один здравомыслящий человек не может поступить подобным образом, ведь это глупо!

– Вот тогда он впервые избил меня, на второй день после родов, едва я немного отошла от всего этого.

Непроницаемая маска показного равнодушия Ксении больно резанула по сердцу молодого мужчины. Он, конечно никогда не воспитывался в розовых очках, более того, его родной братец был весьма груб в выражениях обо всём происходящем всегда и вокруг, но о подобном мужчина слышал

впервые.

Варвары более милосердны, нежели этот весьма странный аравиец Георг.

Алекс молчал, а Ксения продолжала, словно до этого не было возможности даже высказаться, даже сказать слово в защиту себя самой....

– Мои родители приехали через неделю и поначалу отец весьма шумел, увидев меня и узнав, что синяки оставил Георг... Я просилась домой, хотя бы на месяц, чтобы муж пришёл в себя и понял, что я тут совершенно не причём, что это в любом случае наша дочка. Но отец заявил, что жена во всем должна угождать мужу, а мать добавила, будто бы хорошая жена мужа не огорчит и чтобы я немедленно принималась за второго ребенка, на сей раз, тщательно планируя его пол.

– Сволочь, – вырвалось у молодого графа, и он не сразу осёкся, глянув на свою гостью. Ругаться в присутствии женщины дурной тон, но сейчас было не до этикета.

– Как вам будет угодно, я вовсе не возражаю, – согласилась новая знакомая, которая тут же продолжила свое повествование, а её руки мелко подрагивали. – Через месяц мой муж приволок в дом любовницу, прямо в нашу комнату. Несмотря на то, что я уже понимала, что, не то что ли любви, но и счастья в семейной жизни не предвидится, но мне это показалось обидным. Я всё-таки была честной женой, старалась изо всех сил, несмотря на наше совсем непра-

вильное знакомство и брак. И я как могла вежливо попросила мужа не афишировать своё пренебрежение в такой форме.

Алекс был уже совсем не мальчик, всё-таки возраст был несколько больше, чем четверть века, да и принадлежность к аристократии никогда не означало благородство и целомудренность. И сейчас он вовсе не был в шоке, не был поражен подобным происшествием, кроме самых простых вещей.

Ну как можно не любить такое сокровище, как собственная дочь?

Как можно избить женщину, подарившую тебе ребёнка? Ведь она шла на этот шаг деторождения осознанно, и в любой момент всё могло бы пойти по совершенно непредсказуемой линии. И пусть давно уже не глубокая старина, пусть вокруг роженец снуют доктора и повитухи, но летальный исход для матери и ребёнка вовсе не редкость и в современном мире.

А тут...побои!

– Я подозреваю, что вам отказали? – сколько труда стоило молодому Белтоничу, чтобы не сорваться, а сохранить бесстрастное выражение лица, да и вообще сдержаться от нецензурных слов в присутствии леди.

– Он просто притащил эту дрянь ко мне в комнату, заставив смотреть, как овладевает ей, раз за разом. И вот тогда я выплеснула в него лёгкое ягодное вино, что посоветовала

товал доктор для восстановления сил.

– Чудовище, – прошептал Алекс, ели сдерживаясь от негодования. Ему ужасно хотелось поддержать эту молодую особу, просто похлопать дружески по плечу, но он остался сидеть на месте, боясь, что Ксения всё превратно истолкует. Но трезвый рассудок и исконная привычка всё подвергать сомнению всё ещё твердили, что всё может оказаться не так, да и молодые женщины, особенно после родов довольно впечатлительны...

Так что же произошло на самом деле?

– Он, конечно, меня снова избил, – горько усмехнулась Ксения, – приложил горячую кочергу к правой руке, чтобы не смела больше поступать подобным образом в отношении его самого или каких–либо женщин.

Девушка перевернула ладонь и показала её Алексу. Характерный изгиб, весьма похожий на след от кочерги навсегда останется на руке этой молодой леди.

– Родители остались глухи, – произнёс Белтонич, которому уже ужасно хотелось выпить не вина, а чего – нибудь покрепче.

– Да, так и есть, – запросто согласилась красавица, одновременно осторожно перекладывая сонную девочку с одной руки на другую. – А после я просто перестала им что-либо рассказывать. Знаете, как-то не смогла выйти на встречу родителям, провалялась с температурой, так ко мне и не зашли, передав через Георга пожелания наискорей-

шего выздоровления. В дальнейшем при встрече я только молча слушала мать, которая восторгалась моим мужем, нарочно не обращая внимания на мои синяки на лице, на наличие любовницы в доме.... Простите, у меня просто наболело, – спохватилась Ксения, – я не должна была рассказывать незнакомцу подобное...

– У вас не было выбора, и это правильно, – властно ответил Алекс, заметив, как эти слова произвели впечатление на девушку. Она поморщилась и глянула на своё сокровище...

Идиот.

Сейчас как никогда захотелось подыскать какие – нибудь слова для поддержки синеглазой красавицы с каштановыми волосами.

– Ксения, вы можете оставаться тут сколько захотите. Всё необходимое Вам и малышке я предоставляю, – Алекс встал, намереваясь повернуться и уйти, чтобы девушка поняла серьёзность его слов и их бесповоротность обратно. Но она не двинулась и с места, а продолжила свою дурную историю.

– Погодите, пожалуйста. Вы должны знать, как мне удалось бежать, а то моли ли что..

– Разумно, – согласился Белтонич, мысленно представляя, обедневших дворянчиков, которые после побега, скорее всего опять обвинят свою дочь в произошедшем. А муж... он явно не представлял собой ничего стоящего, а потому удивляла его жестокость по отношению к юной девушке, на ко-

торой сам хотел жениться изначально.

– Спустя два месяца муж объявил, что у него есть очень важные и срочные дела, а я должна готовиться, – Ксения покраснела, но отвернувшись, снова продолжила, – чтобы по его приезду он взялся трудиться над сыном. Простите, мне ужасно неловко рассказывать подобное совершенно чуждому человеку, но вы такой.... Не знаю, только такое ощущение, будто я тут как дома. Простите меня, честное слово.

Белтонич прикрыл глаза, ощущая какую-то затаённую радость от её слов. Девушка не выглядела болтушкой, так может она тоже видела его во сне? Может не зря пришла сюда, ведомая непонятно кем?

– Его поездка должна была пройти недели две, к счастью с собой в дорогу он не взял любовницу. И вот тогда я пришла к ней и попросила помощи. Ей выгодно, если я пропаду, оставив своё место возле мужа. Коня и одежду, деньги, всё это раздобыть было немудрено, и уже спустя час после отъезда Георга я покинула свою тюрьму. Самое сложное это передвижение с грудным ребёнком, ведь спинка и само тельце не окрепли, но Господь сжалился надо мной. Проезжавшим мимо цыганам я отдала коня, за это они предоставили мне укрытие и крышу над головой. Но как раз сегодня утром я узнала, что они возвращаются в то самое место, где подобрал меня.... Мне больше нечего было делать в их кибитке, и к счастью я встретила вас, Алекс.

– Леди, – он снова встал, заложил руки за спину и, перекатываясь с носка на пятки, продолжил, – если вас не тревожит, что я человек неженатый, то прошу жить тут. Всё необходимое будет предоставлено. Но если для Вас подобное унижительно, то смею заверить, что не брошу в таком трудном положении, подыщем жильё хоть в городе. И буду помогать до тех пор, пока не встанете самостоятельно на ноги. Естественно, на Вас это не накладывает никаких обязательств и ни к чему не принуждает.

– Благодарю вас, Алекс, – ответила красавица и, не отрывая свои прекрасные голубые глаза от мужчины, произнесла. – Для репутации мне не стоило бы тут оставаться, но боюсь в другом месте я не почувствую себя в безопасности. И если до конца быть откровенной, то сегодня я впервые за несколько месяцев выпалась, не боясь и не вскакивая ночью. А как же Ваша невеста?

– А её нет, – заверил Белтонич, ещё раз оглянув свою новую знакомую.

Муж идиот, если посмел отпустить эту женщину от себя. Вдвойне идиот, раз из-за пола ребенка позволил притащить в дом любовницу и заставил несчастную жену смотреть на всё это.

К счастью, свои документы молодая леди держала при себе и, заплатив приличную сумму в императорском суде, Алекс добился развода без присутствия самого Георга (естественно, за отдельную плату). Аравийцы были не в че-

сти во все времена, а потому выигрши изначально был на стороне леди.

Спустя полгода Алекс сделал предложение молодой женщине, которая за все это время только расцвела. Пропали круги под глазами, она научилась улыбаться и смеяться, и всё чаще Алекс стал замечать, что ночь, проведенная в столице из-за занятости, наводит тоску и вызывает острое желание вернуться в собственный загородный замок, чтобы поскорее увидеть Ксению и её маленькую дочку.

Встреча с незнакомкой произошла летом, а уже зимой мужчина сделал Огарёвой предложение (она оставила прежнюю фамилию, какая разница менять ли на девичью или оставлять фамилию бывшего мужа, если и родители и супруг её предали). Она и потом, после заключения брака не стала менять фамилию, отчего-то решив дочке оставить фамилию родного отца, и чисто из солидарности с ребенком осталась с ней и сама. Жалела, переживала по этому поводу много раз, но решения своего уже не изменила. Женщина.

– Ксения? – слова в собственном доме давались с трудом, и он окинул взглядом родные стены, надеясь получить от них помощи.

Бесполезно. Даже собственный портрет в профиль и тот насмехался, грозя вот- вот отвернуться и прыснуть от смеха вслух.

– Да? – ребенок нынче не на руках и леди чудо как хороша. Светло зеленое платье, цвета молодой мяты, распу-

ценные каштановые волосы и блеск голубых глаз.. Что может быть прекраснее, если знаешь, что так было вчера и так будет завтра? Разве что ещё её согласие?

– Леди, – заминка возникла так некстати, и Белтонич сам удивился её наличию. – Вы будете моей женой? Прошу, не отвечайте сразу, подумайте.

– Алекс, – умиротворенное выражение сменилось каким-то отрешением, и это было так странно! Но девушка нашла в себе мужество и продолжила, – я была бы самой счастливой из женщин, если бы могла принять ваше предложение. Но я говорю вам нет.

– Почему? – прохрипел он неожиданно и как-то неосознанно подошёл к резному шкафчику, в котором стояло несколько бутылок лучшего вина из погребов.

Белтонич не питал иллюзий относительно своей внешности, считая её весьма заурядно. Красавчики водились исключительно при дворе, остальные же работали, не делая лишних прыжков перед зеркалом в напыленном виде. Но спустя шесть месяцев, что девушка тут проживает, ему казалось, что у него есть шанс на благоприятный ответ. Да и глаза Ксении смотрели на него не как на просто соседа, а на человека, который нравится и которому хочется нравиться...

– Вы достойны лучшего, – ответила она, но Алекс уставился на нижнюю губу девушки. Она дрожала, удерживаемая усилием силы воли хозяйки. – А я кто? Безенка с ребен-

ком, которую приютили. Вы мне никогда не рассказывали, о чем говорят вокруг, но я уверена, что моя репутация в глазах вашего общества давным-давно уже пала. Так зачем я буду ещё больше осквернять Вашу жизнь?

Белтонич сжал челюсти, мгновенно припомнив, что однажды собственный брат Питер в его отсутствие (он сделал это нарочно, сомнений нет) наговорил Ксении кучу гадостей, предложив денег за то, чтобы девушка с ним переспала. Она, оказывается, сумела показать зубки, уколов брата словами о том, что видать, без денег с ним уже никто не спит, раз он позволяет себе подобное в его, Алексе доме.

Кто знает, что бы произошло, не появившись в этот момент сам владелец загородного замка. Алекс выставил собственного брата, запретив появляться на своей территории. Родители какое-то время всё ещё пытались навязать ему невест, пытаются с кем-нибудь знакомить, но безрезультатно. Тогда семья Белтоничей разделилась, не понимая и не принимая выбор сына.

– Я не правильно начал разговор, простите, – вдруг просиял он, но как – то вымученно и продолжил, откинув волосы со лба. – Ксения, Вы, может быть, считаете, что я слишком благороден, чтобы постараться спасти Вашу репутацию или что-то там ещё? Что мне жалко Вас, а потому я хочу жениться? Признайтесь, милая леди, Вы подумали о том?

Она кивнула головой, но ничего не произнесла, стыдливо

опустив глаза. Румянец залил нежную кожу на щеках, и даже аккуратные ушки стыдливо покраснели.

Девчонка, какая же она, в сущности, девчонка, подумал тогда Белтонич, и радость вновь наполнила его сердце. Она не любит своего мужа, отца малышки Яры и это главное.

– Вы действительно считаете, что я способен взвалить на себя такой груз, не имея к человеку каких-либо чувств, кроме сострадания и уважения?

Терпение, в тот момент он призывал терпение!

Кивок и вновь потупленные глаза. Кажется, это начинало выводить из себя обычно уравновешенного Алекса.

– Возможно, когда-нибудь я тоже подумаю так, про кого-нибудь, – он сделал многозначительную паузу и с легкой усмешкой продолжил. – Но боюсь, леди Вы слишком высоко обо мне мнения. Я эгоист до мозга костей. И не желаю жениться на ком-либо только потому, что у неё большое приданное, а папочка служит в министерстве. Я не желаю жениться на ком-либо, если это настойчиво порекомендуют родители. И сделаю это не из чувства противоречия, а потому что их интересует, прежде всего, практическая сторона, а не то, насколько мне нужна будет эта женщина как человек и в постели и просто рядом. А видеть ежедневно нелюбимую жену я просто не желаю, как и иметь с ней общих детей.

Алекс не выдержал и приблизился к Ксении, приподняв её подбородок осторожно, скрюченным указательным паль-

цем, а большим провёл по мягкой и нежной нижней губе девушки.... Слотнул.

– И я не хочу отпускать Вас, потому что люблю, а не по каким-нибудь другим причинам. Вы мне верите?

Он заглянул в синие глаза, по-прежнему не отпуская лица девушки, не давая ей опустить головы, заставляя смотреть только на него.

– Верю, – произнесла Ксения дрожащим голосом. – У меня ничего нет, так что вопрос о приданом сразу отпадает. Но Алекс, – тонкая рука легла на его запястье, – у меня ведь есть дочь.

– Это не проблема, – авторитетно заявил он, осознавая, что бой с упряницей выигран, а все её страхи надуманны, – Ярославу удочерю. И это даже не обсуждается, дорогая. Вы позволите мне так вас называть?

Она, конечно же, кивнула и тут же уткнулась лицом ему в грудь, едва не разрыдавшись. А Белтонич впервые поцеловал макушку любимой женщины, вдыхая запах ромашки...

Алекс прекрасно помнил и день свадьбы и ту радость, которую он испытал, едва надел своей Ксении кольцо на палец....

Помнил и момент, когда однажды его вызвали в министерство, и в этом не было ничего необычного. Сам император посетил их заседание, продлившееся до глубокой полуночи.

Вернувшись домой, он обнаружил слуг, которые мета-

лись по замку в поисках госпожи и маленькую Ярославу, размазывающую свои слёзы кулачками по пухлым милым щекам. Девочка никак не хотела засыпать без вечерней маминной сказки, без её привычного поцелуя на ночь....

Обыскали всё в округе, вплоть до прудов, что расположены по окрестностям. Ничего, совершенно.

И начались годы поиска, долгие и упорные.

Он прочесал вдоль и поперек свои земли, земли соседей. Были опрошены десятки и сотни людей.

Ничего.

И тогда он решил обратить свой взор за границу.

Перво-наперво Белтонич отправил своих агентов к бывшему мужу своей жены, к Георгу Огарёву, но ничего необычного, ничего, что могло бы указать на происки мужчины, не нашёл. Более того, этот негодяй заново женился и пребывал в добром здравии и весьма хорошем расположении духа – двоих сыновей родила ему новая жена. Слуги, которым в трактире плескали щедро вино поговаривали, что хозяин не брезгует шлюхами из борделей, а иной раз приводит некоторых к себе домой, но настоящая жена в этом спектакле не участвует. Благоразумно уходит гулять с детьми или не выходит из своей спальни. Какая покорность! Вероятно, этот мужчина искал такую, согласную во всём или слишком умную, ведь Георг, по словам Ксении и прибывших осведомителей, весьма богат. А, как известно тише едешь, дальше будешь.

Ничего и нигде.

Но если нет её тела, значит, она жива! И нет смысла отпевать и устраивать поминки и условные похороны, складывая все вещи, любимые платья в закрытый гроб и закапывать в землю, чтобы потом приходиться именно к этому холмику, бугорку с одной единственной целью – поговорить, пострадать.

Нет, для этих самых нехитрых и душещипательных целей у него уже был немой собеседник- портрет Ксении в полный рост и небольшая миниатюра, а так же несколько рисунков, которые он сам выполнил в карандаше.

А ещё и дочь, что с каждым годом взросления становилась всё более и более похожа на мать, и только зеленые глаза, вероятно, могли принадлежать ненавистному Георгу, но Алекс не винил за это Яру. Он вообще любил её, сомневаясь, что родись у него ещё ребенок, после пропажи жены, то смог бы относиться к малышу более трепетно и нежно, нежели к Ярославке.

Отраде для сердца, самому любимому человечку из тех, кто рядом.

Все эти годы, где бы ни был Алекс, куда бы ни отправлял его император, он всюду выискивал возможность найти свою жену. Всё просто было выработано до автоматизма. Показывал рисунки, давал объявления в газету, расспрашивал ненавязчиво на приёмах, званых обедах. Никто давно уже не смеялся, да и дамы, имеющие виды на этого мужчи-

ну, перестали шутить над графом, втайне мечтая, чтобы и им встретился такой же, способный помнить их в случае пропажи всю жизнь. Пропадать никто не хотел, но мечтать это весьма позволительно, а значит, и мнение о Белтониче среди женщин было самое благоприятное и нерушимое.

Осведомители, они и через пять лет своё дело знают туго, особенно если приказ, задание исходит от любимца императора.

Если кто-то давно не виделся со своими друзьями, родственниками и при встрече весьма рад, веселье бьёт через край, то легко представить удивление и ступор графа, которому на одном приёме сказали, что леди, подобная его жене, как-то появилась в Аравийском оперном театре в сопровождении мужчины и охраны.

Алекс не поверил, списав всё на общие черты, что почти у каждого можно увидеть по сравнению с нарисованным портретом. Но всё же решился проверить, тайно выехав с цветной миниатюрой в Аравию в тот момент, когда император не приветствовал бы это. Человек сомневался, но и отрицательный ответ он тоже не давал, предпочитая выразиться пространно о неземной красоте женщины с каштановыми волосами и небесными глазами. Оpozнавшему показалось, что женщина была несколько утомлена и, несмотря на блистательность внешность, выглядела не очень счастливо. А вот кто был её спутник, этот человек

не знает.

А о каком счастье могла бы идти речь, если Алекс прекрасно знал, его Ксюша никогда бы не бросила собственную дочь. Он сам раньше иногда просыпался ночью от того, что молодая женщина плакала тихо в подушку, а на вопросы что случилось, отвечала всегда одно. Она говорила, что очень счастлива с ним, Алексом и лучшей участи она никогда бы не желала. И если бы был бы выбор, не выходить за Георга, но не встретить его, Алекса, то Ксюша предпочла бы десять лет унижений, лишь бы встреча с любимым состоялась.

А ещё они мечтали о совместном ребёнке, совершенно не планируя ему пол. Какая разница мальчик или девочка, главное чтобы малыш был здоров. А если что, смеялась голубоглазая красавица, она заранее согласна ещё и третий раз попытаться выносить ребенка. Это ли не счастье?

Но этот странный случай в Аравии дал надежду на то, что Ксения жива.

Непонятная женщина с непонятным мужчиной (а иногда и не одним) всплывала то тут, то там. И всегда это происходило с конца марта по май. Не каждый год, но всё же она появлялась. У Алекса было смутное предчувствие о том, что это как-то связано с днём рождения Ярославы, который в конце марта, но почему так?

Сложная обстановка между Тарсманией и Аравией несколько отвлекла, даже несмотря на то, что Алекс был

вынужден вести переговоры о мире на территории по сути не совсем дружественного государства.

Но тут, впервые за много лет, он, был вне себя от счастья и вместе с тем напуган. В посольство обратился мальчик, не нищий, не оборванный. Вполне обычный школяр с полным набором соответствующих вещей от формы до ранца. Он очень просил позвать ему господина дипломата Алекса Белтонича. Говорил он беспокойно, иногда оглядываясь назад, но это было вполне понятно – ведь не все были рады временному соглашению о мире между государствами, а значит, получить по шапке могло стать лучшим итогом этого визита для мальчика. От чего-то подросток сумел убедить в своей нужде охрану и уже спустя десять минут граф вышел на улицу, дав команду пропустить паренька внутрь, на территорию посольства.

– Вы меня искали, молодой человек? – произнёс граф на безупречном арабийском.

Он знал много языков и втайне радовался всем подобным успехам дочери, ведь она тоже совершенно искренне считала это наследственностью от неродного отца. От Ярославы никогда не скрывалась история появления одинокой женщины с ребенком в жизни Алекса. И всё же чтобы щадить чувства ребенка, вся грязь не выворачивалась наружу, ограничиваясь лишь общими словами о вынужденном браке с нелюбимым мужчиной. Может быть, подобное упоминание о родном отце и вызвало бы у кого-то боль, презрение к се-

бе самой из-за ненависти к родителю, но только не у Яры. Она была настолько окружена любовью матери и приёмного отца, что всё компенсировалось с лихвой.

– Вы Алекс Белтонич? – совершенно серьёзный взгляд пусть ещё не взрослого человека, но который очень старался казаться таковым.

Сколько было этому пареньку? Лет пятнадцать-семнадцать, не больше.

– Я.С кем имею честь разговаривать?

– Простите, я не могу назваться, но это и не так важно. Меня просили вам передать вот это, – он нетерпеливым жестом скинул свой ранец, что весьма напрягло охрану, и достал оттуда небольшую бумажку, сложенную в несколько раз, протянув её графу.

“Если ты всё ещё любишь меня, пожалуйста, не ищи. Я очень боюсь за тебя и дочь! Очень!”

– Кто это написал? Откуда это у вас, молодой человек? – граф был совершенно серьёзен, но только внутреннее напряжение создавало ощущение натянутой струны. Почерк был чем-то похож на тот, вовсе не забытый. Дома, в рабочем кабинете на столе стоит икатулка с записочками от любимой жены, которые бережно хранятся и иногда перечитываются. Он знает их все наизусть, даже наощупь не глядя может определить, где какая, но тут...

Что это глупый розыгрыш или мрачный итог его семнадцатилетних поисков?

– Сегодня после учёбы я зашел полакомиться знатным мороженым в небольшое кафе, ведь учитель поставил мне пятерку сразу по двум предметам. Ко мне подседа женщина, спросила, где я учусь, и что нынче изучают в школах. А затем она сказала, что я измазался мороженым, и принялась заботливо оттирать мне щёку, – при этих словах юнец покраснел, но Алекс сдержался и даже не улыбнулся. Всё было странно и вместе с тем не совсем неправдоподобно, что хотелось выслушать его до конца. – Она шепнула “Передай в посольство Тарсмании, Алексу Белтоничу, пожалуйста” и оставила салфетку лежать на столе, а сама ушла.

– Она заплатила вам деньги? – вежливо поинтересовался Белтонич, горя желанием узнать, что было дальше.

– Да, деньги лежали на столе, врозь две купюры. И я подумал, что одна моя, а вторая предназначена для оплаты десерта, который заказала леди. За мороженое с орехами.

Последнее предложение юноша добавил весьма уважительно, а у Алекса защемило в груди. Ксюша всегда любила такое, и неважно был ли это фундук или грецкий орех. Она сластёна, как и Ярослава.

– Женщина ушла, а в салфетке я увидел просьбу передать в посольство Тарсмании бумагу. Вот я и передал вам.

– Скажи, похожа ли леди из кафе на эту? – миниатюра жены, что возил он с собой, на этот раз оказалась как нельзя кстати.

– Да, почти одно и то же лицо, – произнёс юноша, посопев

над картинкой тридцать секунд. – Только на голове шляпка, какие носят леди, с сеточкой.

– Спасибо, – Алекс произвольно сунул руку в карман и вытащил довольно крупную купюру, вручил ей мальчику. – Это тебе на мороженое.

Спустя полчаса Алекс знал и место, где произошла встреча мальчика и Ксюши (он был на сто процентов уверен, что это именно она), да и само описание незнакомки очень совпадало. Смуцал только новый шрам на правой руке, который заметил юноша в тот момент, когда женица сняла перчатки, но ведь он совершенно ничего не знает о жизни жены за эти годы. Мысль о том, что очередной шрам появился совсем неслучайно на её руке, была мучительной.

И всё же нельзя было не восхититься своей женой. Умница, на всякий случай написавшая записку без указания имени адресата, словно чувствовала, что бумажка попадёт в руки мужа.

И если Ксения рассчитывала уберечь от непонятной опасности Алекса, то в результате все получилось совсем наоборот. С этого момента он точно знал, что она жива и находится тут, в Аравии. По крайней мере, еще несколько часов назад это было именно так.

Он кинулся в это кафе, но, естественно, следов Ксении не обнаружил, как и её саму. Однако обслуживающие столики люди подтвердили, что похожая дама и в самом деле по-

сецала их заведение под надзором охраны. Большого Алексу узнать не удалось, да и не все были рады мирному договору с Тарсманией, а потому находиться вдалеке от посольства одному было вовсе не безопасно.

Алекс Белтонич

Белтонич взял кочергу и осторожно перемешал угли в камине. Весёлый огонь скользнул по почти нетронутой части поленьев, лизнул их для пробы и с жаром занялся своей работой.

Стук в дверь отвлек от непростых воспоминаний, заставил повернуться лицом к двери.

– Войдите.

– Господин, Вас ожидает император Август, в своём рабочем кабинете ровно через час.

– Хорошо, – ответил граф, и ни одна тень не пробежала по его лицу.

Дверь закрылась, Алекс подвинул кресло к камину, уселся, вытянул длинные ноги и уставился на огонь. За последние месяцы он не просто устал, а безумно вымотался.

Вначале это ложное обвинение в измене, которое только чудом удалось опровергнуть. Несколько анонимных доносов, подкрепленных весьма серьёзными аргументами. И ведь он действительно выезжал в Аравию, не каждый раз спрашивая разрешение на этот шаг у императора Августа. Это было неважно для кого-то рангом и чином пониже, только не

для него, дипломата, представляющего страну всякий раз на переговорах, когда возникают серьёзные разногласия, противоречия.

Врагов у каждого много, а чем ты выше полётом, тем больше ненавидящих и жаждущих занять твоё место, особое положением. Он, Белтонич, обменял бы его в придачу со всем своим золотом и прочими сокровищами на жену, но подобное не происходит исключительно по твоему желанию. А если недоброжелатели не желают сидеть молча, а предпочитают действовать, тогда оставалось защищать то, что имел, а заодно постарался не потерять свою жизнь честным путем. Потому что идея вернуть жену в последнее время разгорелась в голове мужчины сильнее, чем в последние годы. Появилась надежда, а для любого, даже самого слепого, она много значит.

В тот летний день едва Алекс увидел карету, остановившуюся около дома, то сразу заподозрил неладное. Его, любимца императора, никто бы не посмел тронуть, если бы на то не было разрешение самого Августа.

Как быстро власть имущие, правящие миром, забывают всё ценное, что принёс в жизнь страны Белтонич! И мысль о Ярославе и Хадерсоне, возникла сама собой и давала надежду, что его любимую девочку не тронут.

Он сам выпутался, честно рассказав Августу все причины его тайных визитов в Аравию. И надо сказать импера-

тор был неумолим, но не зря ночная кукушка всё перекукует. На другое утро Август объявил, что всё обдумал, но доброе сердце императрицы повлияло очень на его решение, а потому причины необозначенных визитов дипломата и тайной переписки были приняты и признаны обоснованными.

Но тогда встал другой вопрос, зачем и кому это нужно, чтобы Алекс был выведен из строя, убран вообще с чьей-то дороги? К чести императора он практически не дал сказать и слова Белтоничу, выдвигая свои версии. Первая, это банальная ревность к дипломату, его таланту, к знатности и весьма немалым деньгам, в конце концов. Вторая, это месть похитителей жены Алекса, чтобы наверняка обезвредить его и уничтожить, отомстив за дела прошлого.

А вот третья причина императору пришла более по душе:

– Граф, вы ведь понимаете, что я не мог вас не арестовать? – четко поставленный голос, в котором нет ни капли раскаяния.

Правящим людям вообще подобные чувства чужды, ведь всё кроется именем империи.

– Прекрасно понимаю, мой император, – чуть наклонив голову, Белтонич ждал, что ещё скажет Август, заложивший руки за спину и не сводящий с бывшего заключённого своих цепких глаз.

– Третья причина, что не даёт мне более покоя, это выведение вас из строя как моего дипломата. Возможно это

месть за мирные переговоры, к этой версии я более склонен. Как считаете?

Как ни странно, но Август действительно прислушивался к другому мнению, а Алекс считал нужным его высказать, если в этом был хоть какой-нибудь толк.

– Третья причина более реальна, на мой взгляд, хотя не исключаю, что первые две, особенно вторая, тоже как-то завязаны тут. Тем более, если учесть, что Ксения действительно может находиться в Аравии. В последний раз она была там.

– Совершенно верно, мой друг, – согласился Август, – вы ведь позволите вас так называть, как прежде?

– Да, мой император, – ответил Алекс, не забывая о своём. – Но как теперь вы поступите?

– А у тебя есть идеи? – резко отозвался император и уселся на диванчик, закинув ногу на ногу. – Говори, мне интересно.

– Раз кто-то решил меня устранить, то считаю тут надо довести дело до конца.

– Ты предлагаешь тебя... – император несколько удивленно уставился на графа, провёл пальцем по горлу в характерном жесте, – казнить?

– Нет, – нисколько не смеясь, отозвался граф. Для него вообще в последнее время эта сторона вопроса совсем не предполагала наличие шуток. – Я предлагаю имитировать мою смерть.

– И сделать это достоянием общественности, – подхватил император, потирая руки в предвкушении. – Так кто-то неизвестный будет более расслаблен, и тогда мы выведем его на чистую воду.

– Примерно так, – Алексею абсолютно не понравилась идея очернения его имя, но император прав, злопыхатели должны увериться, что Белтонич больше не помеха их планам. А газеты и сплетни это важный аргумент, которому народ привык верить.

И ещё один факт сыграл тут свою роль. Если эти анонимки строчил тот, кто похитил Ксению, то он тоже ослабит за ней свое внимание или, по крайней мере, не причинит ей ещё большего вреда, чем шрам на руке. Если же-на появлялась в кафе, в театре, значит, похититель был хоть сколь-нибудь благороден в поступках. И хотелось бы верить, что не держал её на черном хлебе и воде.

Риск? Безусловно, и ещё какой. Сейчас, когда он знал, что Ксюша жива, он не был готов потерять её вновь окончательно. Но ежедневно, оставаясь в руках похитителей, она итак подвергалась опасности, а потому чем скорее развяжется этот клубок, тем раньше жена вернется домой. Он сделает всё, чтобы это произошло.

– Но есть ещё одно условие этой аферы, мой император.

– Какое? Мы что-то упустили?

– Да, моя дочь. Она должна знать, что всё это неправда и я жив.

– Я согласен и понимаю твои мотивы. Но мой друг, а если утечка информации?

– Ярославла серьёзная девушка, уверяю вас.

– Хорошо, возможно будет лучше поселить её в какое-то время на закрытой от придворных территории дворца, как впрочем, и тебя тоже. Я распоряжусь обо всём.

– Мой император, разрешите ещё обратиться? Это касается вашей жены.

– Что такое? – Август удивленно приподнял бровь.

– Позвольте передать ей благодарность за участие в моей судьбе, – Белтонич слегка склонил голову, положив правую руку на сердце.

– О! Мой друг, завтра ты сам сможешь это ей передать за обедом. Строжайшая секретность сохраняется, разумеется.

– Благодарю, Ваше Императорское Величество, я так и поступлю.

Глава 8. Начало разгадок

Алекс Белтонич

Алекс устало потер виски, которые за эти месяцы побелели больше, чем за десять лет поисков своей Ксении.

Распоряжение императора о том, чтобы оповестить Ярославу, было конечно выполнено, вот только кто-то не учел, что это надо делать вовремя. Трудно сказать, кто именно опоздал в этой цепочке – тайная канцелярия или сам император, для которого всё это сплошная политика.

Как легко отгораживаться благими высшими целями, если они не касаются конкретно тебя и твоей семьи. Император сокрушался позднее и, кажется искренне, но разве это избавило Ярославу от пережитого страха?

А ещё и идиоты, решившие оповещать на тюремной карете. Конечно же, она испугалась и чем не повод больше тут не появляться?

И нигде не появляться.

Август, похоже, не понял, что Хадерсон скрывал его дочь, решив, что Яра просто поплакалась знакомому отцу. А если и понял, то исчезновение Ярославы послужило укором работы его служб и методам тоже. А значит, полковник его императорской армии оказался куда как проворнее и умнее, чем та же тайная канцелярия. Это могло бы быть пощечиной, но Хадерсон служит только ему, императору, опять же, плюс

в величественное самосознание августейшего. Люди, на всё готовые ради правды и великой имперской идеи (к каковым и Август себя относит) нужны Тарсмании.

Час пролетел незаметно и Алекс, отвлеченный своими мыслями едва не опоздал к назначенному времени.

Идя по коридорам, в непонятно какой раз, граф уже не замечал ни идеально подобранного колера стен, ни картин, начищенных доспехов, украшавших императорский дворец. Он слишком давно тут находится, чтобы восхищаться каждый раз одним и тем же, да и происходящее вокруг вовсе не способствовало этому восторгу.

– Мой император, – полупоклон головы в знак приветствия и вот уже Алекс читает бумаги, которые ему предложил Август для ознакомления.

– Ну, и как тебе нравится? – удовольствие на лице императора трудно было бы скрыть, а он и не скрывал, не было смысла. Ведь тут, в рабочем кабинете августейшей особы находились только двое мужчин, для кого эти документы действительно имели бы значение.

– Что-то подобное мы и предполагали, – произнёс Белтонич после изучения всех бумаг.

Сейчас, в этот момент дипломат с острой хваткой в нем возобладал, и личная история на краткий момент была задвинута на второй план. Задвинута, но ни в коем случае не забыта.

Задержав свой взгляд на одной маленькой зашифрован-

ной записке с приложенным к ней переводом, выполненным аккуратным подчерком, граф помрачнел, но всё же продолжил читать. Он был уверен, что скрип зубов услышал даже император, который надо сказать не отвернулся, а продолжил молча изучать своего собеседника.

– Как ты думаешь, что я с ним сделаю?

– Мне практически всё равно, – выдохнул Алекс, уставившись на явное доказательство вины своего родного брата. – Единственно, хотел бы поговорить с ним насчёт Ярославы.

Алексу было больно как никогда. Он знал, что семья не любит его девочек и давным-давно с этим примирился. И всё же получать удар от родного человека гораздо гаже, чем от чужого.

Ранее...

Однажды он вышел, чтобы отдать распоряжение, оставив на десять минут свою Ксению и Питера.

Ничего необычного в том, что любимая жена попыталась (прекрасно зная, что её недолюбливает брат мужа и прочее семейство Белтоничей) поддержать светскую беседу. Ксюша умела делать так, что всем вокруг казалось, будто бы она сама обаяние и внимательность, и беззаботнее её просто нет на свете женщины. Но он-то знал, что это оболочка, маска, которую она нацепляла всякий раз, когда нужно было с кем-то не совсем приятным поддержать разговор.

– Как вы добрались до нас, Питер? Надеюсь, благополуч-

но? – раздался за спиной голос жены в тот момент, когда Алекс выдел из гостиной...

Он вернулся быстро, явно быстрее, чем предполагал Питер. Псарь, которому велено было подобрать брату кутёнка от лучшей гончей, сам поспешил навстречу, неся подмышками двух лопоухих щенков, поэтому узнал то, что брат явно не предназначал для его глаз и ушей.

– Сколько ты хочешь? – послышался недовольный голос Питера, и эта тональность явно не понравилась Алексу, но чтобы разобраться в ситуации наверняка, он замедлил свой шаг у дверей.

Когда-то брат позволил себе в отношении тогда ещё будущей жены Алекса хамство, приняв Ксению за гулящую девушку. После Питер извинялся очень долго, даже прислал подарок для Ярославы в знак примирения (надо сказать, его отдали в деревню беднякам), но, похоже, это всё было ложью.

Ксения никогда не хотела ссоры между братьями, но это не означало, что она рассказывала всё, в том числе и неприятные вещи. Жаловаться на родню мужа, на Белтоничей не входило в её черту характера. Она могла поставить на место нахалов, обрезать словом наглеца, но вбивать клинья между самим мужем и его родственниками, это слишком тонкая грань, чтобы позволить себе такое.

– Вы о чём?

– Сколько ты хочешь за то, чтобы отвалить от моего

брата, скрыться с его глаз раз и навсегда, прихватив с собой свою дочь?

– Нисколько и это не тема для обсуждения, – она сказала это таким голосом, что Алекс был уверен, правый уголок губ жены искривился. Так всегда бывало, стоило ей испытать хоть чуточку брезгливости. Сейчас он сам ощущал подобное желание скривиться и наговорить кучу грубостей родному брату.

– Ты думаешь, что если тебя подобрали под забором, то можешь распоряжаться всем имуществом? А?

Алекс не собирался подслушивать под дверь, делая предположения, как на нападки Питера ответит его жена. И он уже сделал гневный шаг, как звук льющейся воды заступал по паркету. Один щенок сделал лужу, зацепив при этом струёй графский наряд. И в таком виде он решительно вошёл в гостиную, разозлённый вовсе не действием одного из щенков, а наглым поведением родного брата. Перед свадьбой Питер уезжал за границу он не мог высказать все свои претензии Ксении, а потом просто не оставался с ней наедине. И, воспользовавшись моментом, вылил на неё всю свою желчь.

Странно, что ещё не захлебнулся ей, вынашивая такое долгое время.

– Дорогой старший брат, – начал Белтонич таким тоном, что по части “дорогого” легко было усомниться, – не твоё дело, чем и как будет распоряжаться моя жена. За-

хочет, продаст, а захочет, подарит, но скорее всего, оставит нашей дочери, Ярославе. Если не ошибаюсь, отец когда-то выделил нам равные доли наследства, но я преумножил, а ты...твоя воля. Как бы то ни было, тебя наше с женой имущество не касается никаким боком.

– Брат, ты слеп! – вскрикнул Питер и от волнения у него на лице проступили красные пятна. А потом ткнул пальцем в сжавшую губы Ксению, – она же самозванка, да не одна, а со своим отродьем!

– Ты забываешься, что разговариваешь в моём доме и с моей женой, – ледяным голосом произнёс Белтонич. – Так что извинись и проваливай. Живо!

Алекс, который нес кутят Питеру, естественно передумал отдавать животных и, отпустив щенков около жены, повернулся к брату, ели сдерживаясь от того, чтобы немедленно не дать ему по наглой физиономии.

– Это щенки, но если через десять секунд ты всё ещё будешь находиться тут, то обещаю, по твоему следу пуцу взрослых псов. А ты знаешь, мои псы одни из лучших в Тарсмани.

Извинений, конечно тогда так и не последовало, но граф жалел, что не спустил брата с лестницы.

А Ксюша плакала. Украдкой, в ванной комнате, сославшись на то, что делает эпиляцию и хочет побыть одна, а слёзы это всего лишь реакция на выдёргивание волосков, что так некстати растут на женских ножках.....

– Поговорить? – Август нахмурился, но согласился, – я не возражаю. Главное, чтобы он дожил до императорского суда после всего случившегося.

– Я постараюсь, – хищно ухмыльнулся Белтонич, не собираясь взывать к чувству справедливости или совести родного брата. А зачем искать то, что напрочь отсутствует у этого человека.

Когда началось это разделение и непонимание с родным братом? С тем, с кем в детстве вместе играли, вместе отправлялись на занятия, тренировки. Почему всё изменилось? Когда-то герцог-отец выделил сыновьям по довольно приличной сумме одинакового размера и по замку. Он, Алекс сумел удвоить доход, не потерять ни медяка из данных денег. По-другому дела обстояли у Питера, решившего купить земли в южных колониях Тарсмании. Пожары уничтожили плантацию, а местное население, обслуживавшее земли, просто снялось с места, и покинули края в поисках более лёгкой доли. Питер с трудом продал свои земельные наделы, которые ещё лет десять назад приносили прибыль, и вернулся в Тарсманию, обнаружив там преуспевающего родного брата.

Возможно, именно тогда и произошёл раскол? Деньги довольно часто вбивают клинья и между богатыми, и между бедной. Так чем их ситуация отлична? Злобой, что размером с него самого, Питер перенёс на любимых девочек Алекса.

Спустя полчаса в одной из камер тайной канцелярии открылась дверь. Мужчина, тучный и обрюзгший, но ещё не успевший провонять этой атмосферой, этим тяжелым воздухом был прикован к стене за ногу цепью.

В камеру вошли двое, в длинных плащах с капюшонами, скрывающими лица. Неприкрытая дверь невольно приковывала взгляд пленника, словно манила и обещала свободу, но свой взгляд он перевёл на незнакомцев, чьи фигуры были весьма внушительными.

Алекс всё думал, какими должны быть первые слова, но не найдя ничего подходящего сказал что пришло на ум. Разводить деликатные разговоры и манерничать не здесь и не с этим человеком.

– Ну что брат, как жизнь? В моём доме?

– Что? – вздрогнул пленник и прищурился, силясь увидеть вошедших.

– Слушаются ли слуги? – капюшон слетел с плеч того, кого еще недавно пленник считал покойником, – не нуждается ли в чем моя дочь? Мягко ли спать на моей кровати? А подушку? Ты пользуешься моей или привез с собой свою?

– Но ты же умер!

Алекс был уверен, что в этот момент Питер покраснел, как обычно. Много пить вредно, вполне законное утверждение, проверенное на старшем брате.

Или не брат тот больше?

Разве родной человек так поступит?

В семье не без уроды, а в семействе Белтоничей похоже уродом стал сам Алекс.

– Я бы не был так категоричен, – усмехнулся Алекс, но его реакция была с горчинкой, впрочем, в последнее время другой не бывает. – Но если хочешь, мы можем поспорить.

– Зачем ты пришел?

– Узнать, где моя жена и где моя дочь.

– Этого я не знаю, поверь, – произнес Питер и уставился себе под ноги, слегка шатаясь.

Кормят тут нормально, Белтонич сам в этом убедился, а так как не прошло ещё и суток, то братец явно не страдает от истощения и без домашних деликатесов. Алекс был уверен, что брат решился упасть на колени, но потом передумал и наклонил голову слегка набок, прислонился спиной к стене.

– А может быть бродяжка Яра пустилась в бега, а братец? Твоя жена была почти в том же возрасте, когда приبلудилась к твоему замку да ещё с непонятным приплодом? А Ксения не утерпела на одном месте, бросила дочь и...

Договорить он не успел.

Удар в челюсть от Алекса пришёлся весьма кстати, заткнув рот этому болтуна. И тут же следом удар ногой в живот. Питер скрючился, пытаясь удержаться, но только прижался к стене. Не упал.

Стыдно не было ни внутренней дипломатической сущности Белтонича, ни братской. Обе эти составляющие вообще заткнулись, выпуская наружу разъяренного мужчину.

– Я буду жаловаться, – прошепелявил Питер и сплюнул.

– Не советую, – второй посетитель снял капюшон... На лице Питера Алекс без труда прочитал удивление, недоверие, а потом и страх.

– Так что с женой графа? Советую отвечать, без лишних изысков, – речи Августа звучали совершенно не по-светски. – Иначе вы точно пожалеете, что появились на свет.

Откуда-то в камере появился стул, на который тут же присел император и вытянул ноги, словно пришел в театр, дабы посмотреть интересную премьеру.

– Начинайте, – император зевнул и лениво взмахнул рукой и тут же из-за спины появился главный дознаватель тайной канцелярии с совершенно небольшим невзрачным чемоданчиком в руках.

Мужчина был одет в кожаные штаны и большой резиновый фартук прямо на голое тело. Алекс мрачно подумал, что так, конечно удобнее – кровь, что попадает на тело во время допросов проще смывать, чем возиться с тряпками.

Дознаватель огляделся, и не найдя стола поставил свой чемоданчик на пол, расстегнул его, демонстрируя всем присутствующим свой весьма специфичный и вместе с тем обычный инструмент.

– Это всего лишь походный вариант, мой император, – извиняющимся тоном произнёс представитель тайной канцелярии, – но если захотите, рядом находится такая камера, – голос дознавателя стал мечтательным и он даже прищёлкнул

от удовольствия.

– А- а- а! Посмотрим, как дело пойдёт! – отозвался Август весьма заинтересованно и, закинув ногу на ногу, приказал, – приступайте, а то время не ждёт. Да и нам с графом интересно, куда этот господин отправил Ярославу.

Алексу было больно и очень.

А ещё тоскливо, ведь сейчас тут творятся чудовищные вещи. Он сам присутствует на допросе, начинающихся пытках родного брата, которого в детстве очень любил и уважал.

Дознаватель достал небольшие щипчики, внимательно осмотрел их, потом вынул белый платок с крупными бурыми пятнами на нём и осторожно протер края щипцов этой наглядной тряпкой.

– Кровь присохла, – виновато пояснил он, глядя на Августа, – у заключенного может быть заражение.

Мрачная насмешка опытного тюремщика. Заражение, это как раз самое меньшее из зол, чего должен сейчас бояться Питер.

– Что вы предпочитаете? Щипцы, молоток, пилу или иглы под ногти? – обратился дознаватель к заключенному, а Алекс с удивлением понял, что пусть к нему и не применяли подобных средств, но он тоже рассматривает содержимое чудо-чемоданчика, прикидывая действие чего из этого инструмента не хотелось бы больше всего испытать на себе.

Чувство сострадания шевельнулось где-то сердце Алекса, но он тут же вызвал из памяти лицо Ярославы, Ксении... вся

жалость испарилась мгновенно, подгоняемая мыслью об их неизвестной участи.

Дознаватель наконец- то определился с инструментом и, достав пару длинных гвоздей, взяв в руки молоток, приблизится к Питеру. Помощники в лице двух стражей подошли почти бесшумно, привычным жестом быстро схватив пленника за руки и размазав по стене.

Несмотря на то, что освещение в камере было далеко не идеальным, так, небольшое тюремное зарешеченное окошко плюс пара факелов, но Алекс без труда различил, как побледнел брат, как затряслись его щёки, а цепь, которой он был прикреплен к стене, стала тихонько позвякивать.

– Мой император! – голос старшего Белтонича дрожал и вполне понятно с чего. – Спрашивайте, только сами. Я не хочу разговаривать с братом. Думаю, и он тоже не горит желанием со мной общаться.

В чем- то Алекс был согласен, ведь спрашивать может и Август. Ему важнее просто проанализировать и в случае чего задать наводящий вопрос.

– Анонимка на Белтонича вами состряпана?

– Нет, – вздрогнул Питер, – я ничего о ней не знал.

– Жену Алекса вы выкрали? Где она.

– Я не знаю, где находится Ксения.

– А я и не спрашиваю вас, знаете ли вы её местонахождение сейчас! – недовольно прервал старшего Белтонича Август. – В Аравии, где же ещё, это и без вас известно. Послу-

шайте, не слишком- то вы и разговорчивы и всё время норовите улизнуть в сторону от моих вопросов. Экий вы скользкий тип, Белтонич. Наверное, когда девочку вышвыривали из дома или пытались изнасиловать её прислугу, были гораздо смелее. Ведь как? – последнюю фразу Август просто выплюнул, и наконец- то до Питера дошло, что шутить с императором весьма опасно и скрыть ничего не удастся. – Рассказывайте, что знаете. Даю ровно десять минут на вполне внятный текст, а иначе соседняя комната ждёт вас.

Алекс слушал слова родного человека, и волосы были готовы встать дыбом. Это он все эти годы относился к брату как к родному человеку, пусть и их пути из-за женитьбы на Ксюше несколько отдалились.

А Питер...

Оказывается, сколько злобы копилось в человеке. Словно гной у больного, которого привели к врачу и вскрыли этот нарыв, слова всё лились из Питера, и его уже было не оставить.

– Я много раз бывал в Аравии, не специально туда ездил, конечно, по делам. И вот однажды, совершенно случайно познакомился с Георгом Огарёвым.

Граф ни сколько не верил в эти случайности, но пока не вставлял свое слово в речи того, кто по природной ошибке являлся его собственным родным братом.

– Оказалось, от него сбежала жена и прихватила их общего ребенка, девочку, – несмотря на волнение, выдаваемое

позвякиванием цепи, Алексу показалось, что на лице брата мелькнула усмешка и тут же погасла. – После чего мужчина очень попросил, если когда-нибудь услышу про них, сообщить. Он очень переживал, что его родной ребенок может находиться у диких цыган или что ещё хуже у злобных белогорцев.

– Ты решил всё рассказать исключительно по доброте душевной, – не выдержал Алекс, сжав руки в кулаки, – посочувствовал ублюдку, избивавшему регулярно свою жену, причем после родов.

Август уже не ухмылялся, а мрачно сверлил взглядом Питера, который к этому времени вовсе перестал трястись. А старший Белтонич уже не мог остановиться, выплёскивая всю злобу глядя Алексу в глаза, не обращая внимания на стражников, что расположились рядом, готовые по любому знаку императора вновь прижать заключенного к каменной стене.

– А что? Вернуть беглянку мужу вполне благородная цель. Правда, получились издержки. Самого ребенка Георг не захотел, сказал у него и без этой девчонки есть сыновья от совершенной порядочной женщины.

Граф сделал шаг вперед, наплевав на все приличия, чтобы защитить честное имя своей жены, он в последнее время вообще не желал эти самые приличия замечать, но император дернул Алекса за рукав, тем самым напоминая, что братья не одни, а расплата предателя не минует и через час.

– Значит, леди Ксению вы отправили к бывшему мужу, так? – рявкнул император.

– Так.

– А какое отношение с аравийцами у вас сейчас.

– Никакое, – отозвался Питер, но цепь звякнула, выдавая его напряженное состояние.

Алекса интересовал вопрос, знает ли Питер где сейчас Ярослава, но то, что спросил император, было не менее важно. А про Яру Алекс решил спросить потом, ведь судя по всему брат до завтра или послезавтра явно никуда не торопится.

– Мы перехватили шифр, не кобеньтесь, дознаватель всё ещё тут и ждет от вас исключительно честного рассказа.

– В прошлом году весной ко мне постучался незнакомец и потребовал, чтобы я выкрал бумаги у Алекса. Я отказался, но тогда мне напомнили, что моё участие в похищении Ксении Огарёвой будет раскрыто. Тогда, много лет назад, я знал, что ты отсутствуешь, поэтому выбрал время, чтобы никто не помешал. Слуги по большей части вечером тоже отправляются на отдых, а потому мне, знающему подход к твоему дому, не составило труда пробраться незамеченным. На моё счастье мимо проезжал бродячий цирк и созывал на представление, что состоится на другой день, что сыграло только на руку. Ротозеи приклеились к окнам, а мне и трём людям, что прислал этот аравиец Георг, это было только на руку. Ваш городской дом велик, а разросшийся сад напрасно

увит лианами. Я подкрался со спины, кажется, твоя жена этого даже не услышала, приложил к её лицу хлороформ, а дальше дело аравийцев. Они завернули её в припасённую темную ткань и вынесли.

– Что было дальше? – Алекс еле сдерживал своё негодование, представляя как эти ублюдки прикасались к его жене!

– А дальше они погрузили её в карету и уехали.

– Куда? – тон младшего Белтонича не предвещал ничего хорошего и, кажется, Питер это очень хорошо понимал.

– Не знаю, – отозвался пленник, – мне моя жизнь дорога, а связываться с этими головорезами и бежать за каретой, словно собака, не было ни малейшего желания.

– А отдать мою жену в руки этих бандитов у тебя желание, значит, было? – произнёс еле слышно Алекс и дальнейшее никто не ожидал.

Ни стражники, ни дознаватель, ни император не успели среагировать на то, что Алекс мгновенно ударил кулаком в лицо собственного брата. Питер интуитивно зажал руками рот, из которого полилась кровь.

– Где твоя хвалёная порядочность, братец, бьёшь прикованного, – Питер сплюнул и что-то мелкое, похожее на зуб стукнуло о каменный пол камер. Затем мужчина отер рукавом губы, размазав красное пятно по щекам, и с презрением продолжил, – а ты думаешь, этим всё закончилось? Как бы не так. Тот мужчина, что постучался ко мне прошлой весной, оказался одним из аравийцев, с которым мы вместе и

выкрали твою жену.

Алекс напрягся, он просто почувствовал, что рубашка прилипла к спине, а на висках испарина. Капля пота медленно катилась по лбу, но Белтонич ловил каждое слово старшего брата, в надежде хоть что-то узнать о своей Ксении.

– Что он сказал о ней? – спросил он хриплым голосом.

– Что жива, что она теперь даже не у своего мужа, – тут Питер засмеялся, а потом этот смех перешёл в кашель и снова заключенный сплюнул кровью. – А более мне не сказали.

Укол острым шилом в ногу был неожиданным и Питер закричал. Закричал так, что сидящий и угрюмо смотрящий на всё император поморщился, но не отвернулся. А вот дознаватель был доволен, что его помощь все же понадобилась.

– Продолжай, – приказал Август, что ты ещё знаешь о ле-ди Ксении?

– А больше ничего. Этот арабиец не сказал больше мне ни слова, да и не затем он приехал.

– О каких бумагах идёт речь? – Алекс был готов размазать по стене собственного брата. За жену, за дочь и за самого себя, в конце концов, ведь именно по вине его родной крови случилось подобное. Но кроме личного нужно думать о государственном, а другого шанса может не представиться.

– Деловую переписку по Аравии. Всё, что касается переговоров, всё, что вообще у тебя есть на эту тему.

– Это уже интересно, – Август нахмурился, – неужели кто-то считает, что подобные рабочие письма хранятся в откры-

том доступе. И почему именно Белтонич?

– Я не знаю, зачем это аравийцам, ведь в любом случае им выгодно напасть на Тарсманию, ведь все нефтяные вышки на нашей территории, а там ни одной. Конкретно твой рудник с залежами серебра их, наверное, не интересует, а вот императорские возможно.

– Чтобы напасть нужен повод, – озвучил свою версию Алекс, обращаясь к Августу, – а просто так, без повода мировое сообщество осудит, а аравийский правитель не лишен некой сентиментальности. Ему хочется вынашивать обиду осознанно, а ведь вышки это звучит весьма приземлено. До этого были лишь мелкие нападения на границах, которые можно было бы сравнить с укусом большой собаки блохой.

– Согласен, – кивнул император и перевёл свой взгляд на заключенного, – продолжай. Именно поэтому ты настроил анонимку? Чтобы убрать Алекса?

– Да, – подтвердил пленник императору, а потом обратился к Белтоничу. – Мои визиты к тебе общей сложностью за год можно пересчитать по пальцам, но это было в прошлом.

– В этом году ты действительно зачастил, – подтвердил Алекс.

– Да, и мне до смерти надоело выдумывать всякие поводы, чтобы появиться в твоём столичном особняке. К сожалению твои вышколенные слуги не оставляли меня одного, когда я ждал тебя. А если отсылал одного, то на горизонте начинал маячить кто-нибудь другой. Как нарочно.

– Нарочно, – согласился Алекс, – я отдал приказ.

– Подозревал, значит? Что-то подобное я и подумал.

– Что дальше? – вставил резко император и Питер вздрогнул, переведя взгляд на Августа.

– А дальше я решил действовать наверняка, к тому же арабийцы вновь напомнили о себе, заявившись ко мне посреди ночи. Не пригрозили не убийством, нет. Они предложили напечатать в газете статью о некоем мужчине, ненавидевшем жену своего брата до такой степени, что даже продал её в рабство. Я не сдержался, возразил, что никакого рабства нет. Но арабиец рассмеялся, сказав, что это я потом буду доказывать, когда меня схватят за преступление, которое действительно совершил. А ещё в моём доме во время обыска найдут то самое зелененькое платьице, в котором пропала Ксения. На том платье, разумеется, будут застарелые пятна крови.

– И тогда ты решил в очередной раз предать меня, – добавил Алекс.

– А что? – взвился Питер, – после переговоров с арабийцами ты приехал героем, делающим вид, что всего – лишь исполнил свой долг. Конечно, ты всегда так поступал, не замечая того, что происходит вокруг, помимо твоего пупа земли Ярославы! Я написал анонимку, ну, а дальше всё просто. Тебя взяли, а Ярославу вышвырнули из дома.

– А не ты ли это сделал, – голос Алекса звучал приглушенно, он словно выплёвывал слова сквозь зубы, снова при-

ближаясь к брату.

– Бродяжка всего лишь заняла своё место, в подворотне. Я выкинул её, отобрал все деньги.

– С каких это пор обедневшие аристократы считаются бродяжками? – вставил свою реплику Август, стараясь отвлечь Алекса от очередной вспышки гнева.

Император прекрасно понимал своего друга и даже всячески поддерживал его, но заключенный был всё ещё нужен, поэтому не было смысла избивать его до смерти. И он даже смотрел на происходящее сквозь пальцы, прекрасно осознавая, что сам немало повинен в пропаже девушки. В связи со сложной обстановкой в империи, воры и прочие почувствовали, как люди стали скупать соль, мыло и прочий вечный дефицит во время военных действий. А на чужие деньги всегда находятся охотники, поэтому на плечи полиции легло дополнительное бремя. Плюс человек, контролирующий этот вопрос, получил смертельное ранение в голову....

В тот момент, когда газеты пестрели сообщениями о смерти Белтонича, Яра сама уже должна была быть рядом с отцом, но этого не случилось, а виной еще и его собственная поездка в другой город, тогда как Алекс оставался здесь, не зная, что дочь всё ещё не в безопасности...

– Я должен был наследовать твоё имущество, – с убежденностью фанатика в голосе произнёс старший Белтонич, – ничто не должно было уйти из семьи, брат.

Вечером слуга принёс приглашение от императора, разделить с ним ужин. Алекс обрадовался возможности обсудить самое необходимое, а именно его немедленному отъезду в Аравию. Несмотря на военные действия, что велись уже несколько месяцев, всегда существовала возможность проникнуть на территорию государства – агрессора под видом какого-нибудь мелкого дворянчика, потому что на обычного купца или рабочего Алекс явно не тянул – выдавали манеры. Да и возможностей у дворян гораздо больше, чем у простого работяги.

Присутствие императрицы Клариссы за столом с мужчинами было неожиданным, но не неприятным. Молодая женщина страдала мигренью довольно часто, а так как за окном бушевала метели, то и соответственно головные боли у Клариссы тоже прогрессировали.

– Ваше Императорское Величество, рад видеть вас, – произнёс Алекс и прикоснулся губами к изящной женской ручке. Интересно, какая кожа сейчас у Ксюши? По-прежнему ли она любит сама пересаживать цветы в глиняные горшки, а потом, чтобы пальчики не теряли свой бледный цвет, запускала ногти в лимон, тем самым приводя кожу и ногти в порядок.

– И я, граф, признаться давно вас не видела, правда, Август?

– Истинная правда, дорогая, – мурлыкнул император своей супруге, радуясь, что именно сегодня он не услышит от

жены про большую голову на ночь, а значит не стоит задерживаться допоздна вместе с Алексом за игрой в шахматы.

– Как вы поживаете? Как поиски вашей милой супруги?

Алекс был признателен Клариссе, никогда не видевшейся с Ксенией, но считавшей, что его жена должна быть исключительной, раз он столько лет ищет и надеется на встречу. Впрочем, картину, что висит в рабочем кабинете и изображавшую Ксению в полный рост императрица видела, когда вместе с супругом посещала его городской особняк во время прогулки.

– Благодарю, Ваше Императорское Величество, я в полном порядке. И это благодаря Вашему заступничеству, – Алекс никогда не забывал тот случай, когда Кларисса была убедительна перед супругом в сохранении его жизни.

В это время ухмылявшийся Август, не произнёс ни слова, ловко орудуя ножом и вилкой, воткнутой в бок зажаренному целиком молочному поросёнку.

– Да полно вам, граф, мы обязаны заботиться о благополучии наших подданных, – отозвалась Кларисса, весьма довольная подобным ответом Белтонича. – Может быть, вы что-то хотите? Понимаю, сидеть в четырех стенах это так утомительно. Не скромничайте, граф, скажите нам. Мы с Августом поможем во всём, что в наших силах. Правда, мой дорогой?

– Безусловно, – император вытер рот салфеткой и приложился губами к прелестной ручке жены.

– Я должен уехать. В Аравию, на поиски Ксении.

– Но ведь идёт война! – произнесла побледневшая императрица испуганным голосом, – для вас это не просто опасно. Это может быть в конечном итоге смертельно!

Кларисса картинно заломила руки и повернулась с умоляющим взглядом, направленным на своего мужа, а Белтонич отчего-то подумал, что в местных дворцовых постановка, императрице всегда удавались роли страстных и чувственных женщин. Наверное, не родись она от лордов голубых кровей, то точно могла бы блистать на подмостках какого-нибудь театра. Похоже, Август неплохо изучил свою жену, потому что тут же справился с усмешкой на губах и деланно нахмурился, уставившись на самого Алекса.

– Граф, это неразумно. Тарсмания не может раскидываться лучшими людьми. – Салфетка из рук императора картинно упала прямо на край стола.

– Мой император, – слова давались Алексу с трудом, но он чувствовал, что больше не в силах сидеть взаперти особенно сейчас, когда точно знал, с кого можно начать поиски своей жены. – Для меня это шанс найти Ксению, вы ведь слышали, к кому в руки она попала, а значит, найти её будет наверняка проще. И тот раз, когда она тайком передала записку в Аравии, так же указывает на то, что она по-прежнему там. И начну с её бывшего мужа.

– А если она сейчас замужем, если всё не так, ведь ты сам сказал, что женщина выглядело прилично, плюс посещала

кафе, значит, явно сидит не за решеткой. Подумайте, мой друг, ведь за эти годы многое могло произойти!

Игры и ненатуральности в словах Августа точно не было, он действительно переживал за своего любимца.

– Пусть так, – признал Алекс, – хоть это и безумно больно, но я понимаю, что за это время может произойти всякое и потом чисто из соображений безопасности опять же ей, возможно, пришлось выйти замуж. В смысле гражданский брак, без посещения Храма, как это было у нас, но всё это неважно. Она предупреждала меня об опасности, значит, мы с дочерью для Ксении что-то да значим. И я должен найти свою жену, хотя бы, чтобы объяснить с ней и убедиться, что у неё всё в порядке.

Всхлип императрицы нарушил словесный поток Алекса и мужчины усталились на Клариссу, прижимающую тонкий кружевной платок к глазам.

– Ах, простите меня, я ведь всего лишь женщина, – произнесла она смущённо, – расчувствовалась.

– Дорогая, – император осторожно взял свою супругу за руку и поцеловал, – Вы истинная императрица, умеющая сострадать и ценить живые чувства людей. Мне с Вами очень повезло!

– И мне с Вами, Август, – произнесла она, – но может быть Алексу тоже одиноко без своей жены?

Император нахмурился, вполне осознавая всё, что сейчас проделала императрица. И Алекс это понял и вновь отметил

про себя, что эта пара подобралась как нельзя, кстати, вполне дополняя друг друга в любых вопросах. Он наблюдал за этим семейным представлением, молча, потому что знал, что именно сейчас не стоит не во что вмешиваться, иначе Август, скорее всего, не поймёт или чего доброго приревнует к своей красавице жене. Несмотря на всю кажущуюся светскость и открытость их беседы.

– Алекс, – обратился к нему правитель, – ты не думай, что я не понимаю. Случись подобное с Клариссой, то поверь, я первый рванул бы, куда глаза глядят в поисках своей жены, но, может быть, ты это сделаешь не один? В конце концов, это не просто личная месть твоего брата, а можно сказать политический заказ, направленный и против нашей семьи.

– Согласен, – кивнул Белтонич. – Не знаю, что меня там ждёт, но двое-трое, большего позволить себе просто не могу и то роскошь. Несколько незнакомых мужчин везде будут привлекать к себе внимание.

– Ну, за документы ты не беспокойся, главное чтобы не попасться на глаза тому, кто себя хорошо знает и видел неоднократно.

– Постараюсь, – отозвался граф, а сердце стучало, оно просто рвалось туда, на территорию Аравии. Оставался только один вопрос – поиски Ярославы и именно это не давало покоя, заставляло делиться и разрываться между направлениями поисков. – Но у меня есть ещё одно дело, которое так же не требует отлагательств, это поиски дочери.

– Понимаю, мой друг, – император встал и, опираясь о спинку резного стула обеими руками, произнёс, – в этом не беспокойся. Осталось решить одну важную вещь. Стоит ли официально возвращать тебя в мир живых или пока оставим всё как есть? Какие твои мысли по этому вопросу?

Пока мужчины переговаривались, Кларисса позвонила в колокольчик и тут же со стола, словно ветром сдуло все тарелочки, столовые приборы... Каждая складочка на скатерти была мигом расправлена, а на смену одним блюдам принесли другие. Чайный сервиз и сладости, которые так любила императрица. Сладостей было не просто много, а очень много и хотелось попробовать всё и сразу, а точнее трудно было остановить свой выбор на каком-либо из мастерски приготовленных шедевров. Корзиночки с кремом, шоколадом, блинчики со сгущенкой, сметаной, орешки в сахаре и глазури, конфеты в разноцветной фольге...

– Послушайте, вы забыли про мёд! – Возмущенно высказала женщина слуге, и тот помчался на кухню, выполнять немедленно пожелание императрицы.

Все на кухне знали, что она большая сладёна и слово "большая" касалось исключительно её любви к сладостям, но никак не к фигуре. Тут-то как раз всё было как надо, по мнению Августа и, судя по тем взглядам, что он регулярно одаривал свою жену, невзирая на присутствующих.

– Простите, Ваше Императорское Величество, – подал свой голос повар, – но с мёдом вышла накладочка, ах, про-

стите!

– Что такое? – удивился император, который прервал свою беседу с графом, едва раскрасневшийся главный повар показался в дверях столовой, – у нас что, иссяк лучший мёд на пасеке у Гринвичей? Или его перекупил кто-то другой? Или Льюис отказался нам поставлять его к столу?

Алекс поморщился при упоминании этой фамилии, что не позволял себе при императорской семье. Август прекрасно знал отношение своего дипломата к этому семейству после случившегося, особенно после того, как Белтонич узнал о разрыве отношения между казавшимся таким искренним Даниэлем и Ярославой и считал подобное исключительно практичной, но вместе с тем трусливой стороной Гринвичей. Однако конкретно он, император, зачастую не смешивал личное отношение и деловое сотрудничество. Известные липовые рощи Гринвичей привлекали пчел, отчего липовый мёд с их пасек был самым лучшим, что даже не удавалось пчеловодам самого императора. И он, Август, приобретал это продукт исключительно для того, чтобы побаловать любимую супругу.

– Всё есть, мёд свежий и запасён в большом количестве, как раз до будущего лета, – повар развёл руками с недоумением, – я сам лично пробовал. Но дело в том, что он почти весь засахарился. Тот, что подавали сегодня за завтраком закончился, мы открыли другую бочку, а потом все остальные... Везде одна и та же картина, – в одних бочонках мёд

загустел так, что ножом не отрежешь, а в других пена, а главное брожение, несмотря на то, что я лично проверял всё ещё осенью!

– Как это? – не поняла Кларисса, по всей видимости, не встречавшаяся с таким явлением.

– Или хранение не соответствует правилам? – вставил своё слово Алекс, внутри которого подымалось злобное чувство справедливости, – или же кто-то разбавил сам мёд сахарным сиропом, а еще возможно кормил пчел без меры этим же?

– Каким сахарным сиропом? – возмутилась императрица, – а как же липы? А цветы? Мы сахар с водой покупать у них не желаем!

– Казначей ко мне, немедленно, – помрачнел Август, который что-то подобное слышал, но никогда не предполагал, что Гринвич осмелится ради наживы пойти на подобные махинации.

И когда побелевший казначей влетел в столовую, не церемонясь, император выдал свой приказ.

– С Гринвичей взыскать всё, что потрачено на мёд, плюс взыскать все расходы, как то хранение и транспортировка по дворцу. Плюс вычсть с него за моральный вред императрицы и её нравственные страдания. И проверить остальные поставки этого недобросовестного аристократа!

– Будет сделано, Ваше Императорское Величество, сегодня же, – казначей по знаку руки Августа удалился ещё быст-

рее, чем появился довольный, что так легко отделался.

– И кому? Мне? Императору! – возмутился Август, – и пусть неурожай, но ведь плачу не как на рынке, а золотом и ещё каким! Нет, дорогой мой друг, то, что свадьба твоей дочери не состоялась с этим дельцом большая удача.

– Я тоже так считаю, – вставил своё слово Алекс, – но могу предложить мёд со своих полей? У меня нет липовых рощ, но гречишный и цветочный возможно придётся вам ко двору? Я понимаю, что императорские пчеловоды-умельцы тоже не дремлют, но если для разнообразия? Надеюсь, мои запасы по-прежнему не пустуют. Питер хоть и жаден до чужого, но продавать направо и налево захваченное имущество не будет.

– О, спасибо, граф! Вы умеете угодить женщине, – встала своё слово повеселевшая Кларисса. – Как только вы решите свои мужские проблемы, вернёте жену, то обязательно жду от вас маленькую баночку на пробу!

– Но нет, не стоит так долго ждать, надо всего лишь написать записку моему управляющему и вам пришлют лучшие образцы, – уверил Алекс.

– Только нам необходимо решить, стоит ли объявлять вас живым! – Август снова уселся на стул и придвинул к себе чашку.

– Думаю, не стоит, мой император, – отозвался Алекс. – И пусть мне это выгодно с одной стороны – Ярослава если и таится где-то, то от этого найти её станет гораздо легче. Да

она и сама проявит себя, вернётся в свой дом. Но для Ксении это ещё неизвестно как обернётся.

– Что вы имеете в виду, граф? – Кларисса затаила дыхание.

– За мной могут начать следить тут, раз по каким-то соображениям я мешаю аравийцам. А так как меня тут не будет, то резонно предположить, что я отправился за женой или ещё где-либо.

– В любом случае навредить ей или тебе мы не собираемся, – император поймал одобрителный кивок своей супруги и продолжил, – а значит, пока твоё воскрешение оставим на потом. А Ярославу найдем, не сомневайся, отправлю еще дополнительных людей.

Спустя сутки, подготовившись, троица, состоящая из двух мужчин и одной молодой женщины, выехали по направлению к Аравии. Алекс с трудом сдерживался, но всё ограничивалось скоростью скакуна.

Глава 9. Надежда на лучшее

А в это врем в глубинке Белогории

Ярослава

– Ах, барышня, какая вы счастливая, – Марфуша не сводила глаз с маленькой Ксюши, которая в настоящее время посапывала на материнских руках.

Только что их тихую дружную компанию покинула Олёнка, которую дома ждали сыновья, а малышка, насытившись, тут же уснула.

За окном летел тихий снег, осторожно ложась на пока ещё мороженую землю. В печке весело потрескивал огонь, обещающая тепло и спокойную ночь, что вот- вот спустится на Осинки.

– Да, Марфа, счастливая, – согласилась я с грустной ноткой, но сейчас плакать мне вовсе не хотелось.

Своих родителей я навечно сохраню в своём сердце, а моё настроение очень хорошо чувствует маленькая Ксюша, а потом не спит по ночам и хнычет. А может быть причиной ещё и её животик, который перестраивается на собственное питание, а не от меня через пуповинку.

– Но, Марфуш, и ты будешь такая же счастливая, вот увидишь, – я поправила темную кудряшку дочки, спрятав её под чепчик. Цвет волос Ксюши это единственное наследство, доставшееся от Даниэля.

Олёна с сокрушением заметила, что этот чудесный цвет кудряшек малышки может измениться. А по мне так пусть меняется, чем меньше напоминаний о Даниэле, тем лучше.

Моё сердце всё ещё болело. Нет, кажется, прежней влюблённости уже не было, просто все мои ощущения нежности и безграничного доверия к этому человеку перешли в нечто болезненное, что приносит тоску при одном воспоминании. И не важно, что именно приходило мне на ум при воспоминании о Даниэле, абсолютно не важно. Каждая мысль о нём просто приносила боль, обиду и понимание – вместе нам уже не быть, даже если он приедет и попросит моей руки...

Песнь уязвленного самолюбия?

Сказка?

Возможно, уж что-то, а сказок о глупых и наивных принцессах я знала предостаточно, и не все они заканчивались на мой нынешний взгляд хорошо. Одну красавицу подводный царь утащил на дно морское, обещав все жемчуга своего царства и сокровища с затонувших кораблей, а она была счастлива, ведь променяла пастуха на такого прекрасного и благородного подводного жителя, что кинул к её ногам несметные богатства. По мне так лучше жизнь с искренне любящим тебя пастухом, чем каждый день смотреть в зеркало и видеть, как зеленеешь и обрастаешь чешуёй.

Другая ревела день и ночь, пока молодой мужчина, весьма ленивый из себя не приехал на печи и не позвал её замуж. Разве после этого было где-то сказано, что он перестал быть

лоботрясом? Девушка из царевен ради него пришла в простой дом, стала приветлива и мила, а он что? Так и пролежал на печи оставшуюся жизнь, а щука батрачила, выполняя все его прихоти?

Я верю, настанет день и спокойно смогу вспомнить о молодом Гринвиче, испытывая благодарность исключительно по двум поводам. Во-первых, у меня теперь есть любимая дочь. Во-вторых, я не вышла замуж за человека, способного предать, унижить женщину ролью содержанки, то есть вовремя раскрыла на него глаза.

– Марфуша, скажи, а тот молодой кузнец, что в прошлую среду подковал нашего коня, он ведь неспроста к нам потом приходил?

– Да я его просила скоб сделать, попрочнее, – кажется, служанка покраснела и это не имело ничего общего с жаром от печи. – Вы не переживайте, барышня Ярослава, он сказал, что кто-то из проезжих мужичков заказал, оплатил, а сам сгинул в позапрошлом году в лесах, а заказ забрать на обратном пути не сумел. Вот и лежали, можно сказать никчёмные.

– А зачем нам скобы? – поинтересовалась я, осторожно перекладывая дочку на кроватку, небольшую, плетеную, её нам принесли кто-то из дальних родственников Лисовых, совершенно бесплатно.

– На чердак лестница плохая, вот вобъём, как у деда сделано, и будем пользоваться. Всё ненужное туда убирать, до поры до времени, – произнесла Марфуша, одновременно быст-

рыми движениями пальцев заплетая тугую косу.

– А, понятно, – согласилась я, не произнеся вслух простую истину – кузнецу Яшке очень приглянулась Марфа, да и он похоже ей пришелся по нраву, а потому вставлять слова о деревянной лестнице, что тоже не плохо, не стала. Но, чувствуя ответственность за собственную прислугу, поинтересовалась, – он тебе хоть нравится?

– Кто? Яшка?

– А то кто же? – усмехнулась я, закутываясь в шаль. Пусть в комнате, где мы спали с Ксюшей, было тепло, но я всё еще постоянно зябла. Доктор сказал, что прошло слишком мало времени после родов, организм восстанавливается.

– Да так, – протянула девушка, мужчина хороший, сручный, трудолюбивый.

– Сручный, – повторила я и удержала повторное желание улыбнуться. Все эти новые слова иногда умиляли, иногда вводили в тупик. Но я старалась и, кажется, не без успеха.

– А как сама к нему относишься? Любишь или только нравится?

Мной двигало не женское праздное любопытство, просто за последние несколько месяцев всё круто переменялось, в том числе и собственное мировоззрение. Многие вещи стали видаться по-другому и относиться к ним я стала с большей осторожностью. Поэтому хотелось уберечь и Марфушу от какого-нибудь печального исхода.

– Любить не люблю, – как-то растерянно ответила она, –

но нравится, это точно.

– Замуж тебя звал? – любопытствовала я, – или чего-то ждёт?

– Звал, – отозвалась девушка и снова покраснела.

– А ты? – отозвалась я в то время, как сердечко тоскливо заныло. Расставаться с девушкой я не хотела, равно, как и вмешиваться в её личную жизнь. Мы с дочкой пойдём по одному пути, а Марфу надо будет отпустить, в конце концов, она мне не рабыня, чтобы вечно сидеть около нас и прислушивать.

– А я не знаю, – призналась подруга и отпустила косу, которая медленно стала расплетаться, нарушая всё, что только что сделали ловкие пальцы девушки. – Он хороший, работающий и пусть у Яшки двое ребятишек, с его- то работой это и вовсе не проблема всех содержать, но только как- то тоскливо.

– Почему?

– Вот барышня, простите меня, вам когда-нибудь говорили, что любят? Не батюшка ваш покойный, граф, а мужчина.

– Говорили, Марфа, а что толку? Слова красивые, но писателей заливать соловьём много, а настоящего человека, как оказалось, так и не встретила.

Мне действительно признавались в любви не один раз (на балах, передавали записки в театре), но предпочтение и всё своё внимание я отдала Дану, который оказался вовсе не идеальным.

– А мне хочется, чтобы на меня смотрели не как на девку, что можно в постели умять и вместо лошади в домашние дела впрячь. Всего я этого не хочу. Мечтаю, чтобы мой суженный смотрел на меня, как ваш господин Даниэль на вас, когда вы вместе были.

Только чтобы закончилось все по-другому.

– Ты хочешь сказать, что тоже видела, что он меня любит? – повторила я, потому что в последнее время стало казаться, что Дан ко мне чувствовал исключительно интерес денежного характера и ничего другого.

– А это все видели, все слуги. Вам все завидовали, по доброму конечно, – оправдывалась она после последних слов.

– Нечему завидовать, Марфушенька, – устало протянула я и подошла к окну. Значит, не показалось. Даниэль меня действительно любил, только какой-то странной и больной любовью, обладающей свойством исключительно собственного характера, помноженной на невероятных размеров расчетливость и эгоизм. – Ну, так что с кузнецом? – я словно стряхнула оцепенение и ухватила за другую мысль, – ты ему отказала? Или обещала подумать? Если дело в нас так ты не переживай, справлюсь да и найти прислугу сейчас зимой вовсе не проблема.

– Обещала подумать, – отозвалась девушка, – негоже такому хорошему кузнецу сразу от ворот поворот давать, он нам ещё пригодиться может, – усмехнулась девушка, и я ей улыбнулась. Она взрослая, сама решит, как и что, а если по-

надобится мой совет, то я рядом.

Но совет мой не понадобился. Как-то рано утром в августе месяце, Марфуша и Олёнка со Степаном отправились по грибы, а их малыши со мной. Мальчишки прекрасно ладили друг с другом и играли, а Ксюша с интересом наблюдала за ними. Ей уже было полгода, а мальчикам около двух лет, и вся эта шумная компания с удовольствием слушала сказки, которые я им рассказывала, порой просто выдумывала или читала. Доктор принёс несколько детских книг, сославшись на их полную ненадобность, за это я была ему очень благодарна.

Спустя три часа троица грибников вернулась с полными корзинками и семья с двумя сыновьями удалилась к себе, а мы остались. Ксюша поела и уснула, поэтому никто нам с Марфушей не мешал перебирать грибы.

– Послушай, ты заболела? – забеспокоилась я, видя, как девушка хмурится и молчит. На мою Марфу это было вовсе не похоже, а за три часа такие перемены, это даже странно. – Может, приляжешь, отдохнёшь, я сама всё сделаю.

– Да нет, барынька вы не тревожьтесь, это я про кузнеца думаю, – отозвалась служанка.

– Отказать ему решила? – догадалась я. – Что-то произошло?

– Эх! Олёнка и Степан вправо ушли после поляны, той, где в тот раз земляники бессчётно было. Помните?

– Помню, Марфуша, как не помнить, – я тогда впервые в

жизни увидела в таком количестве землянику, ведь у нас в замке все росло на грядках и не в таком количестве, как тут.

– А я влево и так потихоньку до оврага добралась. Устала, присела и сижу в тени, собираю. Да слышу, кто-то сопит в стороне. Я из-за куста-то выглянула, а там Яшка с Любкой, что у доктора в помощницах ходит.

– Что они? – переспросила я, понимая, что пауза затянулась.

– А того, подмял он её под себя и слова всякие шептал, непотребство какое-то, – засмузилась девушка.

– Переживаешь? – на всякий случай уточнила я, хотя чувствовала, что тут исключительно ревность к женщине, к самому факту, что Яшка посмел поглядеть на другую.

– Обидно, – шмыгнула Марфуша, и тут же нервно рассмеялась, – а вот теперь пусть кузнец Любку подминает и за работницу держит. Ну, нет мне пока мужика подходящего, а на первого встречного кидаться не буду. А мне и с вами, барышня очень даже неплохо.

– И мне с тобой, – я погладила девушку по плечу, – только если кого-нибудь стоящего встретишь, на нас не смотри, устраивай свою жизнь. Мы не пропадём.

– Посмотрим, – туманно отозвалась повеселевшая девушка, взяв в руки крепкую лисичку.

Скобы Марфа кузнецу вернула, выдрав их собственноручно из стены, наказав передать Любаше. Яшка не дурак, он все понял, а может быть видел девушку в тот день на опушке

леса. В любом случае отношения с местным умельцем у нас остались исключительно деловые, но не самые плохие.

Не стоит идти замуж за нелюбимого человека, если ты не видишь для себя в этом ничего хорошего.

Алекс и агенты императора Августа, спустя неделю

Зимнее утро в небольшой гостинице Аравии это нечто особенное. Нет привычной для Тарсмании суеты, нет заезжих купцов, что с самого утра спорят, какой товар лучше продать в начале, а какой позднее и по какой именно цене, с кем следует вести торг, а кого лучше обойти стороной... Тишина и спокойствие, навеянные размеренным течением самой жизни. Никто никуда не спешит, всё само собой образуется...

– Эл, сколько вы сказали до поместья по времени? – невзрачная женщина неопределённого возраста, которой можно на вид смело дать и тридцать и сорок лет пристально посмотрела на сидящего напротив мужчину. Седина, как ни странно, покрыла почти полностью его голову, но взгляд по-прежнему был цепким и внимательным. А по другому и быть не могло, ведь мужчине всего- то чуть меньше пятидесяти, наверное.

Седовласый мужчина вздрогнул, услышав уже ставшее привычным чужое имя, отодвинул тарелку и уставился на пару, что сидела напротив. Это два обещанные агента Августа, проверенные и надёжные сотрудники, практически невзрач-

ные на вид, но весьма умелые по навыкам, лучшие.

– Час, полтора, Мэг, – отозвался Алекс- Эл и подернул плечом, словно отталкивая с себя оцепенение. Он был собран всю дорогу, но вот теперь, когда осталось всего ничего, когда большая часть пути пройдена (но, скорее всего самая лёгкая), раздумье и переживания навалились, словно их просили.

Оно должно было накрыть, это неизбежно, но Алекс точно знал если придётся обратно убежать, толкая перед собой инвалидную коляску то и тогда он не оставит жену никогда. Гораздо важнее его мучил вопрос, а нужен ли он сам ей?

А хочет ли она видеть его, Алекса Белтонича, по-прежнему своим мужем?

А любит ли она его, ведь прошло столько лет и многое могло перемениться...

Их план был прост и вместе с тем сложен. Любыми способами выудить у Георга сведения о бывшей жене, о её местонахождении. Как запасной вариант – наняться в прислугу к Георгу и, по возможности, выведать что-то о бывшей жене у всех, кто пожелает поболтать.

– Вилли, проверь, готовы ли наши кони, – Алекс- Эл отдал распоряжение и отодвинул от себя кружку темного пива. Станный напиток, но очень вкусный, непременно бьющий по ногам, даря им расслабленность и вместе с тем устойчивое желание прогуляться до ближайшей уборной.

– Эл, там снег, сырой и сильный ветер, – доложил Вилли,

такой же невзрачный и неприметный мужчина примерно сорока лет на вид. Агенты не должны были выделяться, поэтому эта, практически семейная парочка, подходила для данного задания идеально.

– Остаёмся, – принял нелёгкое решение Алекс, а сердце словно сковало обручем.

Он очень хотел увидеть ЕЁ...

И чем ближе к цели, тем сердце стучало чаще и громче, а в голове вертелись только два имени – Ксения и Ярослава.

Но незнакомые путники, словно к спасительному огню в темноте, один за другим входили в полумрачное помещение большого зала, где народ мог и поесть, и поговорить, а заодно раскурить по трубочке. Непогода была некстати, но позволяла тайным визитёрам собрать кое-какие сведения о Георге Огарёве, и это понимал каждый из вновь прибывших всадников из Тарсмании.

– Послушай, любезный, – обратилась Мэг к молодому ловкому официанту, что быстро сновал между деревянных столов, постепенно заполняющихся желающими согреться и подкрепиться посетителями. – А нет ли у вас поблизости, какого поместья, чтобы наняться туда?

– Вы изволите прислугой? – отозвался шустрый “любезный” и тут же оценивающе скользнул взглядом по одежде, по лицу Мэг.

– А не знаю, чем предложат, лишь бы платили, – рассмеялась девушка и словно пристыженная взглядом своего стро-

того седовласого спутника замолчала. – Швея я. Могу, что хочешь смастерить. И платье, и камзол, а еще портки подшить, за деньги, конечно, – она многозначительно приподняла правую бровь и вновь беззаботно захохотала.

– Про швею не знаю, может быть у супруги лорда Георга такая и имеется в услужении, – многозначительно заметил официант, – а вот на кухню работники требуются, точно. К нам обращался их повар, рассказывал, что помощница сбежала с заезжим музыкантом, а от прочих толка нет. Так что, кареглазая, можешь попытаться счастья.

– Спасибо, – отозвалась Мэг и медная монетка почти идеально по прямой покатила по столу в сторону словоохотливого официанта, который тут же прикрыл её рукой.

– Если что, меня Теодором зовут, – благодарно улыбнувшись, добавил шепотом любезный служака.

– Как? – с деланным непониманием прищурилась Мэг, – как вас зовут?

– Теодором, – повторил официант и оглянулся, по всей видимости, высматривая хозяина, – я тут всегда, если что крикните, выйду.

– Спасибо, – совершенно серьезно отозвалась Мэг, которая сумела без каких-либо видимых женских ухищрений в виде косметики или пёстрых тряпок обратить на себя внимание такого информированного человека, как официант.

– Фёдор! – тут же раздался громкий мужской голос со стороны кухни, – жаркое готово, кто из посетителей заказывал?

Забирай!

Официант внимательно посмотрел на Мэг, но не найдя в её лице насмешки из-за того, что он несколько подкорректировал своё имя, торопливо, но важно поспешил на кухню. Странное имя, незнакомое, но женщина даже и бровью не повела на это.

Пару минут между спутниками не было произнесено ни слова, всё было настолько размеренным, что, казалось, каждый из них ушел в себя. Но это было не так, и как только они убедились, что не привлекают к себе внимание, начали беседу.

– Что будем делать, Эл? Хочешь, сразу наймусь в швеи, – предложила женщина, и в её глазах вовсе не было веселья, которое она демонстрировала Теодору.

– Ты серьезно этим владеешь? – поинтересовался Алекс-Эл, вышедший из своего задумчивого состояния.

– Ага, немного, – отозвался Вилли за свою спутницу, – но раны Мэгги штопает куда как ровнее.

Улыбка знающей себе цену женщины была ему в ответ. Даже само намерение придать выражение своему лицу то злость, то наивную простоту, то оболъщение – всё сразу менялось и перестраивалось в этой агентке, соответствовало выбранному образу. Она была дурнушкой, но через пять минут сияла красотой. Мастер перевоплощения, если сказать парой слов.

Алексу вообще казалось, что со спутниками ему очень по-

везло. Не задающие лишних вопросов, но естественно поставленные в известность на тему сути самого задания, они идеально вписались в его собственные запросы, его понятия о спутниках в таком деле.

Женщина, умеющая перевоплощаться и отлично владеющая оружием, мужчина, понимающий суть разговора с полуслова. Никакой лишней болтовни, всё исключительно по делу. Вот и сейчас для Мэгги это было чистой игрой, расположить к себе хитроватого работника трактира довольно недурной репутации.

Мужчина вместе с ними, который выглядел как простой конюх, как сапожник. И только при самом внимательном рассмотрении можно было заметить, что слишком цепкий взгляд у него, а ещё часто молчит там, где кто-то ведёт откровенную, порой нетрезвую беседу.

– Да чтобы эту погоду! – раздался громкий крик прямо из дверей, произнесенный только что зашедшим мужчиной, сопровождаемым слугой, – теперь и до дома не доберешься засветло.

– Что желает господин Георг? – хозяин трактира вынырнул словно неоткуда, словно только и ждал этого момента, когда к нему явится рассерженный природой незнакомец.

– Вина неси, да покрепче! – гаркнул Георг и, скинув свой заснеженный полушубок слуге, уселся на лавку, практически рядом с Алексом.

Интуиция не только подсказывала, она просто вопила, что

рядом с Белтоничем расположился тот самый первый муж Ксюши, но это был только домыслы. Всё остальное надо было выяснить и лучшего повода, чтобы познакомиться с врагом за столом, на его территории, не придумать.

– Будет сделано, лорд, – хозяин трактира был раз услужить такому посетителю и со скоростью, не менее чем у Фёдора, поспешил на кухню за приличной порцией крепленого вина.

Алекс, не поворачиваясь к мужчине, рассматривал, пытается увидеть что-то, что даст ему хоть какую-то уверенность, что это и есть их объект поисков на данный этап.

– А вы новичок в наших краях? – Обратился незнакомец к Белтоничу, прищутив правый глаз, а Алексу ужасно захотелось приложить в этот самый глаз кулаком. А ещё лучше лицом о гладкий отполированный временем и рукавами едков стол.

– Совершенно верно, – небольшая пауза, что должна обозначать только необычно острый ум собеседника. Алекс привык к этим играм, взглядам, недосказанным словам, что уже сейчас оно всё выходило совершенно автоматически.

Мэг и Вилли предусмотрительно покинули их, оставив одних, но Белтонич точно знал, это не от невнимания, а исключительно от того, что с одним случайным знакомым гораздо проще поговорить, чем, если бы этих людей было несколько.

– А это ваши слуги? – мужчина бесцеремонно ткнул пальцем в сторону удаляющейся пары, провожая взглядом Мэг, а точнее именно ту часть женщины, что находилась ниже спи-

ны.

– Он – да, а она просто его жена, – отозвался Алекс и многозначительно подмигну новому знакомому.

– Красивая, зараза, – уважительно произнёс Георг и, приняв полный кувшин вина от расторопного трактирщика, показал знаком руки, чтобы тот не мешал его беседе.

– Как вас зовут?

– Эл Грэй, – отозвался Алекс Белтонич, – а вас?

– Георг Огарёв, – отозвался мужчина, самодовольно добавив, – владелец этих земель. Чем занимаетесь?

– Сейчас или по жизни? – сердце у Алекса было готово пуститься вскачь, но он заставил себя успокоиться и настроиться на вполне рабочее состояние.

Это ведь привычно – идти по лезвию ножа, балансировать на краю пропасти, в которую в любой момент можешь улечь не только ты сам, но и твой император, твоя страна, в конце концов. Но теперь всё было гораздо сложнее, ведь на карту поставлена жизнь любимой, а значит, ошибок точно допускать нельзя, всё должно быть выверено просто идеально.

– Хм, а ты не так и прост, Эл Грей, – уважительно заметил Огарёв, – но я и сам из таких.

– Так может, выпьем за знакомство? – предложил Алекс и, не дожидаясь решения Георга, сделал пару глотков из своей кружки с темной пенной жидкостью.

– Отчего бы и нет, – отозвался новый знакомый, – похо-

же, буран надолго, а в мои планы никак не входило сегодня ночевать вне дома. Проклятой зиме никак не придет конец, а пора бы!

– Вы далеко живёте? – как бы невзначай спросил Белтонич и ножом подцепил кусок мяса из глубокой тарелки, что стояла перед ним.

– Да, рядом, – огромный кусок свинины скрылся во рту Георга, но всё это было проделано таким достоинством, что Алекс заранее решил не недооценивать противника. – Только если ближайших пару часов всё не утихнет, так и придется тут заночевать. Ты на каком этаже комнату взял?

– На втором, – отозвался Алекс и сделал вид, что припал к кружке с густым пивом.

– Это правильно, – заметил Георг, – там комнаты лучше – пол теплее.

– Потому и взял, – осклабился Алекс, в котором сейчас трудно было узнать прежнего дипломата Белтонича. Еще неделю назад до путешествия мужчина выглядел иначе. Выкрашенные в черный цвет волосы, отросшие тоненькие усы и недельная щетина, сдобренная стойким табачным запахом, однозначно говорящая о том, что владелец этих особенностей исключительно курящий человек. “Валет”, так назвал себя дипломат, увидев сегодня утром в зеркале. Отчего такое сравнение с картами, он и сам не знал. Но твердо был уверен, что, несмотря на внешнюю суровость, какая-то утонченность в этом образе просматривалась.

Встреча с Огарёвым могла принести неприятности, при условии, что тот узнает второго мужа своей бывшей жены. Вот только этот современный маскарад, плюс годы (если допустить, что Георг сам приезжал тогда за Ксенией) делали своё дело отлично.

– Куда путь держишь? – не унимался новый знакомый, с которым уши надо было держать остро, уж это Алекс понял сразу.

– К одному другу, ... навестить, – покривил с ответом Белтонич, впрочем, на его лице это ровным счетом никак не отразилось, только расплылась сальная улыбочка, что никак не вязалась с гордым званием дипломата Тарсмании.

– Понимаю, – ухмыльнулся Георг и тут же провозгласил следующий тост, – за баб!

– За них! – вторил Алекс, прикладывая глиняную кружку к губам.

– Ты только запомни, – произнёс слегка захмелевший Огарёв, хватая графа за рукав, – бабу её как гниду – если что, то сразу к ногтю, иначе хлопот не оберешься. Уж поверь, я то с такими управляться умею, пустой совет не дам. А не слушается, так плетью! Кобыла она и есть кобыла.

Спустя полчаса взвинченный Георг отправился к хозяину трактира, чтобы понять, почему на дне кувшина оказалась чья-то костяная пуговица, как такое вообще могло быть. Или посуда тут плохо моется или до него, до самого лорда это вино уже кому-то приносили, а потом просто подлили

ещё раз до целого.

Алекс заказал еще пива, не решаясь уйти. Слишком тоскливо сейчас находиться в комнате одному, зная, предполагая, что находится где-то невдалеке от любимой. И пусть в прошлый раз записка была передана в столице, а Георг проживал совсем в другом месте, но искать надо начинать от него, а значит, спокойствие и безмятежный сон не скоро придут к напряженному мужчине. А ещё дочь, которую так и не нашли на момент их отбытия в Аравию. У Августа опытные сыщики, но если Яру напугать, вывести из равновесия, (что и произошло), то она способна на невозможное. Так было всегда. Однажды кто-то из молодых людей на одном званом вечере некорректно высказался о способностях женщин опередить в скачках мужчину. Напрасно он это сделал, потому что Ярослава обставила его ровно на два шага, что выглядело как пощёчина мужскому роду. Правда молодой мужчина выкрутился, сказав, что победа такой леди над ним приравнивается к награде. От воспоминаний о том случае Белтонич испытал гордость за свою девочку. Он всегда знал, она лучшая и в этом ни разу не усомнился. И стреляет она метко, только убивать животных без нужды не хочет, но это её право, мишеней в замке и без того достаточно.

– Вы не меня ждёте? – раздался грубый хриплый голос, принадлежащий довольно необычному мужчине и Белтонич удивленно раскрыл глаза.

Он, этот незнакомец был словно гора, словно огромный

дом, что внезапно встречается на вашем пути. Сильные накаченные руки, квадратная голова с весьма мощным подбородком предупреждали, что с этим типом спорить или возражать как-то даже не стоит- себе дороже выйдет. И всё же что-то в нём было не то помимо этих физиологических особенностей. Какое-то внутреннее чутьё, просто вопило отодвинуться от этого человека подальше, но Алекс заставил себя не дергаться, пока не поймёт, в чем тут дело.

– Нет, но если вы хотите, присаживайтесь, – кивком головы граф указал незнакомцу на место напротив себя.

– Спасибо, – вежливо произнёс мужчина и присел, сделал заказ.

Алекс перестал обращать внимание на столь интересный экземпляр, если бы не одно НО. Как бы невзначай под столом к ноге Белтонича прикоснулась чужая нога, пару раз нечаянно прижавшись.

Нечаянно ли?

Можно было дать в морду или опрокинуть на извращенца хоть скамью, хоть стол, но граф предпочел просто убрать свою конечность, оставаясь, тем не менее, на месте. Он не девочка синеокая, чтобы ёрзать от подобных поползновений, да и привлекать к себе внимание сейчас вовсе не хотелось.

– Пустой номер, – заметил Алекс приглушенным голосом и уставился на странного незнакомца, – не интересуюсь. А если ещё раз повторишь, забудешь, зачем появился на свет.

Незнакомец отодвинулся, и все дальнейшее время просто

сидел над своей похлёбкой, делая вид, что весьма занят, а весь окружающий мир его не интересуется. Он вспомнил, как его избили ровно два месяца назад за подобное, а потому предпочел не затевать ссору.

– Где-то тут остановился наш предмет, – произнёс Алекс, едва зашел в комнату, где должны были бы дожидаться, а потом и ночевать его спутники.

– Удачно вышло, – отозвалась заинтересованно Мэг, – может тут, совсем рядом? – Она внимательно посмотрела на своих спутников, – я найду, чем его заинтересовать, а там посмотрим. Он трезв?

– Нет, но его нормы мы точно не знаем, так что возможно уже нет, – усмехнулся Алекс и перевел свой взгляд на задумавшегося Вилли.

Эта парочка была вместе и непонятно, то ли женаты они, то ли нет, но в любом случае подобное заявление от женщины должно вызвать в след гнев мужчины, но тут этого не произошло. Кто знает, дело ли это доверия друг к другу, то ли отношения настолько свободны, в любом случае в свой адрес никаких поползновений со стороны Мэг он не замечал.

– Пойдёшь наниматься в белошвейки? – поинтересовался Вилли без тени иронии в голосе.

– Да, только выясню, где он остановился, – Мэг встала с совершенно серьёзным видом, подошла к зеркальцу, что висело на стене, и уже через десять минут Алекс был в шоке от

преображения женщины. Умело подкрашенные глаза, губы, красиво уложенные волосы, ничуть не напоминающие мышиный хвост, изменили спутницу, превратив гадкого утёнка в настоящую красавицу. Незаметный агент, самый лучший агент. Он способен менять свою внешность едва ли не кардинальным образом.

Мэг ушла, заверив, что вернётся, как только найдёт Георга и попытается втереться к нему в доверие, предложив себя в качестве швеи женского и мужского платья. Тишина, что возникла после того, как женщина прикрыла за собой дверь, была самой обычной. Метель звучала где-то за стеной, а сюда не долетало практически ни звука. Постояльцы, огорченные погодой, предпочитали не сидеть по своим комнатам, а коротать время за горячительными напитками в трактире, что располагался на первом этаже гостиницы. И только двое мужчин, застывших в креслах, мысленно пытались проникнуть сквозь толщу стен, чтобы понять, чем сейчас занята Мэгги и Огарёв.

Решено было действовать по обстоятельствам, потому что лишние свидетели, они везде ни к чему. Вот только не факт, что если они упустят сейчас такой момент, то в поместье Огарёвых всё пройдет гораздо глаже и проще.

Спустя час дверь открылась, и уверенная в себе женщина молча вошла в комнату, так же без слов прикрыла за собой дверь.

– Так! Я его подкараулила, и мы договорились встретить-

ся. Он сказал, что до белошвейки мне ещё далеко, надо сдать экзамен, – улыбка искривила её полные губы, а Вилли насмешливо приподнял брови и покачал головой.

– Это он тебе сказал? – съязвил её спутник, Алекс решил, что так проявляется его ревность.

– Угу, мне надо показать, как правильно вставляют нитку в иголку.

– Пойдёшь?

– А то! Неужели стоит пропустить такой момент? – с вызовом отозвалась Мэгги и с чувством полной собственности уселась на колени к Вилли. – Вот только думаю, что мне с ним потом делать? Связать или вы сами?

– Связать, конечно, хорошо, и даже весьма нужно. Но мы не можем рассчитывать, что удача к нам настолько повернётся.

– А куда она денется, Эл? Мы её за хвост, милую, – усмехнулась Мэг и быстро поцеловала Вилли в нос. – Доверьтесь мне, мальчики, чихнуть не успеете, как я приду за вами.

– Ты уверена, что справишься? – на лице спутника женщины отразилось беспокойство. – Может лучше спустя минуту мне зайти к вам и устроить скандал, приревновать?

– Справлюсь, – совершенно серьёзно ответила она и после легкого движения кистью руки из кармана Мэг быстренько извлекла небольшой нож. В том, что она им никогда не пользовалась, трудно было поверить. Нож просто идеально лежал в руке, и не был новым. Значит, им пользовались, и вряд

ли каждый раз это была колбаса на бутерброд. Она потеряла рука об руку, пройдясь пальцами по небольшому скромному перстню, в котором, Алекс был предупрежден, хранился порошок, небольшое количество которого способно лишить человека памяти на довольно долгое время.

Время пролетело быстро, и уже спустя двадцать минут Мэгги заглянула в комнату к мужчинам, сделала им знак рукой, поманив за собой.

Картина, представшая перед глазами спутников женщины, была не самой приятной и вместе с тем смешной. Довольно крепкий мужчина лежал полуобнаженным и не просто старательно, а вполне профессионально был привязан к спинкам кровати.

– Кто вы такие? – пробурчал он, едва Мэг вытащила из его рта кляп. Хотел закричать, но вместо этого закашлялся, вдобавок связанные руки помешали прикрыть рот, и слюни разлетелись по небритому лицу.

– Где моя жена? – произнёс Алекс, приблизившись к Герогу, в то время как Мэг выдернула из-под мужчины подушку, готовая в любой момент накинуть её на лицо, в случае если тот закричит.

Вилли предусмотрительно стоял у прикрытой изнутри двери, на всякий случай. Вообще надо сказать, что комната отличалась толщиной стен и обстановкой, скорее всего это был лучший номер, для особенных гостей.

– Кто? – брезгливость и презрение досталось заговорщи-

ком из глаз Огарёва.

– Моя жена, – Белтонич достал нож и приставил его рукам мужчины, слегка ткнул. . . кровь капнула на постель, но никто его не остановил, никто не помешал. Для спутников порой это являлось работой, не всегда приятной, но необходимой и эффективной. – Ксения.

– А, эта шлю,.. – недоговорил Георг, прерванный Мэг, грубо ударившей его перьевой подушкой по лицу.

– Ненавижу когда про обычных женщин так, – прошептала она, отнимая подушку, – ещё раз, козёл вякнешь, кастрирую. Лично!

– А почему бы не сейчас? – произнёс Алекс, замечая, что мужчина занервничал, – вполне разумное решение. Не будет приставать к женщинам, да и его жена вздохнёт спокойно.

Белтонич был настроен решительно, хоть, по совести сказать, брезговал прикасаться к чужим причиндалам, но ради такого дела решил потерпеть, а руки после отмыть с самым вонючим мылом. Он посмотрел на своих спутников, вполне согласных с его молчаливым вопросом. Даже Мэгги сглотнула, но кивнула, не отодвинувшись от пленника ни на сантиметр. Кажется, серьезность намерений всё же просек Огарёв и изменился в лице.

Нож еще не приблизился к мужским брюкам, как Георг заговорил.

– У меня её нет, отобрали, – он сглотнул, но не оторвал своих зеленых глаз от Белтонича. Глаза врага были того же

цвета, как и у Яры, только выцвели от времени и пороков.

– Кто и зачем? Рассказывай по порядку. С самого начала, когда увезли её из моего дома.

– Ксению выкрали, привезли в Аравию в дом, что расположен в соседнем городке. Там она, – Георг ухмыльнулся, – прожила под моим надзором три года, а потом вышла замуж за одного пожилого дворянина, вот и всё.

– Что?

Алексу показалось, что он ослышался. Ксюша, ... его жена Ксения вышла замуж? Как такое могло произойти? Мэг и Вилли смотрели на своего предводителя с сочувствием, а именно это меньше всего сейчас нужно было Белтоничу. Ни от них, ни от кого другого.

– Ври,.. то есть рассказывай дальше, – приказал Алекс.

– А всё. Слышал, что живёт затворницей, почти никуда не выезжает, – несмотря на своё полуголое положение и связанные руки Огарёв был не просто доволен, он чуть ли не сиял от своих слов. – Детей нет, если хочешь знать.

Удар в челюсть пришелся как нельзя, кстати, и глумливый поток слов прервался судорожным вздохом. Мэгги снова предусмотрительно держала подушку рядом, чтобы в случае чего заткнуть рот Георгу.

Хотелось перерезать глотку Огарёву, несмотря на то, что раньше этого Алекс точно не делал. Но мало ли кто что не умел, а потом научился. Дети не рождаются с навыком пользоваться ложкой или вилкой, однако потом довольно ловко

орудуют и так до старости. Быть убийцей до старости граф не предполагал, а вот конкретно этому ублюдку выпустить кровь – непременно.

Осторожный приглушенный стук в дверь заставил всех напрячься, особенно Мэгги, прижавшую к лицу подушку, слегка, чтобы Георг не задохнулся. Но Огарёв понимал, чем ему грозит, если посмеет позвать кого-нибудь на помощь.

Вилли напрягся, одной рукой ухватился за оружие, а второй положил руку на спинку стула, на котором только что до этого сидел. Стук больше не повторился, и Алекс продолжил своё общение, но всячески стараясь сдерживать себя в руках. У него вообще в последнее время это плохо получалось. После всего услышанного от родного брата в тюремной камере, сдерживаться просто не хотелось. Иначе весь негатив, вся тьма, что накопились за последние годы, грозили поглотить Белтонича.

– Значит так, герой-любовник, – произнёс Алекс почти шепотом, приблизившись к уху Георга, – говори, где моя жена, иначе плакало твоё хозяйство кровавыми слезами.

– Она,.. – последовала заминка, и какое-то беспомощное выражение отразилось на лице Огарёва, – как же там...

– Еще немного и он не скажет, как звали его маму, – предостерегающе прошептала Мэг Алексу, – а потом и вовсе уснёт крепким сном, будто опиум опоённый.

– Это один из дальних родственников нашего правителя, появившегося на свет не в семье. Старый бастард, вот! Хо-

дят слухи, что он весьма рад женитьбой.... на твоей жене! – идиотская улыбка была весьма к лицу Георгу, но она не понравилась зачинщикам.

– Где он живёт, как его фамилия?

– Он мэр соседнего городишки, мелкий мэр,..Ка..Ко..Кучер! – Заржал было Огарёв, а потом захлебнулся кровью от тычка в бок, который без сожаления сделала Мэг. – Он теперь объезжать будет твою,... твою,....

– Всё, спёкся, – многозначительно изрёк Вилли, с интересом рассматривая теряющего память и одновременно засыпающего мужчину.

– Эл? – внимательный взгляд Мэг прошелся по пленнику, и она ловко, но без особого такта засунула подушку обратно ему под голову. – Что делать с ним будем? Сыпанула я ему хорошо, даже более чем, так чтобы мы спокойно нашли и вернули твою жену, а так же вернулись с ней обратно. Но подозреваю, что этот хорёк вообще может не вспомнить нас никогда.

– Лорд Георг, – неожиданно промурлыкал приглушенный голос из-за двери, сопровождаемый стуком. – Я пришла, вы ведь меня ждали?

– Вот козёл, – прошипела Мэг, – он нас что, двоих хотел обучать ткачеству?

– Ревнуешь? – подначил Вилли.

– Георг, ну ты что, обиделся, да? – ныла несговорчивая дама, – так я же с Федькой ничем и не занималась. Так, про

еду говорили всякую. А ещё я у него две солонки просила.... На время, конечно. Мне тут рассказали, что если ими груди натирать, так они больше станут. Грудь, в смысле!

Искривившееся от смеха лицо Мэг и заинтересованное Вилли, посматривающего на скромную линию груди своей спутницы, было заразительным делом, и Алекс ухмыльнулся, но нож не убрал.

– Лордик мой упрямый, а может тебе плохо? – догадалась женщина после того, как в очередной раз постучала по двери, но теперь, кажется уже ногой. – Так и есть....Я мигом, к хозяину гостиницы!

Ничего не оставалось, как быстро снять веревки, окутать лорда одеялом, придав весьма довольный спящий вид и тут же покинуть комнату. Можно было прирезать, всего лишь одним взмахом лезвия, но сразу вызовут полицию, начнутся опросы постояльцев. Кто такие, куда и зачем. В настоящий момент привлекать к себе внимание, подобным образом, было просто ни к чему.

То ли девица передумала, то ли нашелся кто- то другой, более сговорчивый, но она так и не вернулась к своему лордику, вероятно занявшись по пути кем- то куда более отзывчивым.

Спустя пятнадцать минут Алекс приоткрыл дверь, чтобы возвратиться в комнату Георга, как знакомый силуэт мутного мужика, пытавшегося к нему приставать, промелькнул в конце коридора.

Мысль, еще вчера казавшаяся гадкой и недостойной аристократа, пришла сама собой, и граф пустил всё на самотёк. Любвеобильному Огарёву любовь без границ.

Джуди, новый мимолетный персонаж

Джуди был несуразен. Несуразен и нескладен по собственным меркам. Сын портовой шлюхи и какого-то заезжего моряка, он всю свою детскую сознательную жизнь провел в местном борделе, подавая напитки, а потом, уже повзрослев, вышибая ненужных неговорчивых клиентов из дверей.

И пусть сам он тут вкалывал и пользовался привилегиями и уважением, не из-за почившей давно трудолюбивой маменьки, а из-за того, что не лез постоянно к бабам, плюс активно работал кулаками против зарвавшихся нахалов. Но, несмотря на порочность этого места, своим секретом не мог поделиться ни с кем.

Секрет был не такой уж и сложный, однако, для этого борделя непривычный. Джуди вовсе не нравились женщины, ни молодые, ни старые. Гораздо сильнее его тянуло к зрелым мужчинам, от которых просто несло силой и могуществом. Или к тоненьким мужчинам – веточкам, которых словно забывали кормить в детстве, да и в юности тоже.

Однажды к ним забрёл капитан какой-то шхуны. Обычный мужик, что широко расставляет ноги и мотается, словно на палубе. Только шатался он не от того, что отвык ходить по суше, а от количества выпитого. Выбранная матро-

сом Розочка (у них, у всех девок были такие звучные имена, будто ты попал не в бордель, а в самый настоящий цветник с нежными, но слегка залежалыми нимфами) через пятнадцать минут спустилась вниз, к свободным подругам, поджидающим клиентов. Джуди слышал, как она со смехом рассказала, что матрос свалился прямо на пол, пытаясь расстегнуть пуговицы на ширинке, да так и уснул.

Кровь прилила в голову Джуди и шальная мысль тут же сформировалась сама собой, приняв вполне реальные очертания. Он быстрым шагом прошел мимо щебечущих женщин, как делал это много раз, чтобы пройтись по этажам и проверить всё ли в порядке между клиентами и девицами. Но на самом деле ноги понесли в комнату Розочки, где действительно развалился полуголый капитан, а под головой у него красовалась подушка, заботливо втиснутая местной шлюхой.

Вот тут-то Джуди понял, что женщины навсегда потеряли для него интерес... за этим занятием его и застала хозяйка комнаты, застыв в дверях как статуя.

– Ты что? – осоловело, смотря на мужчину, протянула она, по-прежнему стоя в дверях, – клиента портишь?

Громила согласно кивнул, спешно застёгивая штаны. Подумаясь, то он, то его! Нормально капитану.

– Уходи, как можно скорее, он ведь проснётся и убьёт тебя, – ахнула девка, – я ведь про его знаю, это Черный Скот, он каждый раз, как оказывается у нас в порту, обязательно

кого-нибудь убивает.

Про Черного Ската Джуди и сам знал, но мысль о том, чтобы покинуть это давно надоевшее место, тоже зрела в его голове не первый день. И вот этот самый случай настал, порадовав предварительно громилу кусочком близости с настоящим дерзким морским волком.

Джуди всё никак не удавалось пристроиться, найти своё место, но зато он усвоил одно. Если в таверне много весьма пьяных, то значит, с утра никто и не вспомнят, что с ними происходило ночью. Незапертые комнаты не пугали не одного крепко выпившего путника, а то, что происходило потом... Об этом многие предпочитали молчать, если вообще понимали, что с ними за это время что-то произошло из ряда вон выходящего.

Вот и сегодня несколько человек поднялись из таверны и скрылись где-то на верхних этажах гостиницы. Бывшему охраннику борделя очень понравился стройный и подтянутый мужчина лет пятидесяти на вид, но тот явно не был расположен к общению с представителем своего пола...

Джуди осторожно дёргался в двери второго этажа, которые оказывались запертыми. Одна из дверей тихонько поддалась, и он услышал, как кто-то похрапывает.

Спящий...

Это зрелище всегда завораживало Джуди, возбуждало и подталкивало к действию. Сонный мужчина, положивший

ладонь под щёку, он казался таким трогательно беспомощным, что беглец не выдержал и с улыбкой палача погладил незнакомца по голове.... Кажется, этот спящий сидел в зале с тем стройным мужчиной, что отказал бывшему охраннику борделя в более близком знакомстве...

Никто не увидел, как Джуди запер дверь изнутри, проверил её для надёжности.

Надёжна, потому как эта комната обставлена несколько лучше, чем другие, что говорило о непростом или не бедном спящем посетителе.

Никто не увидел, как Джуди расстегнул ремень, привязав руки незнакомца к железной кровати, а тот в ответ только пробормотал что-то непонятное.

Никто не присутствовал, когда Джуди спустил собственные штаны и с наслаждением приблизился к спящему, раскутав его и предварительно коснувшись интимных частей тела незнакомца руками... Сдерживаться не было сил, а потому медлить больше было просто не за чем, и он взял этого мужчину прямо так, сонного. Сопротивление в забытьи было минимальным, а наслаждение феерическим.

Это повторялось несколько раз, и лишь под утро довольный Джуди покинул гостеприимную комнату, заботливо укрыв незнакомца одеялом. Мужчина ему очень понравился и даже больше. На какое-то время громила решил остаться тут, в этой местности, чтобы узнать кто он такой, а по возможности повторить приятно проведенное время.

Георг проснулся с неприятным ощущением на теле. Больше всего болела задница, может быть, он чего-то переел, и его расслабило... Но он этого не помнил. Ничего не помнил...

Спустя несколько часов помятого и встревоженного мужчину привезли в поместье, где его жена с недоверием узнала, что муж не признает ни её, ни сыновей. Она вызвала доктора, потом пригласила из столицы второго. Все как один твердили, что беспричинная потеря памяти тоже имеет место быть, а как долго подобное продлится, зависит только от воли богов и здоровья лорда, что весьма порадовало женщину, изначально не поверившую в своё нечаянное счастье.

Но странные обстоятельства не позволили Георгу вернуться и к супружеским обязанностям даже в абсолютно нормальной физической форме. Он не хотел свою жену и чем чаще смотрел на её тело, нарочно заставляя женщину раздеваться в любое время дня и ночи и стоять перед ним, тем больше это действо вызывало отвращения.

Его потянуло к мужчинам, особенно к новому огромному дровосеку, что как прекрасный Аполлон играл мышцами во время работы.

Спустя год Джуди (а это оказался именно он) тайком свернул голову своему лорду, потому что тот не мог остановиться на одном партнёре. Гуляющая натура любовника прорезалась и при подобном извращении, приведя к вполне закономер-

ному результату.

Похороны Георга Огарёва были пышными, и было сказано очень много проникновенных слов, но лишь один из присутствующих пролил искренние слёзы. Это Джуди, собственно-ручно прикончивший лорда, не выдержавший его измен.

Столичный особняк Гринвичей, конец февраля. Даниэль

Обед аристократов проходил в полном молчании, но не по причине недовольства, напротив. Родители и Даниэль были сосредоточенны и торжественны.

Именно сегодня должна состояться помолвка Даниэля с хорошенькой, но весьма ветреной(не глупой)особой, дочерью очень влиятельного министра финансов. Девица училась вместе с Ярославой Огарёвой, была образована и как, оказалось, вовсе не стремилась выйти замуж. Герда считала себя первой красавицей империи (уж Даниэль в этом сразу засомневался, путь девица и мила на вид), а потому задирала нос перед женихами. Но подобного не произошло с Гринвичем, выдержавшим положенный срок после пропажи Ярославы. Знать его не осуждала, наоборот, все жалели, выражая мнение, что выбрал явно не ту пару. Однако после того, как Дан начал встречаться с Гердой, то стал получать поздравления и уверения по поводу весьма выгодной партии.

Партии...

Да он на стены был готов кидаться от того, что рядом не она- не Яра!

Но прошлого не вернёшь, как и слов, что срывались с губ обоих, его и её. Жалел ли он о расставании?

Да, несомненно.

Хотел ли вернуть всё назад и жениться, сказать абсолютно другие слова, дабы удержать девчонку? Сложный вопрос.

Даже само предположение, что дитя(а в его существовании он верил, пусть и не на сто процентов, а всего лишь на десять), может принадлежать ему, казалось, пусть уже и не таким абсурдным, но всё же неправильным.

Ярослава не могла так быстро забеременеть и все прочие причины, что он ей озвучил.. И никакой свадьбы. Только на прежних условиях, ведь он не мог подвести ни отца, ни мать, не мог прикрыть путь к своему будущему...

И всё же он скучал. По этой юной дряни, решившей, что сможет обмануть его на счет беременности. Казалось, что иногда он презирал Яру до такой степени, что вот- вот это перерастёт в ненависть. Но нет. Зеленоглазая девчонка никак не шла из головы.

– Это что ещё за ерунда? – произнёс Льюис Гринвич, заметив из окна своего столичного дома несколько груженных бочками саней. Он подошел к окну и убедился – точно, все сани завернули к его крыльцу, возницы слезли, сбившись в кучу, весело переговариваясь друг с другом.

Спустя две минуты дворецкий, пытающийся сохранить лицо, молча подал письмо на серебряном подносе и, ожидая

дальнейших указаний, застыл, словно мраморная статуя.

Льюис пробежал глазами по тексту, а потом ещё раз...

Бросил письмо встревоженному сыну, так же побелевшему после прочтения...

– Что там, Даниэль? – мать, оставшаяся одна в неведении, промокнула рот кружевной салфеткой, переводя взгляд с сына на мужа.

– Бочки, что предназначены для свободной продажи и на развес, попали к императору. Мы должны возместить ущерб, – правый глаз Льюиса дёрнулся, – и транспортировку.

Звук бьющегося об пол фарфора был ему в ответ.

Глава 10. Когда горит душа и тело, любимый, ты берись за дело

Алекс Белтонич

Дом мэра был обычным, как десятки принадлежавших подобным чиновникам строений, что повидал за свою жизнь Алекс Белтонич. Собрать сведения об этом человеке не составило труда. А вот о затворнице- жене...

Газеты пестрели сообщениями о смелом поступке женщины, удалившейся в обитель Храма Зелёных Богов, чтобы молиться за победы великой Аравии.

Пресса наперебой рассказывала о мэре, глубоко опечаленном расставанием со своей супругой, но еще больше гордящимся её патриотичным поступком.

А ещё мысли графа не покидала Ярослава, что так и не была найдена при его отъезде. Девочка- умница, вот только от этого не легче.

Всё было так непонятно....

Но более выводило Алекса из себя это то, что он точно знал, Ксения жива, и это именно она являлась женой мэра и снова ускользнула. словно рыба, которую, только кажется, что очень просто поймать в воде, но результат нулевой.

– Эл? – Мэг ткнула сапогом ногу Алекса под столом какой-то мутной таверны. – Ты решил, что будешь делать по-

том?

– Когда именно? – отозвался граф и обвел взглядом своих спутников. Уже который день они не пытаются его утешать, не пытаются заставить повернуть назад, всего этого не было, и нет. Агенты просто, практически молча, перебрасываясь только короткими фразами, следовали все это время за своим предводителем, пока однажды не остановились в видавшей виды маленькой таверне, что на окраине поселка, разросшегося вокруг Храма.

– А после того, как найдёшь женщину, – вставил своё слово Вилли и прихлебнул пенной браги, единственную кружку которой он только что заказал.

Настроение у всех было паршивое, ведь противный снег, переходящий в дождь, заставил путников вымокнуть чуть ли не насквозь. Вилли вовсе не собирался пить, да и какое там, если задание всё еще не выполнено и находится прямо сказать на половине пути. Но элементарная боязнь заболеть, вкупе с тайной любовью к бражке как таковой, заставили мужчину отступить от своих правил. Однако продукт не оправдал ожиданий.

– Поговорю с ней, а потом и решу, – отозвался Алекс и тоже запрокинул кружку какого-то пойла, именуемого местным служкой благороднейшим вином. Лучше бы он чай заказал или горячего молока, только опасался, что подобный ассортимент не в чести у хозяина этого места. – Значит так! – граф тряхнул головой, я отправляюсь к Храму, а вы ищите

место, где можно остановиться на ночь.

Мэг кивнула, а Вилли опять приложился к пивной кружке, уже не испытывая от этого удовольствие.

– Гадость? – услужливо спросил Алекс, осознавая, что в этот момент его рот перекосялся.

– Хуже, – отозвался спутник и с шумом отодвинул недопитый напиток.

Этот его жест заметил какой-то небольшой лохматый мужичок в длинной серой куртке и таких же цветом штанах.

– Уважаемые господа не хотят? – он глазами указал на брагу и Вилли подвинул кружку к мужичку. – Спасибо, – поблагодарил незнакомец и пересел вместе со своим трофеем на край длинного стола.

Разговор не клеился, а приятное тепло, что шло от раскалённой печи, несколько расслабляло, но расходиться никто не спешил.

– А ты кто такой будешь? – спросил Вилли мужичка, который уже прикончил эту пенную брагу и скорее всего, поглядывал по другим столам, вдруг кто-то разочаруется в пойле, как они сами.

– А я так, истопник при храме, – отозвался с энтузиазмом мужичок и с интересом взглянул на незнакомцев.

– А чего тут забыл? Неужели Храм Зелёных Богов настолько бедный, что в нём не найдется одна кружечка в день, чтобы подкрепить своего истопника?

Мэг хитро улыбнулась лохматому деду, а он в ответ ей

подмигнул.

– Какое там, – усмешка слетела с лица мужичка, сменившись досадой, – с тех пор как во главе встала донна Кирстен, никто и досыта не ест, не то, чтобы плеснуть в кружку старому истопнику.

– А что? Разве у Храма проблемы с деньгами? Или император отнял земли, а жители окрестностей забывают регулярно приносить щедрую подать?

– Куда там! – грустно отмахнулся мужичок, – при прежней донне все носили нелатанные платья, а переевшие животные порой так громко урчали на песнопениях, что приходилось повышать голос, чтобы никто ничего не слышал.

– А что случилось? Почему такое затруднение? – Алекс заказал еще одну кружку браги мужчине, а сам приготовился слушать.

И что-то непонятное, какое-то оцепенение потихоньку спадало. Казалось, что он стоит на пороге чего-то нового. Возможно, это никак не касалось Ксении, а может быть и касалось. В любом случае этот дед как раз тот самый человек, которого пришлось бы разыскивать и раскручивать на разговоры.

– Боги прогневались на нас, – заявил авторитетно старик и с шумом отхлебнул бражку, – но ничего, это ненадолго. Скоро всё изменится, это я вам говорю!

– В Храм Богов ожидается богатый даритель? – проговорил Вилли. И трудно было понять постороннему человеку,

то ли он иронизирует, то ли действительно подсказал деду нужные слова.

– Нет, – довольно произнёс мужичок, – сразу видно, проезжие вы!

– Проезжие, – согласно отозвался Алекс и с тоской глянул на пустую кружку, – мимо едем. Дай, говорю, зайдём, поклонимся в вашем Храме местным богам, отдадим дань уважения.

Уголок губ Мэг дернулся, но она не позволила себе и тени улыбки, а только исключительную... заинтересованность словами незнакомца.

– Это и правильно, через неделю многие тут будут на праздновании в честь возрождения нашего Храма. Ведь будет принесена Жертва.

– Жертва? – нахмурилась Мэгги, – куда её принесут? Зачем?

– Вот глупая женщина, – сделал вывод мужичок, обращаясь к Алексу и Вилли, а у Мэг глаза широко раскрылись от удивления и подобной наглости подпившего за их счет субъекта, – не куда принесут, а сожгут на костре как соломенное пугало.

– А кто жертва, если не пугало? – выдавила Мэгги тревожным голосом, озвучивая опасения свои и спутников. – Неужели человек?

– Ага, женщина богатого сословия, жена родственника самого императора Аравии, – мужичок очень уважительно

протянул, будто бы простолюдинка, ну никак не котировалась. – И только после этого вернётся благополучие и процветание Храма, а значит и всей округи.

– Когда говоришь праздник у вас? – Алекс с интересом на лице слушал, а у самого словно все оборвалось внутри и сердце.

Ксюша, неужели именно его Ксюша готовится к сожжению?

Её готовят.

Варварство? Дикость?

В каких уголках разных стран живут подобные культы, полностью противоречащие здравому смыслу и логике?

Почему император бездействует или ему это выгодно?

Что тут замешано – деньги, влияние или что-то ещё? А, может быть, сам император Аравии тайно поддерживает подобные затеи? Тогда понятно, как такое варварство смеет существовать на территории государства, внешне вполне благополучного.

– А как раз через неделю, ближе к ночи, чтобы вся округа видела.

– Угу, – буркнула Мэг и, сославшись на боль в желудке, удалилась.

– А что днём? – не лицо, а маска на лице Алекса.

– Так костер большой будет, все будут видеть и просить для себя счастья, для своих детей. А днём сами понимаете, смысла нет.

Белтонич застыл, осознавая, что на лице по-прежнему всё тоже идиотское выражение лица, ведь годы тренировок и работы взяли своё и тут. В последнее время им овладевало просто дикое желание приложить кого-то ликом о стол, коленку, а еще лучше придушить собственными руками. Вот и сейчас сияющий как начищенный медный таз дед, радующийся, что просвещает тёмных иностранцев, не понимал, что только светлый день и плененная, по сути, Ксения (в её добровольном согласии Алекс больше не сомневался) мешали бурному проявлению эмоций графа.

Сжечь его Ксюшу ради счастья драных аравийцев?

Сжечь, чтобы каждый debil выходил и радовался благодати, что вот-вот должна на него спуститься? Манна небесная в виде пепла, что ветер развеет после того, как сторит самая прекрасная женщина на свете?

Никогда этому не быть.

И он сделает всё, чтобы спасти её и поговорить, а если он сам уже не интересуется её как муж, как мужчина, то отпустит на все четыре стороны, естественно обеспечив деньгами при необходимости. Вот только упрямое сердце подсказывает, что Ксения так не сделает.

Почему?

А кто его знает. На этот вопрос упрямое сердце молчит.

– Шикарно, – выдавил граф и добавил про себя "устроились, сволочи, добиться собственного счастья путем смерти безвинной женщины". – Эх, вот бы взглянуть глазком на ваш

Храм, – с завистью в голосе проскрипел Алекс, пододвигая к захмелевшему мужичку еще одну кружку пенной бражки.

– Да нет ничего проще! – произнёс истопник с чувством собственной значимости, – так у нас всех пускают, только деньги за вход платить надо. Есть у вас деньги- то?

– Я тоже очень хочу посмотреть, – вставил Вилли, скрипнув зубами. Улыбаться не стал, потому, как мужику было уже всё равно, он старательно дул в кружку, выбивая пену через край.

– Деньги есть, заплатим, – Алекс готов был не только за вход заплатить, но и за выход вместе с женой, вот только вряд ли храмовники захотели бы расстаться со своей важной жертвой.

Вопреки каким- то мрачным представлениям Храм Зеленых Богов оказался не таким уж и мрачным. Деревянные стены в три человеческих роста, выкрашенные исключительно в зеленый цвет, скрывали отнюдь не бедность и нищету. Заплатив по положенному медяку, путники увидели и большой основной Храм, отличавшийся необычайно ядовитым зеленым оттенком и несколько сооружений поменьше, в которых, как сказал истопник, жили храмовники со своей прислугой. Снега под ногами вовсе не было, кругом почти идеально вычищенные дорожки, опутывающие все сооружения для связи между собой.

Но не только странная компания из Тарсмании посещала территорию Храма, заплатив монетки. Подобных любозна-

тельных личностей было много и трудно было поверить, что при таком раскладе Храм бедствует. Разве что все пожертвования оседают в кармане какого-нибудь жреца, но не идут на пользу всему дикому религиозному сообществу.

Истопник почувствовал себя не очень хорошо и скрылся, пропав за какой-то зеленой дверью, а заговорщики присоединились к группе людей, впереди которых шел экскурсовод и расхваливал здешние порядки и приближающийся ритуал.

– Ах, если бы вы знали, как счастлива та женщина, что готова принести себя в жертву ради всеобщего благополучия! – воодушевлённому тону экскурсовода мог бы позавидовать любой учитель, призывающий своих учеников обратить внимание на изучаемый предмет. – Она даже отказалась от пищи, чтобы очистить себя, таким образом, приготовив к огненной молитве своё тело.

– А нам её покажут? – вставил какой-то незнакомый посетитель свое слово.

– Ну, – тон женщины сбавил несколько пылкие обороты, – не думаю, что это хорошая идея, ведь она готовится.

– Так мы ей не поесть принесли, – рассмеялась женщина лет двадцати на вид, а Алекс был готов стукнуть её по лбу кулаком, потому как смешного в этом не видел ничего абсолютно.

Даже Мэгги, смело шагая по территории Храма молчала, на этот раз, отдалённо напоминая собой презиращую всех

и вся статую.

– Ну, хорошо, мы непременно посетим её, только вначале прошу сделать свои вклады на жертвенный огонь, что будет согревать ваши сердца и души ровно через неделю.

Как ни странно, но не все разгорелись желанием поделиться содержимым кошельков, бросив монетки в предназначенную для этого урну, а потому слегка озадаченный сопровождающий продолжил свой рассказ, наполненный восхищением мудрости и догадливости главного жреца Храма.

Следуя за экскурсоводом, Алекс немного удивлялся, насколько разнятся храмы разных народов. У кого-то величественно тянут вверх свои купола, башни, строя исключительно из камня. А у кого-то, например, здесь, деревянные сооружения, старательно выкрашенные в цвет, предпочитаемый богами. Дерево само по себе это очень добротный и качественный материал, но что касаясь качества содержания мозгов жреца и его приспешников, граф из Тарсмании очень сомневался. И еще было стойкое ощущение, что тут не обходится без наркотиков или одурманивающих средств, способных не просто разжижать мозги, но и навязывать прочим свою волю.

Отдельный домик небольшой, но очень светлый стоял в стороне. И около него не было ни стражи, ни суетящихся, как в прочих сооружениях, храмовников. Только крепкая пожилая женщина в темной зелёной одежде цвета самой простой сосны открыла дверь по первому стуку.

– Что вам нужно? – елеиным голоском сущей кроткой старушки пропела женщина.

– Доброго вам дня, уважаемая Гаша, – произнёс экскурсовод, – разрешите этим почтенным людям посмотреть на наше чудо, на нашу яркую звёздочку, что зажжет над всеми солнце доброты.

Экскурсовод заливал соловьём, Гаша с показным смирением (Алекс был уверен, что все это весьма ненатурально) принимала озвучиваемые почести и хвалебные песни общему благополучию, а в груди у графа разрастался жгучий костер. Сердце стучало сильнее, заставляя кровь мчаться по рукам и ногам. Ведь он даже почувствовал, что сейчас, в совсем не летнее время, по спине побежала капля ледяного пота, а в горле застрял комок.

– Заходите, – любезно отозвалась пожилая женщина, после того как поток восхвалений прекратился и она посторонилась, пропуская людей внутрь домика.

Большая комната, в которой сидела Ксюша, от вошедших посетителей была отгорожена легким шифоном цвета нежной мяты, как бы указывая границы, за которые посторонним вход воспрещен. Она сидела у окна, на небольшом мягком креслице, а под ногами стояла скамеечка. Ксюша смотрела в книгу, возможно даже читала, но она не могла не заметить десяток людей, вошедших исключительно с одной целью – увидеть женщину, из-за которой все ожидают счастья и наплыва милостей от Зеленых Богов.

Алекс жадно всматривался, пытаясь проникнуть сквозь ткань, что мешала рассмотреть черты любимой. Платье свободного покроя, касающееся исхудавшего тела, по которому он так скучал... Каштановые волосы, собранные во вдовий пучок на макушке... Рука потянулась, чтобы отдернуть этот прозрачный занавес, но тут же дипломат почувствовал хватку на локте и благодарно взглянул Вилли. Спутники стояли рядом, готовые к любой неожиданности и большое спасибо им, что не дали выдать ни их команду, ни её.

Сопровождающий с гордостью рассказывал о великой миссии, возложенной на эту храбрую женщину, а Алекс ничего не слышал, все звуки, словно обтекали его, не касаясь, проплывая куда-то мимо.

Сейчас тут центр собственной вселенной, заключенной в этой женщине оказался так близок, что с трудом нашлись силы на пару секунд оторвать взгляд от Ксюши и послушать настороженный шёпот Мэгги.

– Эл, мы тут уже минут десять, а ни одна страница не перевернута, она так и сидит, как статуя.

Он и сам это заметил, вот только как узнать что именно с ней....

– Леди весьма образованна, вы видите, она и тут не расстаётся с книгой, – донёсся гордый голос экскурсовода, – что для всей округи и страны в целом очень хорошо, значит, после принесения жертвы разум нерадивых учеников будет гораздо светлее, а ум острее.

Алекс знал, как пахнет горелая человеческая плоть, когда-то он был свидетелем пожара, произошедшего на его землях. В близлежащей деревне сгорела семья и он, как хозяин отправился туда узнать, не остался ли кто в живых, чтобы оказать помощь. Живых никого не осталось, а вот при разборке завала нашли тела, от которых шел весьма характерный запах. Алекс выдержал этот экзамен, не уронил лицо. Выворачивало потом, в близлежащем лесу, стоило только вспомнить, что кто-то из детей сгорел практически полностью, остались только кости ног, остальное пропало под печью, что обрушилась на лавку со спящими детьми...

– Скажите, а леди может с нами поговорить? – заинтересованно прокаркала девица весьма приятной наружности, но с отвратительным голосом, напоминающим несмазанные колёса старой телеги.

– О! Вы, верно, хотите узнать какой у неё голос! – догадался гид.

– Да, – без лишней скромности подтвердила девушка-каркуша, так про себя окрестил её граф, – если её голос так же божественен, как и намерения и всё, что вы рассказали про будущую образованность детей правда, то может быть и у меня что-то изменится. Как вы считаете? Если так, то я задержусь, чтобы этот целебный жертвенный пепел посыпал и мою голову.

В этот момент Белтоничу очень хотелось, чтобы всем зевакам, мечтающим о каких-то благах за счет Ксюши, на го-

лову обрушилась не благодать, а камни, исключительно булыжники или тонны мелкой гальки, что тоже существенно.

– Я вас понимаю и советую задержаться, но леди запрещено общаться с посторонними и расточать свои жизненные силы, дабы их количество не уменьшилось к ритуалу.

– Задержусь, – проскрипела женщина- телега, – каждый день взнос делать буду, лишь бы все исправить!

– Это мудро! – одобрил экскурсовод, подняв узловатый указательный палец к небу, – а теперь, пожалуйста, попрошу всех покинуть эту обитель тишины и умиротворения, леди должна готовиться к высшему предназначению – осчастливить всех прихожан Храма Зеленых Богов.

С трудом переставляя ноги, граф покинул это странное зеленое помещение, наполненное светом от одного присутствия единственно- любимой жены. Ксении.

Остаток времени, заговорщики бродили по дорожкам, то сливаясь с народом, то отделяясь, осматривая стены и на всякий случай выискивая запасные выходы, которые, как оказалось, имелись. Но никто так больше не пошел в этот отдельный домик, видать ни у кого на ум не пришло посмотреть на пока ещё живую леди, что принесут в жертву ради призрачных идей.

Кругом стояли серебристые урны, предназначенные для сбора денег, и народ щедро отсыпал медяки и не только. Звон монет постоянно слышался то с одной стороны, то с другой...

– Видать, грешащих уродцев много, решивших исправиться за её счет, – процедил сквозь зубы Алекс, наблюдая, как очень полная молодая особа расстёгивала кошелёк и, достав монетку, бросила в урну.

Мэгги нахмурилась, а Вилли отвернулся, делая вид, что весьма занят рассматриванием очередного зеленого забора. Сочувствие и переживание не всегда выражается словами.

Вечером, перед самым закрытием им вновь попался знакомый истопник, только уже в протрезвевшем виде. Он вышел из большого сарая, неся в руках охапку дров, завидев дневных знакомых, остановился.

– Ну как вам у нас? Понравилось? – щербатая улыбка была добродушной, что если бы не обстоятельства, то легко можно было бы ошибиться, чему именно так радуется дед.

– Очень! – ответила за всех Мэгги, смотря на старика сверху вниз, так как была выше его на полголовы, – а разве вы всё сами делаете, никто не помогает? – она притворно вздохнула, и поправило криво лежащее в руках деда полено.

– Есть еще помощник, мальчишка, – поморщился мужичок, – да заболел, стервец! Зеленого отвара перепил.

– Чего перепил? – заинтересованно переспросила агентка, и нежно погладила то самое полено, что только что поправила.

Мужичок проследил за её руками, сглотнул, но, не выпуская охапку дров, ответил:

– Так, это, понятно – вы же не местные! – вдруг вспомнил

мужичок.

– Угу, не местные, – поддакнула Мэг, а остальные спутники предпочли не вмешиваться, доверяя умной женщине.

– Варят его из разных трав, собранных на растущей луне, а потом употребляют для предсказаний и прочих мудрых и нужных вещей. А этот стервец пробрался в погреб, видать хотел попробовать, что это такое, а организм молодой ещё, не выдержал и скрутило болезного, ага. Цельную неделю лежал молча, без движения, а потом отошел, ничего.

Без движения сидела и Ксюша, которую возможно тоже подпаивают этой дрянью, дабы не наделала глупостей. Иначе кто в здравом уме добровольно будет ждать своей смерти? Никто.

– А я вот теперь всё один да один, – мужичок мотнул головой в сторону сарая с неприкрытой дверью, – а дел море, между прочим! Не лето!

– Не лето, – повторил Вилли и услужливо прикрыл дверь сарая, успев заметить в темноте стройные ряды полениц от самой земли до потолка. А еще и небольшой закуточек, вероятно место отдыха словоохотливого старичка.

Распрощавшись с дедом, троица вновь направилась вдоль забора, иногда обходя кого-то из зевак. В больших городах народ гуляет по набережным, по проспектам и бульварам, а тут ввиду отсутствия чего-то иного, люди предпочитали наслаждаться подсветкой на территории Храма в предвкушении чего-то грандиозного.

Решение пришло само собой и, не увидев никого из посторонних рядом, Алекс произнёс:

– Сейчас мы выходим. Вы идёте искать ночлег, а я кошку с верёвкой и возвращаюсь сюда. Затем, когда все уснут, думаю, это будет ближе к полуночи, вы ждёте меня примерно с той стороны забора, где расположен дом Ксении. И там постараюсь её вытащить.

– Не пойдёт, – заметил Вилли, – я с тобой..

– И я, – встряла Мэг, но мужчины глянули на неё, и женщина тут же отвернулась, пробурчав, – никакого равноправия.

– Дома поговорим, – сквозь зубы процедил Вилли, – напосмотри только.

Фыркание и поджатые губы было ему в ответ.

И всё же поздним вечером Алекс отправился один, доверяя спутникам не менее важное дело – раздобыть лошадь и кое-какую одежду для Ксюши, потому что весьма сомневался, что у неё будет хоть что-нибудь из теплых вещей, причем не зеленого цвета.

Перед закрытием в Храме народа было не меньше, а возможно даже и больше за счёт веселящейся молодёжи. Сразу видно – в этой местности им некуда пройти, чтобы пообщаться, друг с другом, а потому освещённая территория Храма как нельзя лучше подходила для данного мероприятия.

Алекс все так же заплатил за вход и, следуя за пожилой

парой, наивно держащейся за руки, пробрался в сторону сарая с дровами, мимо которого ходил сегодня ночью. Истопник отсутствовал и граф сомневался, что тот вообще явится на ночь сюда. Зима, отсутствие отопления, явно не вызывали желание ночевать тут, что было только на руку Алексу. Он втиснулся между поленницами и замер, выжидая нужного момента.

Спустя два часа вороха Храма Зеленых Богов закрылись за спинами последних посетителей, и началось приведение в порядок территории. Но и за это дело опытные монахи взялись с привычным энтузиазмом и уже через полтора часа характерное поскрипывание снежка под ногами прекратилось.

Тишина и покой.

Граф ещё никогда не полз ужом, не прижимался к заледенелым деревянным стенам, пытаясь слиться с ними, словно большой хамелеон. Он сам себе казался шумным хромоногим медведем, грозящим вот- вот испортить всё дело и подвести своих прекрасных спутников, а, главное спасти жену.

Он прокрался к дому, в котором по его расчетам по-прежнему должна была находиться Ксения и постучал...

Ксения

– Вот, выпей, – очередная безликая служанка, приставленная к Ксении, поставила на стол отвар, одурманивающий, дающий тяжелый сон.

– Поди прочь, старая. Не хочу впадать в беспмятство, –

зябка поёжилась женщина, спрятав руки в тёплый зелёный платок.

Зачем впадать, ведь осталось так немного времени, чтобы воскресить в памяти все воспоминания, что так давно она сложила в своём сердце.

Дочь. Любимый муж.

– Глупая, – фыркнула старуха, – так время быстрее пройдёт.

– Нет, – отозвалась пленница, – отодвигая от себя кружку, зелёную, как ёлка в лесу.

– Это приказ, – нахмурилась недовольная старуха и двинулась к женщине, далеко не юной, но всё еще привлекательной. Вот только худоба и бледность портили внешний вид.

"Бледность не зелень", – одернула себя Ксения, медленно окинула взглядом надоевший ненавистный цвет и всю обстановку. Для себя она даже не могла решить точно, к сожалению или к счастью это всё, но отсюда уже не сбежать. И за то время, что пробыла тут, женщина ослабла настолько, что едва хватает сил и гордости держать спину прямо, глядя на местных храмовников.

За долгих несколько лет она устала от бессмысленного множества попыток бегства, бесконечного надзора, от ожидания чуда, что Алекс её найдёт и спасет...

И вместе с тем осознавала, что он наверняка делал всё, дабы поскорее так и было, вот только враги у него тоже не глупцы, мастера не просто припугнуть, а вполне реально во-

время и концы в воду спрятать. Это только в девичьих книгах и дешевых бульварных романах герой прёт напролом, обводя вокруг пальца всех и вся, побеждая одну целую армию, оставляя прочих в дураках. В жизни так не бывает.

А попыток бегства что от Герога, что от мужа – мэра, у неё было не сосчитать на пальцах рук и ног одного человека, как и наказаний после подобных выходов.

В тот самый день, когда её украли из сада собственного дома, она сразу подумала про две причины произошедшего. Первая – её всё-таки сумел отыскать Огарёв, чтобы забрать дочь, к которой он вдруг воспылал отцовскими чувствами. Вторая – личная месть именно ей от родного брата Алекса, от его семьи.

Она пыталась наладить с Белтоничами отношения, честно и неоднократно. Очень осторожно, но непременно чётко, ставила на место пытающихся оскорблять её новых родственников....

Георг, лично не участвовавший в похищении, но отслеживающий весь процесс сбежавшей жены от начала до конца, не вернул её в поместье, бывшее ей домом. Конечно, зачем ему бывшая жена тут, ведь он стал более респектабельным, но всё таким же развязанным мужчиной. Двое детей, вторая жена, готовая терпеть выходы и развратные разгулы мужа....

Чего ещё надо мужчине, при встрече с Ксенией бросивше-

му кучу обвинений ей в лицо, главное из которых не то, что она забрала с собой дочь Ярослав, нет. Здесь Георг остался при своём мнении. Бесплезный отпрыск, пустая трата времени для выносившей плод женщины... К тому же, по его словам, на тот момент у него уже было двое сыновей и умная покладистая жена...

Главное обвинение Огарёва – личный позор, который он испытал после того, как история с побоями Ксении всплыла наружу, пошли сплетни! Этому поспособствовали родители, которые хоть и не прозрели на счёт своего зятя полностью, но скорее всего, устали слушать смешки за спиной. Только после этого решились защитить честное имя дочери, а вернее всего самих себя. Но и родительское "тявканье" не вызвало особого ажиотажа в обществе, а только еще больше разозлило Огарёва.... Да и вообще уверенность в собственной неотразимости мужчины была попорана строптивой девкой, которую он купил словно обычную шлюху, оплатив долги отца...

Когда похищенную первую жену доставили в небольшой городок и, поселив её там, он тут же отбыл, даже не прикоснувшись, тем самым заставив дрожать женщину ещё больше, чем до этого. Зная буйный нрав бывшего мужа, ждать добра от него не приходилось. Возможно, что-то помешало его планам, но, тем не менее, с каждым днём жизни тут страх никуда не девался, потому что Ксения точно знала- расплата не минует.

Поселив бывшую жену в небольшом городке и приставив охрану, Георг предполагал, что Белтонич будет искать, а потому выдержал срок три месяца и только потом наведялся в этот дом под предлогом встречи с деловыми партнёрами, что в действительности имело место быть.

В тот самый день, когда Огарёв решил, что приехать уже можно, то постоял на крыльце, демонстрируя себя как важного лорда, придирчиво осмотрел ажурные белые решетки на окнах, напоминающие легкую паутинку, ловко наброшенную руками умелого мастера умелого мастера исключительно для охраны от воров и с целью украсить, придать значимый вид строению. Эта самая паутинка была в моде и стоила весьма недёшево, оттого и пользовалась спросом у местной знати, заодно не привлекая к себе особого внимания истинной функцией. Плюс ещё дополнительно установленные решетки, что не видны снаружи, но весьма мешают подобраться к окнам изнутри....

Что есть у многих, уже не диковина, а всего лишь часть имиджа владельца, а потому на металлическую паутинку никто не обращал внимания, проходя или проезжая мимо. Вот из-за этой самой части Ксения и не сумела сбежать ни до появления Георга, ни после.

Приезд бывшего мужа было вполне предсказуемым – Ксения видела, как старались слуги, как ждали своего хозяина. Пусть она была пленницей, но все же иногда могла выхо-

дуть из своей комнаты.

Она услышала громкий хлопок двери, грозный мужской властный крик и тут же её охранник втолкнул в комнату, велел ждать своего часа. Женщина замерла, в который раз осматривая собственный уголок, чтобы что-нибудь предпринять, как-то себя обезопасить от поползновений бывшего мужа. Но вся беда была в том, что ей в комнате не дозволялось иметь из мебели вообще ничего, кроме кровати, на которой она и сидела, и спала.

Но не стоит считать, что в связи с этим Ксения была грязной замарашкой. Ванная и кусок мыла, плюс скромная одежонка с плеча тучной экономки – всё было в распоряжении женщины. Но и только. Она сама себя обстирывала, сама убиралась в комнате. Впрочем, от безделья можно было взвыть, а эти дела приносили хоть какое-то разнообразие, а потому уборка производилась ежедневно.

Заслышав шаги на лестнице, которые Георг даже не попытался приглушить, она уцепилась руками за ручку двери, прекрасно понимая, что силы у хрупкой женщины и рослого крепкого мужчины не равны. Плюс как всегда где-нибудь поблизости ошивается охранник, у которого что челюсть, что кулаки одинаковой квадратной формы. Он оказался абсолютно преданным своему хозяину, его не трогали ни слёзы, не уговоры женщины, а уже тем более обещание приличной суммы денег в случае её удачного побега.

Рывок и дверь распахнулась, явив женщине предмет её

ненависти и постоянного страха.

– Ну, здравствуй, Ксения, – произнёс самодовольный мужчина, прикрывая за собой дверь. Приглушённый спокойный голос был обманчивым, пряча бурю перед затишьем, – заждалась?

– Чего тебе нужно? – оборвала она его речь, отступая назад.

Хотелось спрятаться, очень.

Хотелось убежать отсюда, очень.

Но не вышло.

Георг вначале избил её, припоминая все грехи, а точнее навешивая их по своему усмотрению. А затем изнасиловал, проклиная тот день, когда решил жениться на девке, не оценившей его поступка.

Как оказалось, его злость, обида, даже спустя три года не имели границ.

После его визита Ксения не могла встать два дня, лоя на себе сочувственные взгляды немой прислуги, ухаживающей за ней.

Хотелось умереть, очень...

Это повторялось каждый квартал и так три года.

Пустые попытки бегства пресекались уже на первом этаже, а однажды разозлённый охранник стукнул по рукам горячей головнёй, от которой он до этого прикуривал, пообещав, что в следующий раз это будет не рука, а лицо женщины.

Жизнь, превращенная в некий личный ад для Ксении, однажды изменилась в несколько лучшую сторону и вовсе не благодаря милости Георга.

У этого для Ксении не то что и снега зимой не добиться, но и будь его воля, даже воздух отпущался бы исключительно с бранью. Возможно, видь он её чаще, не было бы этой агрессии, безудержной похоти и всё той грязи, что приходилось выслушивать. Казалось, что он нарочно копил все слова, всю гадость, чтобы унижить пленницу, находящуюся исключительно в его власти. И как не страшилась она бывшего мужа, но в последние дни с каким-то напускным равнодушием ждала повторения всего того, что происходило из раза в раз, не забывая посматривать- вдруг какой-то из замочков случайно окажется не закрытым...

Замочки, как и засовы, были надёжны, а верный стражник вместе с прочими слугами весьма преданными своему хозяину.

Но всё же однажды ей удалось вырваться из дома, к огромной злости Георга.

В один из зимних дней мимо высокой ограды дома Огарёвых скакали двое.

То ли скользкая погода помешала им следовать дальше, то ли своенравный конь оступился, но скорее всего и то и другое, только одно животное неожиданно завалилось на бок, подмяя под себя седока. Бедолаге мало было весьма внушительной массы животного, так ещё он оказался за-

жатым с одной стороны забором...

Мужчину с переломами, по грозному и неоднократному требованию спутника пострадавшего, занесли в дом Огарёвых, где он и остался дожидаться доктора.

Ксения слышала, что в дом кто-то попал, но не смогла выйти- страж выпятил квадратную челюсть, предупредив, что лучше не смей подавать и голоса, а иначе... Удар кулаком правой руки о левую ладонь говорили сами за себя и она отступила в глубь комнаты, молясь и надеясь, что эти незнакомцы останутся еще на какое-то время.

Так и произошло. Доктор, прибывший осмотреть пациента, вынес вердикт, что даже незначительное повреждение позвоночника и перелом правой ноги и руки на какое-то время приковывают мужчину к этому дому.

К счастью Георг отсутствовал в этот момент, а страдалец, оказавшийся мэром данного городка, приказал осмотреть все комнаты на наличие тайных врагов своей персоны...

Слуги мэра нашли и твердолобого охранника, и скрывающуюся за запертой дверью Ксению(так сделали нарочно, думая, что никто не подумает, что там кто-то есть)..

Мэр весьма удивился такой неожиданной находке, но попросил передать, чтобы незнакомка спустилась к нему познакомиться. Ксения надела своё единственное нормальное платье, то самое, в котором её выкрали из дома, и спустилась к переломанному мужчине. Она видела, что квадрат-

ноголовый охранник не спускал с неё внимательных глаз, и не могла позволить себе лишних слов сразу, поэтому была несказанно рада предложению мэра почитать ему книгу вслух.

– Как зовут вас, леди? – невысокий лысый мужчина лет пятидесяти на вид смотрел на Ксению внимательно, но вместе с тем без иронии по поводу её худобы и надетого платья не по погоде.

– Ксения, – она попыталась не замечать мрачного выражения лица охранника, а смотреть исключительно на нового знакомого. – Вы забыли представиться.

– Ох, – рассмеялся мужчина, – а вы правы. Меня зовут Жак Батист, я являюсь градоправителем этого города. А вы, хозяйка этого дома?

Испытывающий взгляд незнакомца ничуть не смутил женщину, прекрасно понявшему, что мэр сомневается в её власти в этом доме, и она рискнула.

– Нет, я, скорее гостья, – прямая осанка, аккуратно заправленный за ухо так некстати выбившийся каштановый локон, это всё, что она может сейчас продемонстрировать из своих манер.

– Ну, раз Вы, Ксения гостья, то значит, давайте вместе что-нибудь почитаем.

Жак оказался прекрасным собеседником из тех, с которыми вроде как бы и много тем для разговора, но трудно старательно обходишь нужную, к которой так и скатыва-

лась их внешне непринуждённая беседа.

– А кто вам приходится лорд Георг? – прищуренный взгляд и деланное благодушие не могли сбить с толку молодую женщину, и она решила не врать, опасаясь за свою жизнь.

– Я его бывшая жена, которая в настоящее время попала, ... – начала было Ксения, но её прервали.

– В затруднительное положение, а я оказал ей посильную помощь, – Огарёв собственной персоной, сияя зелеными от злости глазами сверлил женщину. – А чтобы Ксения не поцапалась с моей настоящей супругой, я поселил её тут, на время.

Его предупредили, несомненно, именно поэтому покрасневший мучитель так быстро оказался тут, боясь, что вскрыется история с похищением женщины.

– Вы достойны восхищения, лорд, – произнёс Жак, – что же, тогда может быть, обсудим наши с вами дела? Помните, на будущей неделе вы записались ко мне на приём? Не будем откладывать. А с вами, леди, мы ещё пообщаемся сегодня за ужином, непременно.

Она ходила из угла в угол, не зная как предупредить, рассказать о себе постороннему человеку и вместе с тем боялась – он хорошо знал Георга, а если он такой же по натуре, то стоит ли ворошить осиное гнездо? Но разве же это жизнь?.. В любом случае, попытаться стоит, а там будь что будет, в конце концов, так не может продолжаться

бесконечно.

Но обещанного назначенного ужина с Жаком не случилось, потому что мэр настоял о его немедленном перемещении домой. Так и погрузили его на телегу вместе с диваном из дома Огарёва. Георг напротив, был задумчив, вел себя не как обычно и даже позволил Ксении взять с собой в комнату пару книг, а сам уехал. Впрочем, охранник так и остался в этом доме, по-прежнему с рвением выполняя свои обязанности.

Хотелось дать Георгу и охраннику в морду этими книгами, ведь три года несчастной женщине не давали заходить в библиотеку, запирая её на ключ, а тут вдруг такая щедрость казалась подозрительной.

Но на этом сюрпризы не закончились....

Спустя неделю её приказано было доставить в дом мэра под военизированной охраной. Слуги, особенно твердолобый, могли бы возмущаться, но не стали, ведь бумагу, что сунули под нос, подписал сам мэр, с которым лорд совсем недавно общался.

– Леди, – начал Жак сразу, как она вошла, лёжа на том самом диване, что и сутки назад, – я знаю, кто вы и что из себя представляете.

Ксения вздрогнула, отвлекаясь от рассматривания стен. Она не верила, что сумеет выпутаться из сложившейся ситуации с лёгкостью, но надеялась использовать все по максимуму для себя.

И может быть, когда-нибудь удастся увидеть Яру и Алекса...

– Знаете? – произнесла она, отметив, что пусть он и мэр, но манеры оставляют желать лучшего. Не приветствия женщине, не предложения присесть...

– Кстати, присаживайтесь. Да, знаю, ваш бывший муж все рассказал, а про остальное нетрудно было догадаться и узнать.

– Да? – она не удивилась, но было интересно, что именно узнал этот человек и насколько он теперь конкретно для неё опасен...

– И я предлагаю сделку, – отчеканил мэр таким голосом, будто он сейчас не на чужом жестком диване распластался, а стоя на трибуне. Вы выходите за меня замуж, а я спасу вас от деспота- мужа.

– Но, может быть, вы вернёте меня? – начала было ошалевшая от подобных перспектив женщина.

Нет, она, конечно, была несказанно рада вырваться от личного тирана, но опять замуж? И почему, какая выгода в том для Жака?

Как- то странно и страшно...

– К Белтоничу- забудьте! – резко оборвал он тоном, не терпящим малейших возражений. – Или брак со мной, или снова вернётесь в негостеприимный дом к Огарёву.

– Почему? – мысли слово волны накатывали одна за другой. Почему её не хотят вернуть Алексу? Зачем этот мас-

карад Жаку?

– Так надо, – чуть помедлив, сказал мужчина, – возможно, узнаете, со временем.

– А что взамен? – твёрдым голосом спросила молодая женщина, которая вовсе не была наивной по жизни. А уже эта самая жизнь отбила всякое желание доверять даже родственнику, не то, что ли малознакомому мэру, которого она и видела- то всего лишь второй раз в жизни.

– Взамен, – Жак прикрыл глаза и вздохнул, – хорошо. Да, мне нужно будет кое- что от вас, но не краснейте! Это не то, о чем вы подумали. Точнее наоборот.

Ксения молчала, ничего не понимая. Ведь единственное, что он мог потребовать – её тело, раз ситуация с Алексом не обсуждается. Но почему именно она? Ведь вокруг множество женщин, куда гораздо родовитее и знатнее, даже если брать её собственное аравийское дворянское происхождение.

Маньяк, что поведёт себя гораздо хуже, чем Георг? Неосознанно она отступила на полшага назад, вцепилась пальцами правой руки в ткань платья...

– Ну, нет, леди, я не монстр, обещаю! – возмущенно воскликнул Жак. – И ничего такого предосудительного относительно вашей стыдливости и скромности не собираюсь предпринимать.

– Тогда, что взамен?

– Видите ли, Ксения, я уже был женат, – мужчина по-

морицился, то ли от неприятных воспоминаний, то ли от самого факта признания какой-то деликатной проблемы перед чужой и посторонней женщиной. – Но моя бывшая супруга сбежала. Я подозреваю, что со второй будет то же самое и с третьей тоже.... Любовниц не имею.

Он выжидательно смотрел на неё, и, кажется, где-то витал в облаках, но через минуту опомнился.

– Простите, так, задумался немного.

– В чём состоит ваша проблема? – напомнила женщина, по-прежнему не понимая до конца, отчего так.... Ведь и любовниц нет. Может ему не нравятся женщины? А она послужит ширмой. Для человека с верхов прикрытие это важно.

– Я скажу в чём, но хочу предупредить, если об этом узнает хоть одна живая душа, – мужчина недвусмысленно сжал кулаки и нахмурился.

– Вы мне уже угрожаете? – она похолодела, да и стоило заткнуться, молча выслушать все условия, приняв их безоговорочно, ведь уже почти вырвалась от Георга, так что ещё надо!?

– Нет, помилуйте, леди, ничего подобного, – усмешка на холёном лице говорила об обратном, – я вас просто предупреждаю.

– О чём? – она по-прежнему ничего не понимала, кроме того, что это что-то личное для мэра.

Станный какой-то. И, несомненно, опасный.

– Несколько лет назад я упал с лошади, да- да, для меня это просто проклятье, – подметил он, – если брать в расчёт и падение, что произошло неделю назад. Не буду засыпать вас терминами, и описывать всё подробно, но после этого моя молодая жена, почувствовав себя обманутой и неудовлетворённой, попросту ушла. Врачи выкачали кучу денег, но результатов нет и поныне. Вопрос очень деликатный и к обычным людям я обратиться не смогу. В молодости до падения я вел очень бурную половую жизнь и уж точно имел не одну любовницу сразу, поэтому хоть и прошли годы, но настоящее положение вещей очень бьет по моему самолюбию. Вы понимаете, о чём я?

– Кажется, да, – отозвалась Ксения, всё ещё не веря своей огромной удаче вырваться от Огарёва. – Вы хотите, чтобы я стала ширмой? Прикрытием отсутствия личной жизни?

Мэр- импотент, действительно не самый приятный повод для сплетен за спиной любого мужчины, а Жак, похоже, весьма амбициозен.

– Вы умная женщина, я рад, что не ошибся. А как мягко, но точно назвали ваше предназначение, так просто аплодирую вам. Ну, так что? – глаза мэра смотрели испытывающее, а Ксения думала только об одном – вот теперь точно будет проще сбежать и вернуться к Алексу, к дочке! Но он всё просёк, хотя возможно радость нетрудно было прочесть и на женском лице, – но предупреждаю еще раз. С Белтоничем никакого общения не будет, как и больших выходов

в свет. Вы прекрасно понимаете, что вас могут узнать, если увидят на светских приёмах в столице. Правда, не думаю, что среди аравийцев много знакомых конкретно вам, ведь если не ошибаюсь, замужем за дипломатом вы пробыли недолго. А потому будете вести исключительно тихую размеренную жизнь ту самую уединённую, воспетую поэтами, – он позволил себе улыбнуться. – Мне кажется, эта роль вам вполне подойдёт. Взамен я рассчитываю на ваше внимание прилюдно, дабы обезопасить от сплетен, что уже имеют место быть. Спальни, разумеется, разные, но с общей дверью, чтобы у прислуги не возникало желания посплетничать, тем самым навредить мне и моей карьере. Иногда, исходя из той же заботы, спать будем в вашей или моей кровати, но уверяю, с разных сторон. Вы согласны?

– Да, согласна.

Это был шанс избежать дальнейшего насилия со стороны Георга, так почему бы им не воспользоваться. И Ксения решила, что будет набитой душой, если не примет предложение.

– И ещё, леди, – он сделал многозначительную паузу, выдержав пару мину, как положено, – бежать не советую. Ваш прежний охранник и его новый помощник будут обеспечивать безопасность, а так же следить за маршрутом передвижения. Вы меня поняли? Согласны?

– Несомненно, – отозвалась вчерашняя пленница, а сегодня почти свободная женщина.

Всё пошло совсем по другому сценарию, нежели она жила три года в доме Огарёва. Жак каким-то образом сделал документы, признающие предыдущий брак недействительным и после этого свадьба в скромном семейном кругу была обеспечена. Никаких близких родственников у него не имелось, даже родители невесты не были приглашены, однако им отправили уведомление. Отец, расправив крылья, примчался через пару дней, но вежливая встреча под надзором Жака быстро охладила его пыл, как и понимание того, что денег от этого брака дочери ему не видать. Спустя неделю, в родном замке обвалилась крыша, похоронив под собой родителей и всех, кто прислуживал им в этот момент в обеденном зале. Так что небольшое приданное у женщины все же было, только распоряжаться им не было никакой возможности, поэтому всё взял на себя Жак.

Но как не мечтала женщина сбежать от охраны, исполнить это просто не представилось возможности. Однако, несмотря на подобную осторожность, в остальном Жак не был скрягой или эмотом, не жалея на Ксению ни расходов на одежду, другие личные вещи. Уже через несколько лет он взял жену с собой на спектакль...

По счастливой случайности это произошло весной, практически в день рождения Ярославь..

Женщина вернулась из театра и расплакалась, а мэр, узнав причину слёз жены, пообещал, что если с её стороны все по-прежнему будет безупречно, то на следующий год

она тоже куда-нибудь может сходить, естественно с приставленной охраной и умело наложенной косметикой на лице для маломальской конспирации, плюс обязательное условие – шляпка с вуалью.

Побег из под такой охраны просто невозможен. А угроза вернуться к Георгу, была вполне осязаемой. И всё же жизнь в таких условиях была бы нормальной (теперь всё сравнивалось с пленом в доме Огарёва), если бы не отсутствие связи с семьёй. Незнание и тоска по ним убивали.

Жак, будучи очень дальним родственником самого императора, никогда не брал жену на приёмы в столицу, ссылаясь её на плохое самочувствие, да и надо сказать, никто не настаивал на этом, отчего-то все думали, что женищина несколько не в себе. Однако несколько раз Ксению привозили в карете вместе с ним в столицу, но пока муж был занят, она дожидалась его в каком-нибудь снятом номере под охраной. В своём городке было проще – тут женищина всё же непременно выходила к гостям как хозяйка, но быстро удалялась, ссылаясь на плохое самочувствие. Если бы до этого она не прожила пленницей три года у Георга, то возможно не приняла бы такие указания по линии своего поведения от Жака. Но после произошедшего в доме Огарёва, ориентиры несколько сместились, да и глупо бы было выступать против того, кто хоть как-то протянул руку помощи.

Прошло несколько лет, но не стоит думать, что не было попыток к бегству. Были, однако, дураков Жак не держал,

с ходу отличая профессионалов и самозванцев. Охрана по-прежнему была приставлена к Ксении днём (а дамы в обществе восторгались и завидовали- мэр оберегает молодую жену от напастей!). А ночью стражники дежурили если не напрямую под дверями, то непременно где-нибудь поблизости.

Спокойствие Аравии тоже было нарушено, в воздухе пахло войной с Тарсманией, отчего у Ксении заныло сердце от предчувствия. Жака вызвали в столицу по каким-то делам, как подслушала женщина, мэр подозревал, что это из-за родства с императором, а значит, правитель хочет обезопасить себя от возможных конкурентов. Её зачем – то Жак взял с собой, но это оказалось гениальной идеей.

Все газеты пестрели новостями о предстоящих переговорах с Тарсманией.

Эта самая пресса упоминала в составе прибывшей делегации тарсманцев Алекса, что натолкнуло на мысль передать ему записку любой ценой...

Ксения не знала, что Жак женился не просто исходя из сугубо личных интимных переживаний, вся правда открылась ей гораздо позднее. Несколько раз ей удавалось подслушивать разговоры лже- мужа с незнакомцем. Оказалось, у Жака вполне крамольные для родственника императора мысли- занять трон самому в случае свержения тарсманцами действующего монарха Аравии. Именно поэтому пра-

витель не догадывался, что его родственник женился не просто на странной и замкнутой женищине, а украденной, а затем спасенной жене дипломата вражеской стороны. То есть перед Тарсманией Жан выглядел весьма лояльным представителем королевской власти, за которым может пойти народ и продажная знать. И только при подобном исходе Ксения могла бы вернуться к себе домой, к мужу и дочери, если бы всё еще была им нужна...

Но и эта гениальная идея мэра привела женищину к катастрофе.

Однажды Жак бросил на колени ничего не подозревающей женищины газету, где было сказано, что в соседней стране был расстрелян известный дипломат, участвующий в переговорах... Черным по белому было написано, что Алекс был обвинён в измене, а потому его попросту больше нет..

Она пролежала несколько суток в беспамятстве и горячке, а потом, очнувшись и провалявшись в кровати еще какое-то время, приняла решение поговорить с мужем, чтобы он отпустил её повидать дочь. Идея забрать Яру сюда была бы гениальной, если бы сама женищина была свободной, а так..заточение для собственного ребенка не самый лучший вариант проявления любви материнского сердца.

Именно после этого отношения супругов разладились. Кажется, Жаку это не понравилось, возможно, он посчитал это предательством. И уже спустя какое-то время молодая женищина проснулась не в своей кровати, а в стран-

ном месте, именуемом Храм Зеленых Богов.

О своём предназначении она узнала от верховной жрицы, удивительно напомнившей ей Жака... Женщина, которой уже было лет шестьдесят, на вид была довольно энергична и подвижна. Без единого седого волоса, но крашенная и одетая исключительно в зеленый цвет разных оттенков, она напоминала собой жабу, впрочем, как и все другие храмовники. Только цвет волос у них был свой, натуральный. Видать, недостойны они подобной окраски, не доросли ещё.

Как оказалось, подходящую жертву искали несколько месяцев, а она, Ксения, подходила на эту роль как нельзя лучше.

Скучное питание и зелёный отвар, что приносили иногда вместо воды, сделали своё дело и уже спустя какое – то время, Ксения поняла, что вот теперь точно конец. Долгая и вместе с тем короткая жизнь длиною в три года, что они жили вместе с мужем и дочерью были единственным светлым пятном в воспоминаниях последних дней её бытия.

Соппротивление старухе, что по причине приличного питания и дородности крепкого тела оказалась сильнее ослабленной молодой женщины, стало частью ежедневного ритуала. Иногда действительно удавалось выиграть словесный поединок и убедить, что она совсем не опасна и никуда не бежит. Но чаще Ксения проигрывала, всё же предпочитая пить эту дрань самостоятельно, а не ждать, когда тебя свяжут, будут насильно вливать.

И сейчас, когда женщина- храмовница Гаша направилась к ней с угрюмым лицом, Ксения пыталась угадать, на что та готова пойти сегодня. Кажется, еще днем до её слуха доносилась похвала, а значит, сторожиха должна пребывать в добром настрое.

– Не заставляй звать на помощь! Пей! – произнесла пожилая женщина и ткнула морщинистым пальцем в кувшин с отваром.

– Зачем!?! – только и успела произнести Ксюша, и тут раздался тихий стук в дверь, от которого пленница едва не подпрыгнула. Полумрак, царящий в комнате придавал обстановке таинственность, как и легкая зеленая ткань, разделяющая комнату на двое.

– Кого там принесло? – бурчала женщина себе под нос, подходя к двери. – Что надо?

– Истопник, – отозвался мужской приглушенный голос, – открывай.

– Наконец- то! А то меня заморозить совсем решили, – жаловалась женщина, открывая засов, – весна хоть и приближается, да ещё не скоро. Небо, видел какое?

– Какое? – тихо переспросил незнакомый мужчина, войдя в дом, и быстро прикрыв за собой распахнутую дверь.

– Звездное и чистое, – начала старуха и осеклась, – а где дрова?

Женщина попятилась, заподозрив неладное, а может быть, узнав в незнакомце дневного посетителя, но в любом

случае она попыталась позвать на помощь громко крикнув...

Пленница видела, что старуха, так и не успев открыть рот, рухнула, словно подкошенная, стоило незнакомцу коснуться мясистой женской шеи.... Оставив пожилую женщину валяться на полу, мужчина потянулся к засову, запер дверь и только потом медленно повернулся.

Ксения не поверила своим глазам...

Его просто не могло тут быть. Вероятно, от этих зелий она просто сошла с ума...

Ну и пусть, так даже легче...

– Алекс? – робко протянув руку, которую тут же перехватил мужчина её грёз и поцеловал ладонь... – Как же хорошо, что ты, наконец, мне привиделся рядом, и я даже могу тебя потрогать... Я знаю, ты умер, а теперь пришел за мной... Это хорошо, это даже лучше, чем я думала...

Алекс Белтонич

Граф не знал, каково состояние жены в эмоциональном и психологическом плане, но неподдельную радость на милом лице и слёзы в прекрасных глазах трудно было спутать с чем то другим, а значит, он ей всё ещё не противен и дорог.

Это ли не радость?

– Ксюшка, родная, – прошептал почти счастливый Алекс, уже не просто касаясь худенькой руки жены, но и прижимая женщину к себе, вдыхая запах волос, отдающий мятой и капелькой хвои. – Как же долго я тебя искал!

– Ты тут! – прошептала она поражено, – но как?

– Твоя записка, переданная с мальчиком прошлой весной,.. – он не мог ей надышаться, не мог больше не ощущать её рядом, а потому не выпускал из кольца своих рук.

– Значит, в этот раз всё получилось! – она подняла свои глаза цвета чистого неба, – знаешь сколько раз я пыталась..

– Ты простишь, что я не смог найти тебя сразу...

– Мне никто не был нужен кроме тебя...

– Я верил, что всё ещё нужен тебе...

– За что простить? За то, что я всё еще тебе нужна? Что искал все это время? Ведь ты искал, правда?

Слова лились из них, переплетались, как руки, вновь изучающие любимое тело..

– Правда....Ксюша, – шептал граф, боясь прижать к себе любимую слишком сильно, ведь она такая худая! – Моя девочка....

– Твоя, – отзывалась она, обняв руками его за талию. Да так крепко, что Белтонич слегка удивился, откуда в этой женщине столько силы!

Хотя, кто на свете сильнее её?

Осторожно, словно имел дело с самым ценным фарфором или хрусталём Алекс приподнял лицо жены обеими руками.

– Ты не возражаешь? – спросил он, волнуясь, словно школьник на экзамене и одновременно не отрывая взгляда ото рта Ксении.

– Никогда, – заверила его любимая женщина и, привстав

на цыпочки, сама потянулась к его губам.

Есть лишь она и ты
Других не надо.
И лишь её одну
Ласкаешь взглядом
Не разойтись путям
Теперь навеки
Назло любим врагам
Мы будем вместе.

Настойчивый стук в дверь нарушил идиллию, и Алекс с неохотой оторвался от любимых губ, тут же почувствовав, как напряглась Ксения.

– Это главная жрица, она каждый вечер приходит сюда, причем одна, – прошептала Ксюша, не отрывая напряженного взгляда от двери, – что же делать?

– Осёл, – выругался граф, одновременно проведя рукой по бедру, где под складками одежды был спрятан нож. Вообще-то он был не единичный, но этот нравился Алексу больше всего, – совсем расслабился. Зачем она приходит?

– Проверяет, как меня охраняют, а заодно жива ли я ещё, – фыркнула женщина, а граф в который раз поймал себя на мысли, что ему досталась удивительно мужественная жена.

– Значит, открывай ей, – прошептал он, с огромной неохотой отрываясь от жены, – придумай что-нибудь, почему ты,

а не старуха. Главное чтобы жрица зашла сюда.

Стук в дверь, только уже более настойчивый заставил мужчину скользнуть ближе к входу, а пленницу, которая теперь выглядела не равнодушной куклой, а скорее решительной женщиной, подойти и открыть засов.

Алекс успел глянуть на храпящую старуху, прежде чем дал знак рукой открывать, а сам спрятался под одеждой, развешанной на стене на гвоздиках.

– Почему не сразу открыла? – раздался недовольный незнакомый женский голос и Алекс поморщился.

Удивительное дело – ему очень хотелось дать пинка этой алчной и жестокой жрице, а еще лучше возвести её на костёр вместо жены. Но он сдержался – еще не время...

– Донна Кристен, – поприветствовала Ксения входящую в дом недовольную жрицу, которая только тут поняла, что пленница стоит в дверях, в полном сознании, а охранница Гаша спит на полу и ещё смеет храпеть.

– Опять напилась, – буркнула жрица, ткнув ногой старуху в живот и одновременно с подозрением посматривая на пленницу, что учтиво сделала книксен....

Донна не видела и не слышала, как за спиной бесшумно появился мужчина, но зато она хорошо ощутила прикосновение холодного лезвия ножа к собственной шее.

– Почему она тут? – он обратился к донне, ткнул пальцем в сторону Ксении, задвигающей засов на двери.

– Я прокляну тебя, – прошипела Кристен в ответ, – и то-

гда....

Жрица почувствовала, как сталь стала ближе к шее, как первая капля крови потекла, делала алую дорожку, пачкая безупречный зеленый цвет спокойной жизни...

– Это Жак, мой третий муж всё подстроил, так? – гневно произнесла Ксения, сжимая кулаки.

– Милая, – притворно спокойно произнёс Алекс, по-прежнему удерживая донну Кристен, – у тебя был и будет только один муж, и он перед тобой.

– Ты прав, – просияла Ксения, – как всегда прав! Кажется, Жак обиделся на мою просьбу отправить меня в Тарсманию. Я прочла статью в газете, что тебя больше нет и попросилась отпустить к Яре.

– Ты предала его, – прошипела жрица, – он ведь доверял тебе!

– Ха! Доверял! – прошипела Ксения, и эту гневную реакцию Алекс видел у жены впервые. Впрочем, он вовсе не осуждал её, а понимал и поддерживал. – С приставленными головорезами за плечами? Или когда меня возвращали после неудачных побегов. Да я убить его была готова вместе со всей купленной прислугой.

– А ты думала, его терпение безгранично? Мой брат итак подобрал тебя после,.. – прохрипела донна, не успев договорить..

Белтонич перерезал ей горло, а затем отбросил тело в сторону.

Алекса прострелило...

Что же он наделал? А если Ксения не в том состоянии, чтобы наблюдать подобное... Он медленно поднял глаза на жену, не отрывающую недоуменного взгляда от горла женщины, из которого вытекала кровь..

– Прости, я не должен был это делать при тебе, – прошептал он, не зная, что сказать сейчас в первую очередь. То ли вытереть нож и убрать, то ли отбросить его, а затем подойти к жене, показать, что он для неё безопасен....

– Не бойся, – сглотнула Ксюша, – я давно мечтала об этом. Вздох облегчения вырвался из груди графа, но более расслабляться, просто не было времени.

– Уходим, родная, – он взял её за руку и подвел к зеленой стене, где на вбитых гвоздях висела одежда, затем выбрал ту, что предназначалась для носки в зимнее время.

– Ты со мной, ты тут, – Ксюша произнесла шёпотом слова, словно заклинание и Алекс остановился, снова не выдержал и обнял любимую, бережно прижав её к своему телу.

– Тут, родная, да и теперь мы всегда будем вместе, – графе отвел прядь волос, что распушилась на лбу, и поцеловал жену в висок. – Ты моё сумасшествие, – прошептал он и шагнул к двери, держа за руку собственную жену.

– Куда мы?

– Домой, – успокоил он её и как бы невзначай коснулся кончика заостренного от худобы носа Ксюши, – к нам.

– К нам, к Яре, – прошептала жена, застегиваясь на ходу

ниями.

– Давно мечтала, – попыталась оправдаться Ксюша, но Алекс только кивнул.

Не зачем вызывать чувство вины у женщины, не стоит старуха того.

– А их? – переспросила Ксения в тот момент, когда графит развел костер посередине комнаты, скинул в него вещи, повалил в общую кучу деревянный шкаф цвета пожухлой травы...

– Хочешь взять с собой? – напрягся граф, понимая, что вытаскивать труп не за чем, а другая вовсе не так безобидна, как указывает её возраст. Её, безвинную молодую женщину всем скопом мечтали сжечь, и вряд ли хоть один мускул дрожал на лице храмовниц.

– Но как оставить? – выдавила из себя слова Ксения и оба посмотрели на резко захрипевшую Гашу.... – умерла?

– Угу, – вздохнул Белтонич, – это и к лучшему! Пошли! – он взял жену за руку и остановился, осененный мыслью, – Ксюш, сними цепочку.

– Зачем? – рука жены непроизвольно опустилась на шею, где болталась золотая цепочка с небольшой подвеской в форме листика, подарок Алекса в честь знакомства, – ведь это ты мне подарил. Забыл?

– Нет, но так надо, – твердо заявил граф, и с позволения жены сняв памятное для обоих украшение, надел его на шею мертвой жрицы.

Домик ещё не пылал, а граф ловко закинул кошку за высокий забор, подергал за веревку. Крюк держался крепко, и это придало мужчине уверенности. Ксения опасливо озиралась по сторонам, постоянно прижимаясь спиной к мужу, но на её спокойствие никого поблизости не было. Храмовники, утомленные сбором денег и подготовкой к всеобщему радостному дню крепко спали, расположившись в своих протопленных комнатках.

– Держись, – прошептал он, – подталкивая перед собой Ксюшу, бестолково пытающуюся подняться наверх. Он дал ей вязанные перчатки, но у леди не было сил, чтобы поднять на высоту собственное тело, пусть даже можно было упираться ногами в стену..

– Не получается, – с досадой и отчаянием прошептала женщина, уставившись в глаза мужу.

– Тогда сделаем так, – граф ловко спрыгнул, притянул к себе жену, поднявшуюся на высоту не более чем метр, и предложил довольно четким голосом, что легко можно было спутать с приказом. – Обними меня руками со спины.

Ксения послушалась, ощущая, как Алекс каким-то пояском привязывает себя и её за талию. Она ему доверяла, а этот способ не самое чудное, что пришлось повидать на свете. А ради побега Ксения была готова и не на такое.

– А теперь обнимай меня ногами, если получится, – он придержал её под бёдра в тот момент, когда ноги жены прижались к его телу, ... но как-то неправильно, с другой сторо-

ны гораздо интереснее и... менее продуктивно.

Тихий нервный смех раздался из-за спины в тот момент, когда Алекс упрямо передвигался по стене, упираясь ногами в деревянные брёвна, а руками с усилием держась за веревку...

Перелезая уже на другую сторону, Алекс заметил, как небольшой домик около стен забора, в котором он встретил Ксению, занялся огнём. Но отсутствие человеческих криков и типичной для подобных событий паники свидетельствовало об одном – люди пока еще не заметили пожара, значит, есть время уйти подальше от храма.

– Там кто-то есть! – испуганная Ксюша плотнее прижалась к телу мужа, который все еще спускался. И Алекс невольно застонал. Он вовсе не рассчитывал на подобный интим, тем более во время спуска со стены.

– Это с нами, не бойся, – произнёс Белтонич и ноги почти сразу же коснулись земли.

Посадив жену перед собой(он вовсе не желал отпускать свою Ксению на расстояние, равное более пяти метрам), четверо всадников отправились как можно дальше от этого чумного места.

– Горит? – заглядывая в глаза мужу, спросила бывшая пленница и неудавшаяся жертва храмовников?

– Ещё как, – усмехнулся Алекс, ловя на себе подбадривающие взгляды Вилли и Мэгги.

Пожар в Храме Зеленых Богов наделал много переполоха, и жители близлежащих окрестностей спешили на помощь, ведь их мечты могли так легко разрушиться. К сожалению, храм выгорел почти полностью, есть несколько пострадавших, как и пропавших, в том числе сама жрица.....

И всё же народ был доволен – ведь главная жертва – жена мэра из соседнего городка сгорела. Пусть и не по правилам, но зато наверняка. На месте, где находился домик, в котором держали женщину были найдены два обгоревших трупа, на шее у одного из них висела цепочка с подвеской...

Спустя две недели небольшая компания, состоящая из двух мужчин и двух женщин, вернулась в столицу Тарсмании в полном составе, полностью выполнив свою миссию. Как не переживал Алекс, но жена не стала его винить в исчезновении дочери – в конце концов ненависть того же Питера к ребёнку из-за её самой, а вовсе не из-за мужа. Он сам переживал так, как не каждый родной отец призывает к ответу свою совесть.

Для двоих – Алекса и Ксении времени было более чем достаточно, чтобы вкратце излить душу прошедших друг без друга дней. А для недосказанного еще есть время, вся оставшаяся жизнь, естественно на двоих.

Самая первая ночь в их собственной постели в столичном особняке была необыкновенной, несмотря на довольно грустные и тревожные события вокруг. Но эти двое просто

уже не могли находиться врозь, к тому же Алекс заявил, что никаких отдельных спален, только общая, с чем его любимая жена была полностью согласна.

– Скажи, – Ксения удобно устроилась на плече мужа, вдыхая такой любимый ею запах. Казалось, она и никогда не забывала, как выглядит самый лучший мужчина на свете, сколько родинок у него на щеке, на спине....

– Ммм? – отозвался Белтонич, заботливо поправляя одеяло на жене. Он вообще постоянно следил, всего ли ей хватает, не слишком ли мало она съедает. Понятно, что всё наладится, а Ксюша непременно поправится. И всё же так приятно было вновь видеть её рядом, чувствовать, держать за руку, наблюдать, как она смеется или задумчиво смотрит куда-то вдаль....

– Я ведь понимаю, что у тебя наверняка были женщины без меня, – произнесла жена, а граф напрягся, – и даже не осуждаю, не имею права, – тут же исправилась она. – Но был ли кто-нибудь, кого ты..

– Нет, – несколько резко оборвал Алекс речь своей жены. – Женщины были, сама понимаешь, я не старый и песок из меня не сыпется. Но скоро сама увидишь, что ничего конкретного ни с кем быть не могло. А если кто подобное заявит, смело плюнь в лицо, потому что этого просто не могло быть. Я искал тебя, – последние слова он добавил совсем тихо, но точно почувствовал, что жена услышала и расслабилась, а напряжение ушло прочь.

– Спасибо, – отозвалась Ксюша и привсталась на локте, – я только про вас и думала, даже когда жила в доме мэра.

– А вот к этому мерину (граф умышленно исковеркал слово, чтобы оно стало означать кастрированного жеребца) расплата придет, вот увидишь. И вообще в кровати нет место третьему, забудь, – прошептал Алекс, ловко освобождая жену от лишней ночной рубахи.

– Что ты делаешь? – Ксюша попыталась возразить, но, похоже, смущение в кровати с мужем это не её конёк. Тела супругов с удовольствием вспоминали то, чего были лишены довольно долгое время.

– Всё, что тебе обязательно должно понравиться, – заверил граф жену и коснулся губами вершинки одной груди, затем второй. – Ну как? – он отстранился от выгибающейся в его руках Ксюши, – мне прекратить и не мешать? Ты будешь спать?

– Нет, продолжай, – заверила его любимая женщина.

Ну, а кто бы сомневался, в том, что она самая лучшая!

– Мой император, – Алекс склонил голову в знак учтивости.

– И я раз видеть тебя, – Август слегка махнул рукой, давая понять, что сейчас не до официальных приветствий, – лучше рассказывай. Ты, говорят, прибыл вчера?

– Так и есть, – подтвердил граф....

Хотя почему граф.... Герцог.

За время отсутствия Белтонича произошло много изменений. Старый герцог, отец Алекса скончался, после того как побывал на приеме у императора. Старик приехал лично к Августу, чтобы узнать, в чем именно обвиняют старшего сына, и есть ли возможность его освобождения хотя бы путем залога. На личном приёме Август не стал скрывать от главы одной из старейших семей Тарсмании за что и почему Питер оказался в тюрьме, включая пособничество с аравийцами, с которыми государство до сих пор состоит в состоянии войны.

Герцог был поражен, несмотря на огромную личную неприязнь к бывшей жене младшего сына. Но всё же одно дело принять похищение женщины второго сына и другое – предательство Питером самого августейшего императора (он ведь пытался выкрасть дипломатические бумаги). Подобного принять и понять старый герцог не смог.

Старику разрешили в последний раз попрощаться с сыном, но о чем они разговаривали – никто не узнал. Охранникам было приказано свыше не присутствовать во время разговоров.

Старый Белтонич покинул императорский дворец в полной задумчивости, так же молча сел в собственную карету с гербом и отправился за город, в родовой замок. Слишком спертым показался ему городской воздух, и никчемными люди, суесящиеся как муравьи вокруг. Ему хотелось тишины и спокойствия.. Спустился два часа, как и положено, каре-

та въехала в старинные владения Белтоничей. Слуги насто-
роженно встречали своего грозного хозяина, не зная, в ка-
ком настрое он вернулся. Дверцу раскрыли и...вместо при-
ветствия старику у всех вырвался возглас удивления и стра-
ха.

Тело умершего герцога тут же повалилось на каменную
мостовую старого замка...

Спустя сутки после серьезного и тяжелого разговора с от-
цом, Питер умер при странных на первый взгляд обстоятель-
ствах – он бился в конвульсиях, пуская розовую пену изо рта.
Судебные лекари без труда установили, что причиной этого
– яд несколько замедленного действия. Образец подобного
вещества был обнаружен в родовом перстне Белтоничей, на-
детом на левой руке покойного герцога.

– Ну, так что? Как жена? – произнес Август и в его тоне
Алекс не уловил ни ноты фальшивости. – Клариссе не тер-
пится с ней познакомиться. Из-за какой женщины лучший
дипломат и мой друг так и не женился столько лет. Ох, уж
эти леди!

– Спасибо, все не так уж и плохо. Ксения по стойкости
даст фору многим из мужчин, – искренне поблагодарил гер-
цог, – если нет возражений, то в выходной мы почти бы за
честь принимать Вас с супругой у себя.

– А вот и чудесно! – воскликнул Август и тут же помрач-
нел. – К сожалению, у меня для тебя вовсе нет новостей.

Обещал найти Ярославу, но....И это называется лучшие головы сыска! Не суметь найти совсем зелёную девчонку! Я понимаю, империя в состоянии войны, но всё же!

Алекс это знал уже и без слов императора, ведь он вернулся с того света для многих, а значит, он уже открыто пытался найти дочь за сегодняшние сутки и безрезультатно.

Спустя неделю Белтонич, обыскавший столицу и свой замок за городом, выехал на фронт, чтобы лично пообщаться с Хадерсоном насчет Ярославы, но всё безрезультатно. Кроме новой информации- Яра могла носить совсем другую фамилию- Хадерсон(спасибо другу). А самое главное- по всем прикидкам он и Ксения уже должны были бы стать бабушкой и дедушкой.

Счастье могло бы переполнить супругов, если бы дети были рядом....

После приезда из Аравии Алекс лично расспросил слуг городского особняка, что именно произошло в тот день, когда его родной брат выгнал Яру. Он был рад, что любимую Ксюшу в этот момент занимал портной, предлагая фасоны нарядов, знакомя с настоящей модой Тарсмании, нахваливая те или иные модели. Но жена и в Аравии ходила не в обносках, да и раньше понимала толк в хороших вещах, а значит, заказала то, что ей нужно, а не навязанное предприимчивым талантливым, но болтливым портным.

Алекс, а за ним и Ксюша очень расстроились, когда узнали, что отец Марфы, которому естественно рассказали о

причине бегства дочери и молодой леди Ярославы, в гневе напал на Питера прямо во время обеда. Старший из братьев Белтоничей едва не подавился, но друг, с которым он обедал, тут же вытащил пистолет и пристрелил наглеца, помешавшего им приятно проводить время и насыщать свои желудки. . . .
Мать Марфуши, прекрасную кухарку, чья семья всегда верно служила Белтоничам, парализовало на нервной почве, и по распоряжению Питера женщину едва не выкинули в прямом смысле слова на улицу. И только по негласному указу дворецкого кухарку отвезли в загородный замок, где за женщиной был организован надлежащий уход. Она вставала с трудом, почти потеряла зрение, а речь стала невнятной, но от этого мать Марфы не стала злобной или замкнутой.

Естественно, ничего нового он не узнал от этой замечательной женщины, да и как бы она рассказала, что произошло? Руки не держали карандаша, а разговор походил скорее на мычание. . . . И все равно кухарка очень была рада, что Ксения нашлась и обе женщины весь вечер просидели вместе и проревели, переживая за судьбу своих дочерей. Алекс объехал окрестности с проверкой, в тайне надеясь, что девушки всё-таки спрятались где-то тут, поблизости, возможно в каком-нибудь крестьянском доме. Но нет, это было просто мечтой отца, но не желанной реальностью.

Никто и не предполагал, что обе девчонки так и не найдутся в течение ближайших нескольких лет.

Уже закончилась война с Аравией, над которой Тарсма-

ния одержала трудную, но верную победу. Уже вернулся полковник Якоб Хадерсон, весьма опечаленный пропажей, так полюбившейся ему дочери друга (в качестве ребенка, а не возлюбленной), но никаких вестей от беглянок всё ещё не поступало. Каждая крупная газета и мелкая газетёнка регулярно печатали объявления, что родители разыскивают Огарёву Ярославу вместе со служанкой Марфой Вознаграждение гарантировалось каждому, давшему достоверную информацию....

Вот только никто из жаждущих обогатиться за счет герцога Алекса Белтонича и его любимой супруги, не смог рассказать действительно чего-либо стоящего. А потому семья по-прежнему была в поисках, не теряя надежды на лучшее.

Ведь кто-кто, а Белтоничи точно знали, что в жизни случается всякое.

А вот родственник императора, мэр одного из небольших городков Жак Батист не знал или не хотел знать. Ведь он был твёрдо уверен, что жена сгорела, как заранее ему пообещала родная сестра. Правда последняя сама пропала, и это было единственной плохой новостью за последние дни.

Одним весенним утром аравийский правитель Урсул принимал важную делегацию из соседней Тарсмании. Возглавлял миссию известный политический деятель – Алекс Белтонич, правая рука императора Августа. Правителю Аравии и самому нравился этот мужественный человек с жестким взглядом и хваткой хищника, а потому он не отказал себе в

удовольствии после официальной части пригласить герцога на личную беседу.

Двое расслабленных внешне мужчин курили кальян, каждый свой, и приятный вишнёвый аромат со специями разносился по просторной комнате, внося свою ноту в эту неторопливую беседу.

Вдруг император Урсул закашлялся, откинул трубку, а затем глубоко вздохнул.

– Сердце, – пояснил он на немой вопрос Алекса. – Столько нервов, столько нервов! И так проиграть. В мои- то годы. Так ведь и не знаешь, кто заменит! На кого все оставить!

Игра слов, ничего более, Урсул здоровее многих молодых, но герцог уже знал, что ответит, в конце концов, это было его попутной дипломатической миссии задачей. Правитель Аравии в любом случае узнал бы, кто подпиливает ножки под его стулом.

– А родные?

– Да, какие родные! – обреченно взмахнул рукой император и ловко поддел щипчиками тлеющие вишнёвые угольки, перекинул из чашки в блюдце. – И разве кто захочет такую ношу? Деньги – кладут в карман, а ответственности никому не надо!

– Я слышал, у вас довольно умный родственник есть, Жак Батист, – герцог многозначительно и с легкой усмешкой взглянул на собеседника. – Талантов, говорят, у него много, в том числе и правителя.

– Хм, – ответил Урсул и задумчиво посмотрел на дипломата.

Нужные слова, их ни к чему говорить прямым текстом действительно умным людям. У побеждённой Аравии уже был договор с Тарсманией, скрепленный подписями императоров, уже потекла контрибуция. В случае смещения Урсула ещё неизвестно как поведет себя тот же Жак, а потому... Мэр эта фигура, которая не нужна на шахматной доске ни черным, ни белым.

Спустя два дня после возвращения Белтонича из Аравии, пришло сообщение, что раскрыт заговор против самого императора Урсула. Возглавлял этот заговор один из родственников императора – Жак Батист, который был публично обезглавлен, а потом сожжен в назидание тайным противникам, мечтающим получить трон Аравии.

Глава 11. Колесо для белочки

Ярослава, четыре года спустя. Белогория

– Ма- а- м, м- а- ам! – раздался встревоженный голосок Ксюши, и я бросила мокрое белье в таз, спешно вытирая вспотевший лоб рукой.

Ну конечно, опять мальчишки Олёны устали от её затей и убежали, оставив малышку одну! Но Ксюшке скучать или мирно играть не захотелось – она начала голосить, дабы привлечь моё внимание. Мы редко надолго оставляем детей без присмотра, да и спокойно тут, в Осинках и окрестностях. А сейчас ещё и Марфуша ушла к доктору – попросить отправить письмо в Тарсманию, больной маме. Доктор собирается в город, там заодно и отправит, так быстрее и надежнее, чем ждать, когда почтальон сам приедет сюда к нам.

– Пошли со мной, – я правила на головке дочки тонкий желтенький платочек, вытерла все еще сырой рукой пятно на любимой щечке и вместе со своим сокровищем мы пошагали стирать в баню.

– Мам, а мам? – произнесла Ксюша серьезным тоном спустя десять минут, когда ей довольно быстро надоело мне помогать, а так же спокойно сидеть на скамеечке и болтать ножками.

– Что, солнышко? – я повернулась, с умилением глядя на это серьёзное личико родной дочки.

– А папа, он где?

Простынь выскользнула из рук, и мне пришлось снова отжимать её, нарочно прикладывая к этому делу чуть больше усердия, чем за минуту до неприятного вопроса.

– А его нет, – отозвалась я избитой фразой, – с нами его нет.

– Он что, умер? – допытывалась маленькая умница, затрудняясь сказать уже в который раз.

А мне стало досадно. Гринвич, ну неужели так сложно было выполнить роль согласно слов дитя! Ведь врать о том, что отец геройски погиб это в любом случае ложь. Не погиб, да и от героя там штаны да отцовский кошелек. В последнее время для меня Дан больше походил на обаятельного нахала, от чьих чар, кажется, всё-таки удалось освободиться. А вопросы малышки... что же, они будут, непременно. И когда-нибудь я ей расскажу всю нашу историю, чтобы не строила напрасных иллюзий относительно своего отца. Да и мало ли что случится в жизни, вдруг этот человек нас всё-таки станет разыскивать и разыщет (в чем я все же сомневаюсь) дочь, то лучше рассказать ей прилизанную правду, чем выслушивать обвинения, что я лишила её родителя и его любви и заботы по своей воле.

– Не умер, маленькая.

Ох, как больно все переживать заново! А еще и пытаться донести до ребенка простую истину – Даниэлю мы не нужны, плюс он не хотел быть отцом. Но разве такое скажешь

маленькой девочке!

Но фамилию мы носим Якоба Хадерсона, то есть мне надо что-то еще и тут придумывать.

А что делать?! Кому легко?!

– А что? Заболел? – продолжила допытываться моя девочка, заматывая ручонку в подол платица.

– Не знаю, как сказать, родная, но только мы с ним не смогли жить вместе, – попыталась вывернуться я из плена этого вопроса.

Пока Ксюша маленькая, а там будет видно по обстановке и ситуации.

– А со мной он тоже не жил? – родные глазки, по-прежнему имеющие сине-голубой цвет как у отца, безотрывно смотрели за моими действиями.

– А ты хотела бы без меня там остаться?

– Нет, только с тобой, – пискнула девочка, и тут же её внимание переключилось на большую пёструю бабочку, что залетела в баню через открытую настежь дверь. – Мама! Смотри!

Вот так время и шло. Я уже давно сама себе не напоминала ту прежнюю изнеженную белоручку, которой ежедневно прислуживают люди. Скорее сама являлась заботливой мамой и служанкой, и даже учительницей для собственной дочери. У меня осталась последняя цепочка, плюс та, что всегда была на мне. Изделия были недешевыми и в Тарсмании, но тут все же приходилось продавать не так уж и выгодно

– документов, подтверждающих покупку украшений, у меня естественно не было, чем и пользовался алчный владелец ломбарда. Но это были деньги к существованию, которые рано или поздно все равно закончатся. А если так, то всё чаще я задумывалась о дальнейшем нашем обеспечении.

С Марфой мы сажали огород, держали кур, козу, но все это было не тем, чего бы я хотела своей дочери. Искренние отношения простых людей важны и гораздо приемлемее для меня, чем фальшивые аристократы. Но всё же не хотелось, чтобы девочка прожила половину жизни на огороде и на скотном дворе, а вторую – в бесконечных заботах о деньгах на пропитание и одежду. Одно плохо – работы для людей моего уровня образования в Осинках не было, а с ребенком сразу устроиться на работу не получится. Но бросить дочку на Марфушу ни за что поднимется рука, да и как жить без своей кровиночки?

Я рассуждала так, однако жизни внесла свои коррективы и попросту говоря, не оставила мне особого выбора.

Засушливое лето измотало всех. Людей, вынужденных чаще поливать свои обширные огороды, животных, уставших от непомерного зноя и насекомых, так же кусавших скотину и людей от злости. Жара выматывала настолько, что не хотелось выходить на улицу, даже местные жители старались лишний раз не высываться на солнце без необходимости. Ну, а вечером Осинки оживали, появлялся народ, повсюду слышалась речь и смех.

Как- то вечером мне не спалось и я, не зная, куда себя деть, осторожно сняла с себя ручку обнимавшей меня Ксюши, подоткнула ей под бочок игрушку, чтобы дочка не свалилась с кровати, и осторожно ступая, босиком вышла на улицу. Трава была мягкой, приятной, ласкающей пятки. Я сравнила с поцелуями, но тут же заставила выкинуть эту идею из головы. Не скажу, что местные мужчины мне не нравились. Нравились, ведь я не слепая и видела, что кто- то из них хорош, а кто- то скотина изрядная. Про то, что понравившиеся мужчины не пара по статусу, не задумывалась – отношений- то всё равно нет. И по части обманутых девиц у меня уже имелся кое-какой опыт, что фору даст почти любому. Да и не видела я никого такого, кого бы сердце захотело принять. Глядя на сильные мужские руки, примечала, что такими и объятия крепче...

Но только сердце молчало при взгляде на обладателей или веселого нрава, или этих самых сильных рук.

Запах гари и треск заметила почти сразу, кинулась за дом и там увидела....Улица, на которой стоял дом Степана и Олёнки полыхала, озаряя всю ночную деревню.

Я вся словно похолодела, но заставила себя как можно тише зайти в свой дом и растолкать крепко спящую Марфушу.
– Марфа, вставай, пожар!

Мы выскочили из дома, а навстречу нам уже бежала рас- трёпанная, с совершенно безумным видом Олёнка, держа за руки испуганных сыновей.

– Барынька Ярослава разрешите их оставить у вас, мне тушить надобно бы, пожар почти до нас добрался. А ваш дом хорошо – через широкую дорогу, значит, огонь не подойдёт.

Я и сама об этом думала – обычная проселочная утоптанная дорога, что шла через деревеньку на этот аз могла сослужить мне хорошую службу- встать на пути возможного распространения огня.

Мы быстро вернулись, оставили у нас детей, а потом едва не возникла заминка – кто должен был бежать на помощь ,помогать в тушении- я или Марфуша. Мне хотелось сделать это самой, очень, но оставлять детей в такой обстановке всё-таки небезопасно. Стоит искорке перелететь через дорогу и вспыхнет трава, а там уж и до дома недалеко.

– Барышня, – произнесла Марфуша, – у вас дочка, а у меня никого, так что вам за детьми следить.

– А у меня муж там и имущество, скотина, – всхлипнула Олёнка и тут же замолчала, поглядывая на дверцу Марфиной комнаты, в которой мы оставили её сыновей.

– Хорошо, – согласилась я чисто из соображения безопасности для малышей. Одних их оставлять нельзя, однозначно, – но если кто устанет, я сменю.

Так и договорились.

Олёнка и Марфа ушли, а я припасла лопату, ведро оставила около бочки с водой. Треск от горящей древесины стоял на всю деревню, перемежаемый человеческим криком. Это там, в столице Тарсмании при сильном возгорании работали

несколько пожарных команд. А в нашем загородном замке надеялись на несколько бочек с чудо- насосами, специально приготовленными для пожаротушения, которые в случае опасности можно было бы использовать. Но тут ничего не было кроме ведер с водой и лопат. А ещё багры и топоры, при помощи которых ломались сараи, заборы, дабы воспрепятствовать дальнейшее распространение огня.

К сожалению, природная стихия не выбирает, на кого плюнуть огнём, а кого и вовсе обойти стороной. Дом Лисовых сгорел почти полностью, но осталась в живых вся скотина – две коровы, куры, овцы и лошадь.

Но и это не самое большое бедствие, что коснулось не чужих теперь для меня людей. Я с радостью пригласила их жить к нам, пусть наша избушка не такая и просторная, а когда у них появится новый дом, да и появится ли вообще – неизвестно.

Обгоревшего Степана принесли к нам на носилках. Как оказалось, он пытался спасти кое-какие вещи и сбережения из дома, но потолочная балка едва не придавила мужчину. Как он умудрился выбраться или ему помогли, пока не всё ясно, но главное- он будет жить, а остальное это дело наживное, пусть и не такое простое. Доктор, добрейшей души человек, метался между ним и еще несколькими страдальцами, ранеными в этой борьбе с огнём.

– Барынька, – проскрипел пострадавший мужчина, стиснув зубы, – вы уж простите нас, – начал он извиняться, но

я не дала.

– Всё в порядке, Степан, что вы! – тут же отозвалась я, чувствуя смущение перед этим могучим человеком, который наверняка сейчас чувствует себя беспомощнее котенка, – всем места хватит. Вы с семьёй в комнате Марфуши, а мы втроём у нас. Зато веселее. Помните, как раньше, когда мы только приехали?

– Спасибо вам, – крепкая мужская рука легла на мою ладонь и я покраснела.

Нет, к Степану я не испытывала ничего кроме дружбы и уважения, даже в мыслях ничего подобного не было. Но меня так давно не касался другой мужчина, даже нечаянно, что сама эта мысль ввела в смущение.

– Всё будет в порядке, вот увидите, – попыталась успокоить я его, а заодно и всех нас, одновременно уступив место Олёнке, вернувшейся из бани.

Мне не спалось, и я ворочалась на неширокой кровати около Ксюшки, беззаботно раскинувшей во сне руки, словно легкокрылая птица. А Марфуша кинула матрас на пол и улеглась, прикрывшись стеганым одеялом. Но стресс после прошедших событий выбил нас из колеи и, похоже, ей тоже не спалось, как и мне.

– Марфуш, – позвала я шепотом девушку, – на неделе съезжу в город в ломбард, продам цепочку. Нам теперь много чего нужно, да и дом Олёнке со Степаном восстанавливать

нужно, поможем.

– Барынька, – всхлипнула девушка, и я свесилась с кровати, уставившись на свою подругу по несчастьям, – а как я испугалась, когда дядьку-то увидела окровавленного. Думала всё, мертвого несут.

Я осторожно слезла с кровати, боясь разбудить Ксюшку, и прижала дрожащую Марфу к себе.

– Ну что ты, всё будет хорошо, вот увидишь. Он сильный и главное – живой. Доктор сказал, что сломано бедро, но так оно на месте, а там срастётся. Помнишь, как твой отец за нами мелкими на дерево полез, да не удержался и свалился? Его нога недолго всего месяц-полтора и зажила. Степан не слабее на вид будет, так что все наладится.

Сколько бы всего не происходило, но еще никогда не видела подобных слез от своей подруги, служанки. Да и трудно её было не понять.

В Осинки давно пришло письмо, что отец Марфы умер, а мать осталась инвалидом в очень тяжелом положении. Правда слуги забрали её в замок, что очень хорошо – люди у нас там отзывчивые, а пожилая женщина человек незлобный, да и проработала с ними много лет, вот и платят ей добром. И хотелось написать о нас, а вдруг дядька её потом и вовсе со света сживёт от злости? Да и Ксюшка у меня теперь, за неё тоже страшно. Мы тогда выслали деньги от имени Степана для пожилой кухарки, в ответ опять же на имя дяди девушки пришло благодарственное письмо с описанием болячек по-

жилой женщины. С тех пор стараемся все время что-то отправлять, точнее я в приказном порядке даю Марфуше. Та иногда плачет, непременно краснеет, но всегда соглашается. Ведь будь её воля – полетела бы и забрала мать сюда или жила бы с ней там, да только нельзя нам возвращаться особенно после того, что случилось с родителями моей подруги- служанки, просто никак нельзя. Письма от имени матери Марфы пишет кто- то из слуг, а мы каждый раз сидим и гадаем, кто именно под диктовку написал ответ. И пусть эти болезненные весточки редкие – пара штук в году, не больше, но мы и им рады, хоть потом режем обе как провинившиеся.

– Барынька, вы добрая, как же я с вами рассчитаюсь то, – заголосила тихо Марфуша, уткнувшись ко мне в плечо.

– Это ты брось, – осадил я её, не знаю, уже в который раз, – а мне с тобой как рассчитываться?

– Да за что же?

– За то, что за Ксюшей присматриваешь, как за родной дочкой, за то, что любишь её. За то, что в трудную минуту со мной оказалась, не бросила свою опальную барышню.

– Та как же Ксюшеньку- то не любить? Она как маков цвет для меня. Своих деток нет, а может и не будет уже, так хоть её приголубишь и сердцу легче.

– Будут у тебя свои детки, ты это напрасно так говоришь, – улынулась я словам Марфуши.

Красавица, да не какая- то, как я, а самая настоящая. Только не ладится у неё с парнями. То кузнец, то еще один,

решивший, что городская девка дура, деревенских хитростей не знает. Марфа его граблями огрела, когда он попытался подкрасться к ней в низине и на траву повалить. И может быть справился бы с ней, если бы тот же кузнец не шел к Степану этой стороной и не оттащил нахала. Рожу ему разукрасили тогда лихо, да только кроме благодарностей кузнецу больше ничего не видать, как он на Марфу не заглядывается. А может быть именно он парней от неё и отгоняет? Да так, незаметно! Ведь с тех пор не то что бы пристать, а и погулять и на деревенские посиделки не один не позвал Марфушу, хоть глаз с нее многие не сводят.

Так, вздыхая и успокаивая друг друга, мы уснули. Поутру я проснулась от осознания, что сплю на голом полу. Повернулась – так и есть. Ксюшка прилезла к нам, втиснулась в серединку, растолкала, продолжая сопеть.

Лежать и предаваться лени времени больше не было, и я потихоньку встала, накинув одеяло на своих девчонок... Мы теперь не одни, потому отправилась готовить завтрак, ну, а там как все проснутся, решим, что дальше делать и как быть.

После обеда к нам пришел заспанный доктор, осмотрел Степана, прописал какие-то лекарства и удалился.

– Иван Кузьмич, подождите, пожалуйста, – крикнула я мужчину как раз в тот момент, когда он пересекал наш двор.

– Да, леди, вы что-то хотели? – он близоруко прищурился, посматривая то на меня, то на ярко палящее солнышко.

– Как дела у Степана? Вы его очень подбодрили, но что

на самом деле с ним?

– Ну, – доктор поскреб свою бороду указательным пальцем, – все зависит от него. Но сразу скажу – этот перелом бедра так просто ему не дастся. Лечение долгое и по-хорошему дорогое. Плюс не забудьте, леди, – внимательный взгляд красных усталых глаз, – питание улучшенное. Молоко, творог, сыр. И никакой физической нагрузки в самые первые месяцы.

– Хорошо, – улыбнулась я, – никакой нагрузки и только лучшие лекарства.

Это было проще сказать, чем сделать. Но мы старались. Я никого не послушалась, отвезла свою цепочку, что осталась от мамы в ломбард, а на вырученные деньги привезла своим погорельцам одежды, дополнительных одеял, запасла круп на всех нас. Пострадавших в деревне было много, а потому ждать помощи от кого-то со стороны не приходилось.

Степан хмурился, потому что не привык быть обузой всем, к тому же он прекрасно понял, кто занимался материальными делами все это время. Однажды отодвинул тарелку со щами, сказавшись сытым, а потом и вовсе повернулся на бок и прикрыл глаза.

– Как это сытый? – возмутилась я, едва не подпрыгнув от досады на месте, – ничего подобного! Доктор что сказал? Чем лучше питание, тем быстрее выздоровление.

Олёнка пошла доить коров, Марфа тоже суетилась во дворе, а готовка, дети и Степан сегодня были под моим присмот-

ром.

– Барышня, да я отлежусь, и все в порядке будет, вот увидите!

– Непременно увижу, – соглашалась я с ним, словно с малым ребенком, одновременно пододвигая тарелку, – и чем скорее наберетесь сил, тем скорее поправитесь.

Так дни и шли, пока не стало понятно, что вырученные деньги (это я-то рассчитывала на них еще и дом для Лисовых поставить?) таяли, хоть и не быстро.

Однажды я пришла к доктору за очередной порцией лекарств для нашего больного. Иван Кузьмич регулярно ездил в город, а заодно захватывал нам то, что считал необходимым для Степана. Я была ему за это благодарна – ведь мне не нужно было трястись на лошади почти половину дня туда, а потом обратно.

– Иван Кузьмич, спасибо вам большое, – поблагодарила я мужчину, а у самой в голове вертелась одна мысль.

Что же делать, ведь нам нужны деньги?

Я уже давно не отделяла ни местных Лисовых, не своей подруги-служанки, а потому чувствовала себя ответственной за них. Наверное, это передается по наследству. Папа всегда заботился о своих слугах, в своём доме. Так и у меня само собой сформировалось чувство ответственности за близких мне людей, особенно маленькую Ксюшу или двойню мальчишек Олёнки.

Как мы все переживём зиму?

– Да что вы, леди, – улыбка мужчины, которому на вид дашь лет пятьдесят, кажется, была искренней, – вы и сама печётесь о больном, как о родном. А ведь, кажется, родства-то у вас нет вовсе, простите меня за любопытство.

– Нет, – согласилась я, да и не было в этом никакой тайны, – но они очень близкие для Марфы люди, а значит и для меня. И плохого ничего мы от них не видели.

– Я понял, – кивнул доктор какой-то одному ему понятной мысли и грустно улыбнулся, – вы просто хотите взвалить на себе решение чужих проблем. Я ведь прав, леди?

– Правы, только они мне не чужие.

– Ну, тут я, наверное, не так выразился, простите меня. Устал, понимаете ли, – он потер руками выбеленные сединой виски, – кроме раненых сегодня у одной женщины роды были. Распереживалась бедная от пожарищ, вот и вышло так.

– Да уж, – только им могла добавить я, собираясь духом.

Мне нужно было спросить что-то очень важное, из-за этого не спалось уже какую ночь. Но каждый из нас должен сделать шаг, который во многом определит его жизнь. Примешь ли ты то, что на тебя свалилось или попытаешься что-то наладить, как-то облегчить существование рядом находящихся с тобой людей.

– Скажите, – находиться в кабинете врача еще дольше, можно было бы считать это неприличным и пришлось решиться, – нет ли где работы для такой, как я? Вы не слышали?

Он внимательно посмотрел на меня, положив локти на стол, одновременно натирая фланелевой тряпочкой круглые стёкла очков.

– Знаете, я все понимаю, вы не думайте, что старый или выжил из ума, – он убрал тряпочку в футляр для очков, а потом нахмурился, – обещаю, что-нибудь найду. Вы смелая, а это в женщинах вашего положения нынче редко.

– Моего положения? – вот теперь я нахмурилась, не понимая, о чем он говорит.

Иван Кузьмич как все приличные эскулапы был несколько странен, что не мешало ему пользоваться уважением у нас и в соседних деревнях тоже. Этаким образцом порядочности интеллигентного разлива нашей местности. Вот только понять его иногда удавалось с трудом. То латинскую фразу в разговоре ввернёт, и уйдет, а ты думай, то ли стих из книги прочитал, то ли про чьи-то болячки рассказал.

– Я хотел сказать, леди Ярослава, что брать ответственность это удел смельчаков, а такую – инвалида и троих детей- тем более.

– Да не одна я, Иван Кузьмич, со мной Марфа и Олёнка. Ну, так что, поможете? – переспросила я, собираясь, домой.

– Постараюсь, – заверил меня мужчина и я ушла.

Наступил август, принёсший с собой падение температуры, то есть долгожданное похолодание. Детки стали веселее, не надо было их бесконечно загонять домой, боясь перегрева на солнышке, мы практически запасли на зиму сено, плюс

начался сбор урожая.

Вот таким теплым вечерком к нам постучался Иван Кузьмич, проверил лежачего Степана, а только после отозвал меня в сторонку.

Я обрадовалась, а сердце замерло. Неужели это и есть то, о чем я просила.

– Скажите, а какое у вас образование?

– Домашнее, мне учителей приглашали, – призналась я впервые, ведь до этого момента о подобном проговаривала только про себя, не вслух. – А еще и два года института благородных девиц. У меня и документы на это имеются. А что такое?

– Городской аптекарь, весьма солидный человек со средствами хочет нанять для своего сына учительницу.

– Учительницу или гувернантку? – переспросила я, переходя на шёпот, и у меня все оборвалось.

Нам очень нужны были деньги, но мысль о том, что мне придется на какое-то время расстаться с Ксюшей была ужасной. Я подозревала, да и просто предчувствовала, что работа и постоянное нахождение рядом со своим маленьким сокровищем – это совершенно разные вещи, но когда пришло время.... Сердце словно оборвалось, и тоска как серый туман стала заполнять его. Но ведь нужно искать выход, нужно помогать, содержать эту большую (по моим меркам) семью.

А еще дети, их у нас на троих, плюс пока совершенно больной и беспомощный взрослый человек.

Я пришла домой и скрепя сердце поставила всех в известность, не рыдая и не делая из этого трагедию. Это мои люди, моя семья, если так угодно, а потому я просто обязана о них заботиться. Конечно, все были против, но, несмотря на возражения, думаю, что каждый понимал- в нашей ситуации это был хоть какой-то выход. Сгорело имущество, сгорели деньги, пострадал скот, а впереди зима, которая длится совсем не месяц не два. А ещё есть Степан, лишенный сил и от этого чувствующий себя иждивенцем на трёх женщинах.

Это потом, ночью я лежала и тихо давилась слезами, прижимая к себе сонную Ксюшу. Мне не хотелось тревожить Марфу, вызывать в ней хоть каплю вины, поэтому собственной ладонью зажала рот, а слёзы все текли и текли...

На другое утро я уехала, вскочив на коня, и уже во второй половине дня была на месте. Конечно, знатной даме полагается подъехать в карете или экипаже, непременно с кучером. Но если ты планируешь занять место учительницы, то сойдёт и пешком, в крайнем случае, на коне, как я. На мой взгляд, это некрасиво – приезжать на собеседование, одетой по- походному. Поэтому прямо в лесу переоделась и уже в платье въехала в город, остановившись на окраине, чтобы не скакать в мужском седле по Кудеяру.

Двухэтажное здание, этот дом, принадлежавший семье известного на всю округу аптекаря, я узнала сразу. Светло- серое, с побеленными окошечками, оно словно говорило само за себя, что тут занимаются медициной и ничем дру-

гим.

Звякнул колокольчик, когда я проходила сквозь стеклянные двери. Всё казалось таким лёгким, не массивным, что я поневоле сравнила с родным домом. И пусть конкретно в этом не было ничего общего, но красивые солидные аптеки видела и у нас, конечно же.

– Что вам угодно, леди? – произнёс седовласый мужчина за прилавком. На вид ему можно было дать лет пятьдесят пять-шестьдесят. Округлый живот и полное лицо несколько не портили добродушного человека, по крайней мере, таким он мне показался с самого первого взгляда.

– Добрый день. Мне бы хотелось увидеть хозяина этой аптеки, господина Марлена Радкевича, – поздоровалась я в ответ и слегка улыбнулась. Всё как положено, ни больше, ни меньше.

– Это я, а вы кто, леди? – мужчина достал из кармашка круглые очки, ловко протер их носовым платочком, и водрузил на нос, – кажется, мы не знакомы.

– Я ..Ярослава Хадерсон. Мне на счёт работы порекомендовал обратиться к вам Иван Кузьмич.

– А, припоминаю, – довольно закивал аптекарь, словно наш деревенский доктор был для него ровней и вообще светилом. Впрочем, на счет мастерства он и в самом деле был весьма способным человеком. Наверное, он родился в одной руке исключительно с стереоскопом, в другой с пинцетом. – И что вы умеете? Какое образование?

Я тут же достала все свои документы, а точнее диплом из института, на девичью фамилию и заодно свидетельство о браке, дабы мужчина не сомневался в принадлежности моего документа.

– Леди, на мой взгляд, все замечательно, но воспитанием сына занимается непосредственно моя жена. Подождите, пожалуйста, сейчас она спустится, и вы пообщаетесь, – извинился передо мной мужчина и позвонил в колокольчик, на звук которого спустя пять минут появилась немолодая, но вполне привлекательная женщина. Высокая, черноволосая, с пышными формами, она словно сошла с холста какого-то художника, изображавшего исключительно пышущих здоровьем дам.

– О! – произнесла супруга аптекаря, вытянув губы трубочкой в то время, как её глаза бегали по строчкам диплома. – Это как раз то, что нам нужно, – заявила она. – Вы нам подходите! Но обязательное условие – испытательный срок. И никаких шашней в пределах наших стен и за ними тоже, а еще- трезвость, трезвость и еще раз трезвость!

Эти слова я встретила достойно, без лишних прыжков по коридору, без возгласов восторга. Но при замечании о трезвости, вопрос об учителях- алкоголиках так и вертелся на языке, но я его задушила на корню. Мне очень нужна эта работа, а уж свои остроты попросту придержу при себе.

Мы договорились о весьма неплохой по здешним меркам оплате, о количестве занятий, что я должна буду проводить

с девятилетним ребёнком- единственным наследником аптекарей Радкевичей. А самое главное, о том, что с субботы по воскресенье могу быть совершенно свободной, то есть фактически есть возможность видеться с дочкой каждый выходной. Оставляя тут Ксюшу госпожа Марго не разрешила, назвав одну причину- всё внимание учителей должно быть направлено исключительно на её сына, а не на собственных детей. Я вполне понимаю её, и всё же..Учить свою дочь предпочла бы тоже сама.

Радкевичи (думаю, дело исключительно в матери) решили, что когда мальчик вырастет, то ему обязательно следует поехать по миру, а может и поселиться за границей. Ведь, как известно, у других и воздух свежее и солнце ярче. В любом случае, мне до чужих причуд не было абсолютно никакого дела, а если есть возможность заработать, то я этому была только рада. Писать на родном тарсманском языке умею, разговаривать тоже, с мировой литературой очень даже знакома, так что оказалось, как учитель я вполне востребована. Только осталось доказать и показать всем свою профессиональную пригодность.

Я уехала к себе, чтобы поделиться этой новостью с родными, чтобы уже ровно через неделю приступить к новым обязанностям. И последнюю ночь проплакала, потому как расставаться с Марфушей тяжело, а с дочерью хуже еще раз в сто или двести. Она моя жизнь, я сама хочу её воспитывать,

сама заплетать косички и завтракать вместе с ней, сама хочу рассказывать на ночь сказки о влюбленных принцессах, или плести веночки для кукол.

Но ведь сама вызвалась помогать людям, сама знаю, что я больше чем кто бы то ни был из нас, могу заработать, чтобы поддержать наши семьи, поддержать больного Степана, а тем самым, возможно, продлить его жизнь.

Жилые комнаты аптекаря располагались как раз над торговым и складским помещением, то есть на втором этаже, что мне очень нравилось. Городской особняк или загородный замок не были одноэтажными, а наблюдать с высоты всегда гораздо интереснее, чем на уровне своего роста, или из подвальных помещений. Моя комната небольшая, но довольно светлая, была угловой, так что из обоих окон было видно не только проезжую часть, но и сад, так же принадлежавший Радкевичам.

Я приехала, оставила своего коня Быстрого в конюшне, принадлежащей доктору, о цене за пребывание мы уже договорились – будут вычитать из моей оплаты, что впрочем, меня устраивало, потому что ходить пешком на такие расстояния это не по мне, а надо чем-то жертвовать. Так сказать плата за проезд в натуральном виде. После поднялась к себе, быстро ополоснулась под небольшим душем(он был общим для меня и гувернантки и находился как раз посередине между нашими комнатами), разложила вещи и отпра-

вилась знакомиться с местной прислугой. Это было не так уж и трудно, ведь в позднее вечернее время все собираются на кухне, за чашкой чая или молока, поговорить, что-то обсудить, да и просто расслабиться. Так было у нас с папой, так есть и тут, у Радкевичей. Дичиться простой прислуги или делать вид, что я гораздо выше их не собиралась. Высокое положение и происхождение еще не знак того, что человек непременно благороден или умён, мой опыт – тому самое прямое подтверждение. Мне предстоит провести длительное время в этом доме, а значит, я должна подружиться или, по крайней мере, не конфликтовать не только с аптекарем и его женой, но и с местной прислугой. А кто знает хозяев лучше, чем слуги?

– Здравствуйте, – я переступила порог, огляделась и не сразу увидела двух женщин, что сидели за столом и с не меньшим интересом уставились на меня. – Давайте знакомиться, я учительница...

Так мы и познакомились. Обоим женщинам было чуть больше тридцати лет. Одна из новых знакомых оказалась кухаркой, а вторая прачкой. Оказывается, есть и еще слуги, вот только некоторые из них приходящие, а кто-то занят, как например, гувернантка Натали, что неотрывно находится при хозяйском мальчике.

– Скажите, а много до меня было учителей? – такой невинный вопрос, но он для меня действительно много значит. Я пододвинула чашку с чаем, зачерпнула ложечку варе-

нья и приготовилась ждать. Удивительно, но меня эта компания приняла почти сразу. Правда сохранялась какая-то легкая настороженность, но ведь это нормально. Никто не побежит к чужому человеку с распростертыми объятиями, никто не будет рассказывать ему о странностях или темных историях хозяев.

– Натали, гувернантка, его сначала учила, чему могла, – поделилась со мной прачка, макая одновременно сушку в чай, – а теперь новый учитель нужен, мальчик-то у господ вырос.

– А до вас иностранец был, франк какой-то, Жульеном кликали, – стала рассказывать кухарка, а я прислушалась. – Но всё, неделю отбыл и уехал.

– Почему? Не понравилось? – осторожно допытывалась я, заранее гадая, что за ребенок, почему учитель уехал? Хотя может быть дело совсем в другом? Не стала пугать себя раньше времени и приготовилась ждать, что еще расскажут словоохотливые женщины.

Большой плюс этим женщинам-они не сплетничали, а знакомили меня с тем, что я итак могла узнать без их участия. Хорошая прислуга, умеющая держать язык за зубами, и у нас ценилась, уж я-то знаю.

– А не получилось у него. С виду вроде как иностранец, – объясняла прачка, но мне сразу показалось, что хочет рассказать что-то смешное, – штаны одеты, словно барское исподнее. Тонкие, прилегающие к тощим кривеньким ножкам.

А гольфы- исключительно красный цвет, словно он не мужчина, а петух с ярмарки..Ну, леди вы может быть видели?

– Ага, видела, – отозвалась я своим новым знакомым, а сама подумала, что они меня назвали леди. Выходит, действительно не отмоешь, не сотрёшь. Но я- то не возражаю, мне стыдиться нечего, а вот как к этому отнесется аптекарша?

Хотя похоже, что ей польстило моё трудоустройство- леди в наёме у аптекарей. Ну и ладно, мне без разницы, лишь бы платили, а остальное как-нибудь переживу. Главное – благополучие дома и отсутствие каких- либо притязаний на меня со стороны хозяев.

– Так вот, – продолжила кухарка, – этот Жульен оказался самым простым жуликом. Узнал его кто- то, да и сдал хозяйке с потрохами. Никакой он не франк, а самый простой белогорец, только не из нашего города. Штаны свои купил у заезжих циркачей – там как раз в таких узких ходят, да по канатам лазят. А язык франкский и не знал видать, выдумывал ерунду, да про звёзды предсказания лопотал. Вот хозяйка взашей его и выкинула. Вот смеху- то было!

– Надо же, – только и сказала я, вспомнив своих домашних учителей. Кажется, у меня некоторые тоже не задерживались. Уровень знания не соответствовал папиным требованиям, а потому он всегда старался отбирать педагогов мне лично, не доверяя исключительно рекомендациям.

Потом разговор плавно перетек в кулинарные пристрастия и как, оказалось, обедать я буду вместе с аптекарями.

Конечно, манеры за время пребывания тут никуда не делись, а потому подобная перспектива вовсе не пугала. Но я пообещала словоохотливым женщинам, что по возможности буду приходить сюда и пить вместе с ними чай перед сном.

Я проснулась очень рано. Умылась, привела себя в порядок, позавтракала (всё принесли сюда, на подносе, покрытым белоснежной салфеткой) и отправилась в классную комнату, которую сама видела уже с вечера.

Стол для учителя, парта для ребенка – все было таким милым и знакомым, что пришлось глубоко вздохнуть, дабы не расплакаться. Спустя десять минут (я мельком глянула на часы), дверь открылась и ко мне вошла гувернантка Натали, держащая за руку довольно крупного упитанного мальчика, очень похожего на госпожу Марго. Девять лет? Да ему можно дать все тринадцать! За исключением лица, оно хоть и довольно круглое, но выражение соответствует реальному возрасту.

– Здравствуйте, леди, – поприветствовал меня ребёнок кивком головы, – вы моя новая учительница?

– Здравствуй, – поприветствовала я ребенка, вскользь замечая, что на левой брючине прилипла крошка. Мальчик любит вкусно поесть, это, несомненно. Что же, попытаюсь с ним поговорить посредством знаний на тему здоровья, может быть не все потерянно. – Как тебя зовут? Меня – леди Ярослава, а тебя.

– Максимилиан, – торжественно и важно сказал этот крупный ребенок. А я в этот момент поймала лёгкую улыбку Натали, обращенную ко мне. – Максимилиан Радкевич.

– Очень приятно, – заверила я его, и кивком головы отпустила Натали. Дверь за девушкой закрылась, и снова мой взгляд обратился к мальчику. Кажется, я его вовсе не отталкиваю, да и он не выглядит надменным, что очень хорошо.

– Присаживайся пожалуйста, Максимилиан, – я жестом руки показала на парту, – и сейчас мы с тобой поговорим о том, что ты читал за последний месяц. Сегодня будет день знакомств, и от этого зависит, чем займёмся дальше.

Так, слово за слово мы беседовали с этим большим ребенком, а я видела в нём мальчика, вовсе не плохого или задиристого, а самого обыкновенного. Просто дурные привычки очень часто имеют место быть у всех. Его черта – вкусно поесть и подольше поспать. Похоже, ребёнок тоже признал меня своей, потому как он немного смеялся (всё-таки заливаться и хихикать при новом человеке это не совсем хорошо, мальчик знает), рассказывал стихи, которые учил с гувернанткой в прошлом году. Спустя четыре часа Натали пришла за Максимилианом (про себя я сразу решила называть его Максом, не иначе) и с удивлением обнаружила, что мальчик не зевает или не спит, развалившись на парте (оказывается, у франка в лосинах было и такое), а читает вслух известную поэму "Сыны Белогории" ...

Судя по тому, что за обедом госпожа Марго благосклонно улыбалась мне и ласково посматривала на Макса, наш урок, а возможно его содержание не осталось без внимания и как мать, она была довольна. Мне было приятно, потому что достаточно в своей жизни видела мамаш, готовых ради своих детищ унижить, втоптать учителя, гувернантку. Я не старалась выглядеть добренькой, а старалась быть интересной и справедливой, чтобы завтра Макс пришел ко мне с желанием учиться. Понятно, что всегда так не будет и рано или поздно, но он захочет вернуться к прежнему образу поведения на уроке. И воспринимаю это лишь как побуждение к подготовке более интересных занятий, ведь у ребенка был отклик, была заинтересованность, а для меня это важно.

Дни летели за днями, а я только и делала, что ставила крестики на маленьком календарике, что сама расчертила. И ждала, когда же увижу свою маленькую Ксюшу...

Понедельник, вторник... в выходные- домой! В пятницу мы занимались до обеда и после, а уже к вечеру я была готова сорваться с места, чтобы поскорее увидеть своих. И Ксюшу. Ещё днем я специально купила сладости для детей, по теплым штанишкам каждому и все положила в сумку, которую приготовила с собой в дорогу. Спать легла как никогда рано, а как только рассвело, в 6 утра, выехала в Осинки...

Пять часов пути- это нормально для того, кому благоприятствует осенняя погода, кто останавливается исключительно на десять- пятнадцать минут, чтобы дать отдых коню по

кличке Быстрый, а затем снова отправиться в путь.

Кто едет с единственной целью – побыть вместе каких-то не целых двое суток с родной душой, с единственно родной кровиночкой – дочкой Ксюшей.

Худенькая девичья фигурка стояла, прислонившись к забору, в то время, как двое неугомонных мальчишек носились по двору друг за другом.

– Мама! – закричала дочка и побежала навстречу, поняв, что это именно я приближаюсь к ним.

– Солнышко, – я мигом слетела с Быстрого, подхватила свою Ксюшу и закружила. Слёзы лились и лились, а я все целовала румяные щёчки, маленький носик и не могла нарадоваться, прижимая её к себе. – Девочка моя, маленькая.

Все были рады мне. И озорники мальчишки, которые тут же убежали, держа в руках по сахарному леденцу на палочках, и Марфуша с Олёнкой, специально приготовившие к моему приезду домашнюю лапшу. И рабовался Степан, на чьём лице я читала не только чувство вины, но и элементарную человеческую радость при встрече.

А ночью я несколько раз просыпалась, губами прикасалась к головке дочки и просто была счастлива, что именно сейчас она со мной. Плакать не хотелось, это я прекрасно делаю одна, в аптекарском доме. Мне хотелось наслаждаться этим моментом – мы вместе...

Глава 12. Сюрприз по- аптекарски или здравствуйте, я его дядя

Ярослава. Спустя два месяца, ноябрь

Снег лёг в начале ноября и мне это очень нравилось. Я возвращалась с Осинок в дом аптекарей, увозя с собой картинку, специально нарисованную мне детьми и маленькую куколку, что Марфуша сшила для Ксюши, а дочка настояла, чтобы я взяла её с собой, погостить в город, а потом привезла. Ну, разве откажешь?

Легкий мороз, скрип снежка под копытами – все способствовало тому, что моё настроение несколько приподнялось. Я торопилась, ведь не красное лето, а быть обмороженной не самое лучшее для леди, к тому же учительницы. Своё лицо и руки я берегла, прикрывала по возможности и каждый день смазывала специальным кремом, что продавался у Радкевичей. У моих работодателей было несколько аптек, весьма популярных в городе, так что они действительно могли и учителя для сына нанять и за границу его отправить (думаю госпожа Марго сама следом и отправиться – себя показать и за сыном посмотреть). А мужа оставит деньги зарабатывать, над пробирками кропить.

– Какая красавица, – раздалось за моей спиной в тот момент, когда я передавала Быстрого местному конюху.

Высокий мужчина тридцати лет на вид, широкоплечий с небольшими блестящими усиками смотрел на меня оценивающе. Его карие глаза с легким прищуром выдавали натуру легко увлекающуюся и хорошо осознающую, что хорош собой и нравится женщинам.

Я не отозвалась, даже не стала спрашивать у конюха, а что этот незнакомый человек тут делает. В конце концов, невежливо приставать к леди с подобными словами, которая не дала повода. Ну, а кто это, кажется, знаю. Макс всю неделю жужжал мне на переменах о своём дядюшке Ленаре, что приедет скоро навестить семью и останется до самого Рождества.

Спиной чувствовала взгляд, пока не скрылась за дверью, ведущей в дом. Честно говоря, порадовалась, что вместе с плотным костюмом наездницы на мне был утепленный плащ, частично скрывавший мою фигуру. Этот мужчина отчего-то внушал мне опасения, а подобное каждая женщина чувствует с полувзгляда, с полуслова.

Вечером как обычно мы собрались на кухне вместе с прачкой и местной кухаркой, чтобы попить чай с малиновым вареньем, что дала мне с собой Олёнка и поговорить про погоду, про какие-то городские новости. Я скучала, скучала по своей прошлой жизни, по папе, которого просто не увижу больше. И если бы хоть могилка, хоть что-то от него осталось, то непременно поехала бы туда, когда-нибудь. А просто так ехать не имело смысла, если только ловить на себе за-

интересованные оценивающие взгляды случайно узнавших меня бывших институток. Да и не хочу туда, слишком болезненными были последние воспоминания, а ведь я не одна, есть теперь маленькая Ксюша, ради безопасности которой готова на всё, даже прибить кого-нибудь собственными руками.

Прижав к себе куколку дочки, я уснула, но самое странное, что во сне явился дядюшка Макса, читающий стихи, а потом пытающийся кормить меня со своих рук.

На другое утро я, как и положено, пришла за двадцать минут до начала уроков, просмотрела свой учительский план, что набросала заранее, прикинула, чем бы полезным занять Макса после обеда, чтобы он не таскал плюшки у кухарки, а заслышав шаги по коридору, приготовилась ждать своего ученика.

Дверь распахнулась, но на пороге вместе с Максом зашел его дядюшка собственной персоной. Я сцепила пальцы рук замком перед собой, в ожидании дальнейших действий. Я леди и не простого сословия, чтобы приветствовать первой мужчину, к тому же ещё не моего работодателя.

– Доброе утро, леди Ярослава, – привычно поприветствовал меня Макс и тут же продолжил, – а это мой дядя, Ленар.

Макс с большим удовольствием и явной привязанностью потрогал рукав мужчины, говоря, что это именно он его дядя. А вот родственник лишь улыбнулся пареньку, положил свою руку ему на плечо и обратился ко мне.

– Доброе утро, леди. Позвольте представиться, Ленар Радкевич, младший брат Марлена, – улыбка хищника была подарена мне.

Но этим явный ловелас не ограничился, он потянулся, чтобы поцеловать мою руку. Я не отказала, не стала выдергивать, а уж тем более строить гримасы, в конце концов, сейчас не произошло ничего предосудительного, подобное обращение с женщиной являлось нормой.

– Доброго дня, господин Радкевич, – обозначила я его положение и своё отношение и, показав глазами на парту Максусу, у которого на лице читалось уже явное желание пошалить, отправилась за свой стол, дабы направить энергию ребёнка в нужное мне русло.

– Максимилиан, рассказывай на языке Тарсмании о том, что мы вчера проходили на уроке литературы, – начала я, давая понять Ленару, что время общения с ним ограничено, а нам пора заниматься. Это на Натали, предпочитающую вязать в уголке в этот период или просто витающую в облаках, я могла не реагировать, а тут... Мужчина был опасен, и это чувствовалось в каждом его движении, в каждом взгляде. Закинув ногу на ногу, он уселся в кресло у стены, и практически не отрывая своего взгляда, стал меня рассматривать. Это неприлично, и вряд ли мужчина не в курсе правил, скорее всего, ему явно хочется меня смутить.

– А вы бывали в Тарсмании? – вклинился родственник аптекаря в тот момент, когда я дала очередное письменное

задания Максусу.

– Бывала, – отозвалась я, решив, что в любом случае мои документы выданы там, на родине, а значит, нет смысла лгать об очевидном факте, – а вы?

Стрелки перевести, кажется, так когда-то говорил Серж, брат подруги Леры. Подруги из другой жизни, не нынешней.

– Нет, к сожалению, – отозвался тут же Ленар, солгав о печали. Ни тени сожаления, это точно, – я не выезжал за пределы Белогории и кажется, теперь начинаю об этом жалеть.

Вот после этих слов я вздохнула с некоторым облегчением, отчего-то.

– У вас всё впереди, – дополнила я и раскрыла учебник по географии, делая вид, что готовлюсь к очередному уроку по крупным городам моей родины. На самом деле я смотрела на названия, а видела конкретные города с их улицами, какими-то особенностями. Арман, Ривьер, Масан... Все было настолько знакомым, а каждое название почти родным, что я едва сдержалась и чтобы не выдать себя, встала и отвернулась к шкафу с разными принадлежностями, делая вид, что никак не найду нужную подробную карту.

С этого самого дня господин Ленар повалился посещать занятия, не каждый раз, но постоянно точно. Я не скажу, что этот молодой мужчина только и делал, что поедал меня глазами, нет. Оказывается он прекрасный собеседник, хорошо разбирающийся в истории Белогории. Ленар даже рассказал что-то поучительное про свой городок на историческую те-

му. Но с ним было как-то нелегко. Я постоянно была в напряжении, замечая его пристальный взгляд, стоило только оторваться от книги. А иногда вопросы обо мне были такими, словно человек знал, что у меня есть какая-то тайна и ему весьма хотелось до неё докопаться. Подозреваю, так и было, вот только раскрывать всю свою душу никому не собиралась, а потому приходилось выкручиваться и придумывать задания для Макса, одновременно задействовав в этом его весьма любопытного дядюшку.

Обеды по-прежнему для меня проходил вместе с семьёй аптекаря, а значит и вместе с господином Ленаром. Это могло бы превратиться в пытку, если бы не мой прошлый опыт общения с теми, с кем в принципе-то и здороваться тошно. А брат аптекаря не был противным до такой степени. И всё же однажды, во время обеда я почувствовала, как кто-то осторожно попытался погладить мою лодыжку.

Я окинула взглядом присутствующих, все были на месте, руки у Радкевичей тоже не отличались излишней длиной. Искра смеха из глаз Ленара сказала сама за себя, и на повторное касание я тут же отдернула ногу, понимая, что итак задержалась, позволяя себе лишнее. На другой день я извинилась перед госпожой Марго, сказав, что не смогу сегодня присутствовать со всеми за обедом, сославшись на не очень хорошее самочувствие по причине женских недугов. Говорить о том, что заболела, не стоило, ведь тогда я не смогу заниматься с Максом, а, значит, моя заработная плата

будет несколько ниже обещанной. Госпожа Радкевич не возражала, что дало мне отсрочку примерно на неделю.

Но Ленар так просто от меня не отстал, видать это было не в его характере, хотя допускаю – я его местное лекарство от скуки. Так сказать тренировка перед прочими развлечениями. Однажды вечером, когда уже по выработанной привычке спускалась на кухню, чтобы попить чай, да и просто посидеть в приятной компании, я загляделась в боковое окно в коридоре. Снег, что окончательно лёг всего неделю назад придал природе торжественный и какой-то нарядный вид, добавив светлых красок в уже надоевшую темноту. Очертания строений виднелись со всех сторон, а зажженные фонари, те и вовсе казались островками, под которыми непременно должен собираться народ, чтобы обсудить новости или просто поговорить.

Я смотрела в окно и гадала, чем сейчас занята Ксюша? В какое платье её сегодня одевала Марфа? Построили ли они хоть маленькую снежную бабу или снеговика? А еще сколько раз скатились с небольшой горки во дворе.

– Задумалась, красавица? – произнёс знакомый голос, и я тут же почувствовала, как кто-то коснулся моей шеи, осторожно проведя пальцем снизу вверх.

Я дёрнулась, но оказалась схваченной за руки в районе локтей и прижатая к молодому и крепкому на вид мужскому телу.

– Отпустите или закричу, будьте уверены! – шикнула я

сквозь зубы, ругая себя, что так неосторожно застыла у окна. А если сейчас кто-нибудь увидит нас? Что подумают?

– Не так быстро, леди, – насмешка послышалась в словах мужчины и тут же почувствовала, как чужие губы прижались к моей шее, вызвав гневную и в то же время приятную дрожь.

– Вы забываетесь, господин Ленар, – вновь прошипела я и больше не стала уговаривать этого навязчивого мужчину.

Я просто подняла ногу и со всего размаха ударила по туфлям Ленара небольшим каблуком, который помог самым удивительным образом.

Господин Радкевич тут же отпустил меня, тихо ругаясь о дикарках, которым ещё и детей доверяют. Может быть и так, вот только в следующий раз придумаю что-нибудь посильнее, например, подпрыгну и обеими ногами приземлюсь на его идеально начищенные башмаки.

Мне, наверное, стоило пойти к себе, чтобы запереться и обдумать своё положение, вот только я вовсе не хотела сидеть в четырех стенах и гадать о произошедшем. Почему я должна прятаться по углам, как серая мышь? Радкевич давно облизывался на меня, не зря ежедневно посещал занятия вместе с Максом. Странно, что его родственники не заметили повышенного интереса к учительнице сына, впрочем, меня это не волнует. Мужчина привлекательный, не спорю, и в определенных дамских кругах, скорее всего, пользуется спросом, только не у меня. Какая-то параллель с Даниэлем выстраивалась и я решила это от того, что им нужно бы-

ло исключительно моё тело, рассчитывая на свою мужскую неотразимость. При мысли о Дане я скривилась, остановившись перед дверями кухни. Прислушалась – шагов за спиной точно не было, вздохнула. И с привычной улыбкой вошла на кухню.

– Добрый вечер, – с улыбкой поздоровалась я с теми, кто хоть и не считался мне ровней, но вполне заменял хорошую компанию.

Обратный путь был куда как спокойнее только Ленар сидел в проходной гостиной, мимо которой шел мой путь к себе. Свечи, внимательный взгляд мужчины, отложившего газету и пристально смотрящего мне в след, все отдавало какой-то затаённой опасностью, отчего хотелось сорваться на бег, но я не стала этого делать.

На другое утро Радкевич не появился на занятиях, и я точно вздохнула спокойно, но это длилось ровно до тех пор, когда Макс не подошел ко мне с самым заговорщицким видом.

– Леди, пойдёмте сегодня на каток.

– На каток? – удивилась я, а сердце в груди тоскливо защемило. Это было где-то в другой жизни. Я, веселящиеся подружки и каток.

– Да, мама сказала, что в парке уже подготовлен лёд на замерзшем пруду, так может быть, вы научите меня скользить? Вы вообще умеете?

– Умею, – отозвалась я, предвкушая, что сегодня будет очень насыщенный день, но тем и лучше. Прокатиться вдруг

как- то очень сильно захотелось, что не заметила, как согласилась, – научу, конечно же. Только у меня коньков- то и нет.

– А ерунда, – махнул рукой Макс, – у мамы где-то были, надеюсь, ей будет вовсе не жалко для вас.

– А почему тебя мама не научила? – спросила я, хотя ответ мне был не так уж и интересен, он, скорее всего, был задан из вежливости, автоматически. Ну, мало ли почему женщина не попала на каток с собственным отпрыском.

– А ей некогда, а потом она сказала, что уже лет десять точно не вставала на лёд, получается, она не умеет? Или боится, что лёд треснет?

– Умеет, – я потрепала волосы мальчишки, который пока еще не понял, что умение стоять на коньках это так же, как кататься на лошадях. Ты или уже научился или пока не научился.

Вечер только собирался опускаться на городок, как мы с Максимилианом вышли и отправились в сторону парка. Народа на освещенных улицах было много и можно было вовсе не бояться или переживать по поводу темноты. Мне даже казалось, что многие как мы шли исключительно по направлению к городскому парку, чтобы погулять и посмотреть на прочих прохожих.

Пары, просто гуляющие и отдыхающие, наслаждались. На улице слегка подморозило, но все же играл оркестр, горели желтые фонари, отовсюду слышался смех, что придавало особую атмосферу этому вечеру. Макс в последнее вре-

мя стал подвижным подростком, плюс мы с ним вдобавок к классическому воспитанию делали ежедневную зарядку, которая мне тоже полезна. Вот и сейчас вместо страха перед новым, он смело пытался скользить, переставляя ноги, а в случае падения не жаловался на выщерблины и уже покорёженный лёд, а просто хохотал или просил помочь подняться.

А я наслаждалась. Впервые, за несколько лет, окунаясь в частичку прошлого, что улыбка почти не сходила с моего лица. Максимилиан, кажется, тоже заразился всеобщим настроением, не говорил, что устал и не искал взглядом скамейку. Все катались по кругу, двигаясь, словно под музыку и лишь отдельные смельчаки ныряли между основным потоком. Сегодня мне было хорошо и радостно.

До тех пор, пока кто-то слишком быстрый не врезался в нас и не увлёк за собой в сугроб.

– Простите! – прозвучал знакомый голос человека, который сейчас оказался лежащим на мне.

А моя шапка, она слезла на глаза! Но я упёрлась одной рукой наглицу в грудь, другой пытаюсь поправить так некстати свалившийся на глаза головной убор. Хорошо, что под спиной снег, а не лёд, но и тут без синяков не обойтись, это точно.

– Немедленно встаньте, – зло прошипела я, ничего не видя, но задумавшись, где сейчас Макс.

А нахал не спешил, и только горячее дыхание рядом с моим лицом выдавали вполне определенную цель.

– Неудобно бить коньком по ноге, не находите? – съязвил он, припомнив ту ситуацию в коридоре и тут же откатился в сторону, сел, делая вид, что отряхивается.

– Очень жаль, что неудобно, – фыркнула я и резко села, меняя положение тела на более благопристойное.

– Леди с вами все в порядке? Дядя, вы тоже тут? – прозвучало рядом, а я облегченно вздохнула. Мальчик тут, он даже не упал и с ним все хорошо, а это главное.

– Максимилиан, ты готов идти домой? – нарочно бодрым голосом произнесла я, полностью игнорируя Ленара, а потом встала, отряхиваясь от снега. Касаясь рукой места ниже спины, мрачно подумала, что, судя по болезненности пятой точки, синяка не избежать.

– Леди, а можно еще немного покататься? – пухлое лицо мальчика принято такое милое выражение, что я, усмехнувшись, сразу согласилась.

– Хорошо, десять минут, не больше. А то мышцы с непривычки будут завтра болеть. У обоих.

Мальчик продолжил кататься, а я как бы невзначай отошла в сторону, словно пыталась следовать за своим воспитанником, только не так быстро. Боковым зрением видела, что Ленар какое-то время с усмешкой просидел на снегу, а после встал и куда-то делся. Честно говоря, я вздохнула с некоторым облегчением, однако подозревая, что этот человек просто так сейчас не уйдёт.

И точно – он ждал нас на выходе из парка, зажав в руке

свою пару коньков.

Макс и Ленар всю дорогу играли в снежки, дурачились, а я делала вид, что все в порядке и это довольно привычная картина. Но если честно мне было не по себе. От откровенно заинтересованного взгляда, что бросал на меня Ленар, и от воспоминаний, когда он оказался лежащим на мне. Ведь, засранец специально так сделал! И была бы я в деревне, то схлопотал бы, чем потяжелее. И я, наверное, смогла бы приподнять оглоблю, дабы огреть Ленара! Возмущение и ещё что-то другое копошились в моём сердце на протяжении всего пути к дому.

– Леди Ярослава, мне нужно с вами поговорить, – с этих слов началось моё следующее утро, едва я зашла в классную комнату. К моему удивлению госпожа Марго сидела за учительским столом и крутила в руках карандаш, иногда постукивая им по столу.

– Слушаю вас, госпожа Марго, – отозвалась я, отчего-то понимая, что разговор предстоит вовсе непростой. А чтобы не чувствовать себя провинившейся школьницей перед собирающейся отчитываться учительницей, присела на то место, где обычно сидит гувернантка или в последнее время господин Ленар Радкевич. За парту Макса не села нарочно.

– Леди, я хотела бы выразить вам благодарность за моего мальчику, – начала она тем самым тоном, каким кухарка вчера на кухне отчитывала помощника за то, что он спёр с

тарелки печенье, что испечено исключительно для хозяев.

– Благодарю, – я отозвалась, одновременно пребывая вся во внимании.

– Но есть еще кое- что, – пауза, которая мне показалась многозначительной и нарочито показной. – Вы должны перестать соблазнять брата моего мужа.

– Что? – удивленно протянула я, чувствуя, что хмурюсь, – что делаю, простите?

– Хм. Возможно, что-то не так понимаю, но мне явно известен вчерашний инцидент, что произошел на катке между вами и Ленаром, – уже с меньшим напором произнесла аптекарша.

– Это не даёт права обвинять меня в чем бы то ни было, – тут же отозвалась я, стараясь не срываться. Скорее всего, Макс делился впечатлениями от катка с родителями и рассказал это случай, показавшийся ему вчера весьма забавным. Ведь он, новичок устоял, а я упала в сугроб. Не объяснять же было ему, что Ленар нарочно это сделал.

– Да, возможно, ... – согласилась Марго и тут же добавила несколько дружелюбным тоном, – значит я в вас не ошиблась. Мне просто хотелось бы, чтобы учителя на глазах мальчика не занимались, чем попало, к тому же, да будет вам заранее известно, у Ленара скоро помолвка.

– Извините, но у меня нет никаких (я выделила это слово) намерений в отношении вашего родственника и не было. И не будет, уверяю, – ухмыльнуться было бы верхом неприли-

чия, но я не сдержалась.

– Я рада, что всё выяснила, – заявила Марго и с широкой улыбкой вышла, задержавшись на пороге. – Максимилиан очень доволен, что вы его учите, значит, я тоже. А если вы стесняетесь обедать вместе с нами, то можете делать это у себя, леди Ярослава.

– Благодарю вас, – произнесла я в ответ, выдавив обычную дежурную полуулыбку, вставая со своего места. Если честно, захотелось проветрить класс, чтобы впустить свежий воздух, лишенный напряжения и подозрения, чем я тут же и занялась.

Макс пришел вместе с дядюшкой, весело пересказывая вчерашнюю прогулку в парк, но я нарочно проигнорировала Ленара, вежливо поздоровавшись и только. Три часа я видела перед собой исключительно ребёнка и совсем не замечала мужчину, который только и делал, что пытался привлечь к себе внимание, а потом уходил, снова возвращался. В конце концов, во время послеобеденных уроков я просто заперла двери, с мстительным наслаждением поняв, что кто-то осторожно дергается с другой стороны, но зайти уже не может.

А вечером всё прояснилось.

Я поспешила на кухню, но вначале решила заглянуть в небольшую хозяйскую библиотеку. Господин Марлен был так любезен, что разрешил мне воспользоваться для личного ознакомления своими медицинскими книгами, чему я была несказанно рада. Мне хотелось посмотреть что-нибудь от-

носителем Степана, исключительно в целях самообразования.

Приглушенные голоса, раздающиеся из библиотеки, остановили меня перед тем, как я едва не распахнула дверь. Но, не имея на то привычки, прислушалась, пытаюсь определить, кто тут.

Ленар спорил с Марго...

Я развернулась, чтобы уйти, так как не желала, чтобы меня застали и в очередной раз в чем-то обвинили, но тут голос мужчины прозвучал несколько резче и сильнее, что само собой мне пришлось всё услышать.

– Я не думаю, что та давняя история должна иметь какое-то продолжение.

– Это потому что у нас появилась учительница? – съязвила аптекарша.

– Глупости и ты сама прекрасно это понимаешь, – с какой-то усталостью заявил Ленар, – и леди тут не причем.

– Тогда почему ты избегаешь меня?

– Послушай, Марго, ты жена моего брата. Априори родная женщина, не больше. Если хочешь – сестра, почти.

– А раньше?

– Раньше, – злоба так и лилась из уст Радкевича, – раньше ты не говорила, что замужем, причем за моим братом! И, поправь меня, если я не прав и не сказал тебе всё, что думаю до моего приезда сюда в этот раз. Причем сказал несколько лет назад!

– Это потому что я знала, что мой муж носит ту же самую фамилию, что и ты. И я знала, что у него где-то есть брат, с которым он долго не общался. Что изменилось, Ленар? Ну, узнал ты, что я жена Марлена и что? Я стала уродом или моё тело больше не привлекает тебя, как прежде?

– Уйди, Марго, я ещё никогда не имел собственную родственницу, – натянутый смех вывел меня из оцепенения, поэтому очнулась, удаляясь от библиотеки как можно тише. – Найди себе кого-нибудь другого, а брата я люблю, и не поступлю, как ты хочешь.

Мне стала вполне понятна ревность аптекарши, но точно, к этому я не имею ровно никакого отношения. Пусть со своим родственником разбирается сама.

Нет уж, завтра книжку возьму. Вместе с Максом придём! Засыпая, я порадовалась, что еще пара дней и поеду домой, к дочке, к своим.

На другое утро госпожа Марго объявила, что она с сыном собирается отправиться в небольшое путешествие во время зимних каникул и вернутся они только через две недели. Меня это вполне устраивало, пусть в материальном плане я проигрывала. Но отдохнуть хотелось, тем более, что все чаще Ленар молча смотрел на меня, ничего не говоря, но и больше не подходя, а это все-таки нервировало.

Я проверила сумку, в которой припасла всем подарки, так же убедилась, что документы так же не останутся в комна-

те и спокойно присела, мысленно прикидывая, что еще надо прикупить, ведь сегодня последний день, а завтра на рассвете отправлюсь на Быстром к себе домой.

Ксюше – куколка и яркие ленты в косички, мальчишкам – по пистолету, что стреляются горохом(думаю взять честное слово с каждого, чтобы по друг другу не стреляли), Марфе и Олёнке – по красивому пёстрому платку с кисточками, как они любят. Степану – книгу по резке из дерева. Находясь в лежачем состоянии, он не оплошал, а пристрастился вырезать из досок, поленьев, да все какие-то завитушки. Как-то пожаловался, что готов и сложнее сделать, но кто бы помог, подсказал. Деревенский мастер по дереву и сам погорел, а сейчас зимой живет вместе с семьёй в хлеву, запасает всё для стройки будущего дома. Поэтому меня грела мысль, что семейство Лисовых будет радо моим подаркам и гостинцам. А ещё захватила какую-то редкую травку для доктора, как сказал аптекарь, она очень ценная, с её помощью раны заживляются в три раза быстрее обычных примочек. Надеюсь, ему тоже понравится, ведь он человек увлеченный своим делом.

У нас в доме на новый год всегда наряжалась большая ёлка, но тут этого ничего не было, готовились угощения, но и только. Однако Марфуша сказала, что если раньше не было, то теперь пора бы и завести такой обычай и обещала, что лично съездит в лес и разыщет ёлочку попушистее, а уж игрушки детвора давно стала заготавливать. Шишки, раскрашенные разными красками, старые игрушки, которые нико-

му уже не было жаль. Даже Степан вырезал деревянного зайца в последний раз, когда я уезжала.

С вечера я попрощалась с аптекарями, с Максом, наказав, чтобы он непременно все запоминал, потом пересказал мне на тарсманском языке наиболее понравившиеся моменты. Кажется, Марго это задание очень понравилось, она улыбнулась и велела мальчику присмотреть для меня подарок.

Ленар поджидал меня в полутемном коридоре, ведущем на кухню. Он стоял у окна, около которого я любила задерживаться вечером. Я немного помедлила, не понимая как бы лучше поступить, чтобы проститься с женщинами, и пожелать им удач в новом году было моим единственным желанием, а уезжать без этого не хотелось.

– Вы сегодня забыли попрощаться со мной, – тихо произнёс мужчина в тот момент, когда я проходила мимо, стараясь не задеть его даже платьем.

– Прощайте, господин Радкевич, – тут же отозвалась, следуя дальше.

Он не дал сделать и шага, схватил меня за локоть, развернул и привлек к себе.

– Да что же ты такая неприступная- то, а? – прошептал мужчина мне в лицо и легкий запах алкоголя донесся до меня.

Я поморщилась, потому, как не привыкла к подобному, а обратиться отсюда подальше с каждой секундой хотелось все сильнее. Нет уж, Макс случайно рассказал, что дядюшка ско-

ро тоже уедет, а значит потом, по возвращении мне будет гораздо легче дышать.

– Пустите! – прошипела, пытаясь понять, как лучше избавиться от него. Руки были перехвачены, а толкаться с мужчиной собственной грудью как-то не привыкла, не мой стиль. – Что же вы всё меня преследуете, зачем?

– А то ты сама не знаешь, – прошептал он мне на ухо, – Яросла- а- ава- а- а.

– Господин Радкевич, я разве давала вам повод? – мне это изрядно надоело, но кричать и привлекать внимание Марго вовсе не хотелось. Работа это то, что сейчас очень устраивало меня, несмотря на прочие неудобства в личном плане. Деньги копились, платили хорошо, а значит, надо сделать всё как-то аккуратнее.

– А разве нужен повод, чтобы обратить внимание на красивую женщину? Чтобы просто пообщаться с ней? Про то, чтобы провести с вами вечер я пока и не мечтаю. Но всё-таки, хотел бы и даже не скрываю.

– Что? – мне показалось или ослышалась? Нет, я вовсе не была ханжой или рьяной моралисткой, но чтобы именно ко мне приставали подобным образом?

– Не кривляйтесь, леди, – припечатал он меня, – я в курсе, что у вас ребенок, а значит, не такая уж вы и правильная, как казались мне до сих пор.

– Вот оно что, – зло ухмыльнулась я, поняв, откуда такое обо мне мнение у Ленара. – А вы спросите у Марго, – про-

шептала ему в ответ и дерзко улыбнулась, – что еще за документы я ей предъявляла до трудоустройства. Надеюсь, она вспомнит, что у моей дочери есть отец. Законный. Вы ведь знаете, что иногда женщины бывают замужем? Встречались с такими?

Я не стала упоминать про развод, что так же был оформлен документально. В этот момент чувствовала огромную благодарность Якобу Хадерсону, придумавший всё буквально за одну ночь и так же быстро все осуществивший. Это не его дело и ничье, кроме нас с дочерью и полковника, которому я и письмо- то написать боюсь. Ведь точно знаю, что все бросит и будет нас содержать, но обузой больше я не стану.

– А теперь, господин Радкевич, – я всё же вырвалась, отступив на шаг назад, – прошу больше не преследовать меня. Вы скоро женитесь, так к чему обхаживать женщину с ребенком? Или на подвиги потянуло, а?

– Простите, я вел себя грубо, – неожиданно отозвался Ленар, – это потому что с вами рядом веду себя как последний идиот. Всё время хочется что-то сказать, но получается всё не то. – Он помолчал, вероятно, осознавая, что я сказала ему только что. – И я вовсе не собирался жениться, подозреваю, что это выходки всё той же Марго. Так вы меня прощаете?

– Прошу, только больше не преследуйте меня, – я выдохнула устало, снова сделав шаг в сторону кухни, – прощайте.

На другое утро я выехала в семь утра, надеясь, что пока пересекаю город, на улице посветлеет.

Ярослава

Новый год мы встретили весело и дружно, как полагается большим и крепким семьям. С вечера прогулялись по большой деревне, оставив одного Степана дома (он стал немного передвигаться, но выходить на улицу боялся, все-таки скользко, не хотелось бы упасть и заново ломать то, что с таким трудом начало срастаться), встретили соседей, пообщались с ними. Некоторые даже заходили к нам и любовались наряженной ёлкой, высказывали пожелания и самим на будущий год украсить дерево.

Атмосфера праздника не отпускала нас и стало казаться, что всё вот- вот наладится, тем более, что действительно Степану стало легче, а полученные деньги были довольно приличными- Радкевичи не скупилась для собственного единственного ребёнка.

Ровно две недели мы с Ксюшей и мальчишками играли, занимались и просто гуляли. Я старалась дать что-то познавательное, что узнала о Белогории и этим детям, потому что они ничуть не хуже остальных.

Но всё хорошее рано или поздно заканчивается и за два дня до окончания зимних каникул я должна была отправиться обратно, чтобы заново приступить к нашим с Максимилианом занятиям.

Зима не время выезжать впритык, а потому мы выспались, позавтракали, и только после всё большое семейство прово-

дило меня до ворот.

– Мам, – пискнула дочка, – а ты привезёшь мне лошадку с колокольчиком?

– Привезу, конечно, – я улыбнулась, потому что это желание появилось после рассказов о новогоднем дедушке, что на лошадке развозит подарки.

– Девчонка, – хорошо сделали своё заключение мальчишки, но на самом деле и у них были желания, который каждый поодиночке и озвучил. Причем она, мечта, совпала у обоих – мечи или сабли, главное не деревянные, которые уже имелись у них в арсенале.

Дорога скрипела и пела под копытами Быстрого, а морозное утро сменилось вначале небольшим, а потом всё более обильным снегопадом. Солнышко довольно скоро скрылось, и вместо чистого неба вокруг всё застлала снежная пелена.

От наезженной дороги уже через час ничего не осталось, а через три конь с трудом преодолевал путь, как будто мы попали в вечное царство снежной зимы, где нет ни дорог, ни путей, ни в одной направлении. Один лишь лес, лес и еще раз лес...

Спустя четыре часа почти непрерывной езды до меня стал доходить неприглядная и весьма скорбная картина.

Я заблудилась, и, кажется, Быстрый тоже не знал, куда нам надо ехать. Тропы просто не было, как не было видно ни одного ориентира, способного придать нашему пути вид про-

езжей дороги.

Спешившись, схватила коня под уздцы, и мы с ним напролом полезли в сторону деревьев, в надежде укрыться хоть с какой-то стороны от ветра. Высокие ели не давали защиты в прямом смысле слова, но частично гасили тот напор ветра, что уже начал пробираться до костей. Кажется, именно до моих костей добирался он как-то быстро, не иначе тонковата девка для него попалась.

Я набросила поводья на какой-то торчащий сук, а сама присела, обхватив себя руками, и попыталась согреться. Ватные штаны и теплое полупальто, специально укороченное для зимней езды, уже не спасали. И я сильнее прижала к себе руки, отчего собственный паспорт неприятно кольнул грудь сквозь ткань.

Вот и всё?

Папа, мама, Ксюша, все проносилось перед глазами в каком-то замедленном темпе. Словно не было четкой мысли, а исключительно обрывочные картинки. То Марфа, сующая рыбный пирог мне с собой, то Даниэль, твердящий, что может мне помочь и подобрать домик... Всё смазалось серым пятном, но мысли зацепились за пирог. Похоже, я проголодалась и может если поест, то станет много лучше? Силы появятся или, по крайней мере, согреюсь, продержусь до солнышка....

И почему не взяла спички?

Как хорошо, что аптекарша не разрешила взять Ксюшу....

Обрывочные мысли как спасительная соломинка казались разумными, но, тем не менее, сил встать не было, и я просто повалилась на еловую ветку, лежащую на снегу, подтянула к себе колени и плотнее сомкнула глаза.

Плакать не буду, только вспоминать всё хорошее, о чем могла бы подумать в последний момент своей не такой уж долгой жизни.

Папа, мама, дочка...

Папа, мама, дочка...

Тарсмания, в это же время. Ксения Белтонич.

– Алекс, ты сегодня надолго? – Ксения стояла у зеркала, неспешно перебирала украшения, что в большом количестве подарил ей муж, и никак не могла решить, в чем она завтра поедет на очередной благотворительный концерт, который организует знаменитый музыкант Моссарт. Она приставляла то одно, то другое, но ничего не нравилось, а некоторые весьма красивые вещи вызвали отвращение, хотя еще совсем недавно радовали глаз. Наконец довольно скромное ожерелье из черного жемчуга привлекло свою хозяйку, и женщина взяла его в руки, приложила к шее.

– Думаю не очень, родная, но тебе решать, – произнёс седоволосый герцог, удерживая концы ожерелья, чтобы Ксения смогла оценить его по достоинству, расправив плечи. – Сегодня я представлю на рассмотрение Августу список лю-

дей, которых возьму с собой для переговоров в Франкию, он всех их знает, так что пока повода задерживаться нет. Но если что, – жесткие губы коснулись виска жены, а руки уже вовсе не держали украшение, а прижимали женщину спиной к себе. – Если что, – они оба смотрели друг другу в глаза, но через зеркало, – ложись, я постараюсь не потревожить тебя, когда вернусь.

– Как будто я прошу об этом, – она улыбнулась все тому же зеркальному отражению любимого мужа. – Дождусь, даже не возражай.

– Ну, хорошо, это будет поводом не задерживаться, – Алекс усмехнулся и тут же резко повернул к себе женщину, прижав её к своему телу, и многообещающе с наигранной угрозой произнёс, – попробуй уснуть!

– И что тогда? – с интересом переспросила Ксения и тут же охнула, приложила руку к виску, а потом ткнулась головой мужу в грудь.

– Что? – он обхватил её лицо руками, – что случилось, родная?

– Да так, просто голова закружилась, всё в порядке, – ей удалось выдавить натянутую улыбку и казалось, что Алекс поверил. – Наверное, из-за погоды. Ветра нынче сильные, сам видишь, а мне ведь уже не шестнадцать.

Да что же это с ней такое творится?

Вчера не было аппетита, сегодня не посмотрела на завтрак, а теперь голова?!

– Да кто бы говорил о возрасте, – проворчал обеспокоенный герцог, внимательно вглядываясь в любимые глаза. – Знаешь, я сейчас пошлю за доктором, и даже не спорь!

– Хорошо, но я всё равно себя нормально чувствую, – женщине пришлось притворно вздохнуть и нахмуриться, – значит, ты уже против, чтобы я тебя ждала?

– Не в этот раз родная, сегодня, если что, спать, – четко проговорил Алекс и, убедившись, что жена легла, спешно отправил горничную за доктором, а сам немедленно отбыл во дворец, потому что уже опаздывал на приём к императору.

Август внимательно просмотрел список, откинул его в сторону и уставился на Белтонича.

– Знаешь, кто сегодня попросил встречи со мной? – усмехнулся августейший монарх.

– Кто? – тут же отозвался Алекс, бросив мимолётно взгляд на небольшой семейный портрет, что стоял на рабочем столе на резной подставке.

Два года назад Кларисса родила тройню, мальчика и двух девочек, чем весьма удивила не только империю, но и все соседние государства, ведь это великая редкость, Божий дар. После этого семейная императорская чета преобразилась, получив новый смысл жизни. Герцог был уверен, подобное пошло им всем только на пользу. Ксения всегда радовалась, когда приезжала повидать Клариссу, а заодно поиграть с задорными и детьми.

– Гринвич- младший.

Герцог промолчал, предпочитая услышать лично, что нужно было этому человеку, а не строить предположения.

– Заешь, Алекс, он ведь мечтает попасть с тобой в эту поездку, – похоже, Август наслаждался, рассказывая о подобном, но Белтонич по-прежнему предпочел промолчать. – А я ему ответил, что всю делегацию целиком комплектуешь ты. Скажи, он к тебе подходил?

– Был, обратился напрямую впервые за столько лет, – подтвердил Алекс, но ни капли эмоций не отразились на его лице. – Просился.

– И что ты ему ответил?

– Что место секретаря, к сожалению уже занято, – как ни в чем не бывало, отозвался герцог и позволил себе приложиться к бокалу. Кому-то постороннему задумчивость Алекса могла показаться вызванной из-за трудного задания, что возложил император на своих людей, но сам Август точно знал, что причиной дочь, от которой до сих пор ни слуху, ни духу. – Что пообещал Гринвичу мой император? Включить в состав делегации?

– Сказал, что эта задача возложена целиком и полностью на тебя, – усмехнулся монарх, и, отсалютовав другу, отпил из своего бокала.

Спустя час Алекс быстро спрыгнул с подножки кареты и быстрым шагом вошел в дом. Он беспокоился за свою жену и надеялся, что ничего серьезного ей не грозит.

Доктор, человек, убеленный сединами не менее самого герцога с достоинством, присущим людям, которые уверены, что они почти никогда не ошибаются, поджидал в гостиной, распивая чай вместе с герцогиней.

– Доктор Шепперд, – поприветствовал эскулапа Алекс и обратился к своей жене, уловив в ее милом лице какие-то перемены. – Как ты себя чувствуешь, дорогая? – он поцеловал её руку и присел рядом, не сводя с неё своего взгляда.

За эти четыре с лишним года, что он вернул своё сокровище, и заново изучил свою Ксюшу вдоль и поперек. Знал, когда она расстраивается, а когда просто что-то задумала. А это новое выражение лица пугало и интересовало одновременно...

– Ну, я пойду, – тут же поспешил откланяться доктор, – а завтра ждите, приеду ближе к обеду.

– Что он сказал? – вновь переспросил Алекс, и беспокойство запустило корни в сердце. Неужели какие-то последствия, что они сразу не заметили? Ведь по приезду из Аравии жена прошла столько обследований! Ксюша побывала у десятка врачей, дабы выявить какое-то негативное воздействие, которое могли причинять ей умышленно. Например, добавляли яд в пищу или еще что-то подобное.

– Да, знаешь.. – она поставила свою чашу, зачем-то намотала на руку салфетку, после и вовсе откинула её прочь. – Алекс, я слишком старая?

– Что, прости? – не понял мужчина, подозревая, что тут

весьма серьезное дело, раз его милая Ксюша, которой всего-то сорок лет с небольшим, говорит о старости.

– Я беременна, – произнесла женщина и покраснела, вопросительно взглянув на мужа.

Как он оказался перед ней на коленях- даже не помнил, но разве в этом дело?

– Родная, это, ... – у него просто не было слов, да и верно ли всё расслышал? – Я стану отцом?

Слова с трудом вырывались из горла.

Нет, это просто какая-то ошибка, ведь столько лет он считал, что бесплоден!

– Ты, конечно, ты, – отозвалась жена, а на любимом лице наконец-то появилась улыбка, и герцог ткнулся в живот лицом милой. – Я, наверное, старая для этого?

Неуверенность?

Родная. Да разве может быть его женщина старой?

Никогда.

И что такое сорок с небольшим? Девчонка.

– А я? – Алекс вынырнул из складок платья, понимая, что слеза (и откуда только взялась) катится по щеке.

– А ты у нас вообще очень даже ничего, – рассмеялась герцогиня, незаметно стирая пальцем слезу со щеки мужа.

Она даже не поверила, что так вообще бывает. Но муж рядом, со всеми такой жесткий, порой жестокий, просто непробиваемый и только с ней настоящий.

Родной.

Конец 1 тома

Присоединяйтесь!

Моя группа в ВК Мир книг Ирины Снегиревой

<https://vk.com/club176136791>